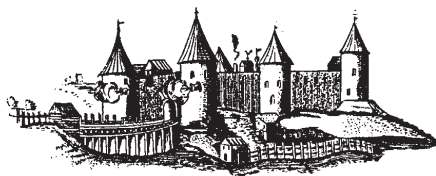

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

ЦЕНТР ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Адриан Гелин
СТОЛБОВСКИЙ
МИР
1617 ГОДА

Издание второе. Исправленное

БЛИЦ

Санкт-Петербург • 2019

ББК 63.3 (2-2Новгород) 44
С29

Селин А. А.
С29 Столбовский мир 1617 года — СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр „Блиц“», 2019. — 208 с. и илл.

ISBN

Рецензент: д. и. н. Зоя Васильевна Дмитриева
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

В книге рассматривается история подписания, политическое и социальное значение Столбовского мира, заключенного между Швецией и Московским государством 27 февраля 1617 г. и почти на столетие определившего судьбу восточной Балтики, явившись фактором устойчивого развития в этом регионе Европы. В монографии представлена ретроспектива публикации и исследования Столбовского мирного договора и переговоров, предшествовавших его заключению; содержится подробный очерк политической и дипломатической истории Северо-Запада Московского государства накануне подписания Столбовского договора; рассматривается реализация положений Столбовского мира со времени возвращения Новгорода и пригородов под власть Москвы. Автор исследует агитацию в спорных районах и начало процедуры обмена населением, подготовку к демаркации границы, документальную и инфраструктурную. Рассмотрен также процесс ратификация мирного договора обеими сторонами. Дается очерк демаркации новой границы в Ингрии и Карелии. В заключении анализируется значение Столбовского мира. Ставятся ряд вопросов: чьей победой и чьим поражением стал Столбовский мир; какие последствия, в частности — политико-этно-географические, имело заключение мира; какие вызовы, связанные с последствиями Столбовского мира, возникли; наконец, каковы причины травматического осмысления Столбовского мира в исторической памяти России XXI века.

ББК 63.3 (2-2Новгород) 44
С29

© А. А. Селин, 2019
© Издательство «Русско-Балтийский
информационный центр „БЛИЦ“», 2019

Введение	6
Глава 1.	
История изучения Столбовского мирного договора и публикации его текста	24
Глава 2.	
Политическая и дипломатическая история Столбовского мира. Июнь 1616 — сентябрь 1617 гг.	52
Глава 3.	
Реализация Столбовского мира.	108
Заключение	193
Список сокращений	197
Указатели	198

Смута — сильнейший политический кризис в Московском царстве начала XVII века — была не локальным, столичным событием, но охватила все города и уезды государства. В каждом крупном городе, в каждом большом районе наскоро сколоченного в XVI столетии и поэтому довольно некрепкого политического образования московских государей Смута проявлялась со своими особенностями.

Свой путь в Смуте прошел Новгород Великий. Для этого города, одного из важнейших в Московском царстве, особенности политических битв были предопределены приграничным положением. К рубежу XVII века вопрос о независимости города уже не стоял. Элиты города за более чем столетие московской власти неоднократно сменялись; социальная структура новгородского общества была сродни той, что сложилась и в других областях Московского государства. Ни о каком воспоминании о «новгородских вольнолюбивых традициях» применительно к этому времени речи вестись не может. Но вот близость к Швеции, постоянное присутствие в городе шведских торговцев, гонцов, а иногда и дипломатов высокого уровня, заметный интерес к Новгороду со стороны шведских политиков — все это накладывало особый отпечаток на повседневную жизнь. И роль Швеции в жизни Новгорода в период Смуты проявилась особенно ярко. Граница со Швецией воспринималась новгородцами как вполне банальное явление: шведов хорошо знали, многие простые обыватели, да и наиболее активные крестьяне часто ездили в приграничные

районы с торговыми целями; это было вполне легально и не преследовалось, в особенности — после Тявзинского мира 1595 г., нормализовавшего отношения между государствами.

Новгород к началу XVII века представлял собой достаточно сложно организованное общество. В нем жило несколько тысяч посадских людей — ремесленников, дворников, купцов, просто домовладельцев. Они имели свое самоуправление — пятиконецких старост, выбиравшихся ежегодно; старосты же назначали посадских к разнообразным земским службам-повинностям. В городе и огромной Новгородской земле жило также две или три тысячи семей служилых людей, тех, кого принято называть помещиками. Но эта группа была крайне разнообразной. Будучи в большинстве своем потомками людей, которых переселяли в Новгород многими волнами, начиная с 1480-х гг., некоторые из них уже прочно связали свою судьбу с Северо-Западом; другие же стремились вернуться «на Низ», в «московские города». Помещики преимущественно жили не в городе, а в своих усадьбах, «усадищах». В Новгородской земле существовали также «пригороды» — крепости Ивангород, Ям, Копорье, Орешек, Ладога и Корела, со своими посадскими людьми. В Новгороде и пригородах, в некоторых монастырях стояли стрелецкие гарнизоны, частью набранные из местных «охочих людей», частью — приведенные из центральных районов страны. Около ста — ста двадцати человек служило в административном аппарате.

После заключения Тявзинского мира в 1595 г. и произошедшего затем размежевания границ одним из важнейших вопросов политической географии восточной Балтики стал вопрос о коммуникации между шведскими владениями в Ливонии (преимущественно в Эстляндии) и в Финляндии. Сухопутная дорога между этими территориями вела через северо-западную часть Новгородской земли — через Копорье, Ям и Ивангород, отвоеванные в 1590-х гг. московскими войсками. Открытие и закрытие этого пути для шведских гонцов, торговцев, воинских контингентов после Тявзинского мира стало подвластно московским властям; шведские же политики остро нуждались

в прочной коммуникации ливоно-финляндских территорий: шла война между двумя претендентами на шведский престол, Сигизмундом и Карлом Сёдерманландским (принявшим вскоре имя короля Карла IX). Когда после ослабления центральной московской власти в 1607–1608 гг. Новгород оказался оторван от Москвы и окружен отрядами сторонников тушинского Самозванца, со стороны шведских политиков стали выдвигаться предложения о военной помощи царю Василию Шуйскому.

Не будем здесь подробно касаться обстоятельств, при которых Новгород через насилие был принужден в конце июля 1611 г. ко временному политическому союзу со Швецией. Распад Московского царства после свержения Василия Шуйского стал итогом коллапса, к которому пришло царство, построенное царем Иваном Васильевичем. Новгородские власти, опираясь на местные элиты, будучи плоть от плоти московскими служилыми людьми, между тем проявляли все большую и большую самостоятельность. То же происходило и во многих других частях государства.

По мнению Г. М. Коваленко, в ситуации политического ослабления центральной власти в Новгороде возрождались некоторые элементы «спящей», латентной старины¹ — рост значения элементов городского самоуправления, повышение статуса учреждений (от «изб» к «приказам») и проч. Полагаю, говорить об этом можно применительно не только к Новгороду Великому. Представления о новгородских «вечевых», чуть ли не республиканских, традициях в политологии и медиа начала XXI века явно гипертрофированы. В то же время такая характеристика, как рост локального самосознания в Смуту, может быть распространена на многие, если не на все, области Московского царства, части которого, явно непохожие друг на друга, имели разное «прошлое». Политическая субъектность различных частей царства проистекала, как представляется, не из латентно

¹ Коваленко Г. М. «В соединенье с Московским государством». Столбовский мир и возвращение Великого Новгорода в состав Российского государства. 1613–1617 гг. В. Новгород, 2017. С. 7–8.

сохранявшихся традиций, но из прагматической необходимости устраивать повседневную жизнь, которая вставала перед отдельными «городами» при самоликвидации политического центра государства в 1610 г.

В 1612 г. Новгород выступает как сторона переговоров во взаимоотношениях с соседями — Псковом, Каргополом, Белозерском, Устюжной. Контакты новгородских властей с воеводами и старостами этих городов — свидетельство своего рода политического «творчества», столь характерного для Смуты XVII века. События в Новгороде 1611–1612 гг., успешный на первых порах контакт между новгородцами и шведами — имели важнейшее значение для жизни других территорий русского Северо-Запада. Политический распад Московского государства после середины лета 1610 г. создал такую ситуацию, когда отдельные города вынуждены были строить особые отношения с соседями. Такие отношения носили сложный характер и серьезно менялись в ходе развития политической жизни и постепенного утверждения власти правительства Михаила Романова. В 1612 г. руководители Объединенного ополчения вполне искренне желали избрания на престол одного из шведских принцев, оставаясь в контакте с новгородским правительством почти до самого избрания Михаила Романова.

В декабре 1612 г. король Густав Адольф принял решение отправить младшего брата в Выборг для встречи с новгородскими уполномоченными. Однако было уже поздно. В Москву в это время съезжались выборные от «Всей земли». Надо сказать, что представительство оказалось весьма неполным, и новгородцы, в частности, не были представлены на соборе (как и многие другие части государства). Однако сведения о происходившем в Москве добрались до Новгорода. Полученные столичные новости поначалу вроде бы не свидетельствовали о крепости новой власти: видевший канун «царского избрания» новгородец Богдан Дубровский сообщал о склонности большинства «бояр» к кандидатуре Карла Филиппа. Но уже в марте в Новгороде и шведская администрация, и социально активные слои — дворяне и дети боярские — узнали, что, опираясь на военное

насилие (его степень сейчас сложно оценивать), была «продавлена» кандидатура Михаила Романова. Скоро эта весть дошла и до Стокгольма, но вплоть до лета 1613 г. формальных сведений о царском избрании в Новгороде не имели.

Лишь к июлю 1613 г. новое московское правительство стало по-новому выстраивать отношения с новгородцами (и шведской властью). Летом 1613 г., несмотря на поражения под Тихвином и Гдовом, в Новгороде всерьез готовились к встрече Карла Филиппа. В июле 1613 г. новгородцы отправляют в Москву посольство отенского игумена Дионисия с предложением признать царем Карла Филиппа, но оно было задержано московским воеводой князем М. В. Белосельским по дороге, в Торжке.

Принц Карл Филипп прибыл в июле 1613 г. в Выборг. Ожидая встретить там посланных от всего Московского государства, он увидел в Выборге только новгородцев. Миссия хутынского архимандрита Киприана, тщательно подготовившаяся к переговорам с будущим царем, не смогла, однако, найти точки соприкосновения со шведскими делегатами. Карл Филипп шел властвовать в Москве, новгородская делегация не поддержала шведских предложений о присоединении к королевству. После провала переговоров шведский принц 17 января 1614 г. уехал в Швецию.

Королевские инструкции 1613 г.¹, подготовленные для представления русской депутации шведами в Выборге, подразумевали три варианта развития событий: воцарение Карла Филиппа в Москве, присоединение к Швеции Новгородской и Псковской земель, отказ русских от шведского принца вовсе. В последнем случае предполагалось добиться подтверждения условий Тязинского мира и, кроме того, права продажи и покупки любых товаров в Московском царстве шведскими купцами и права шведским подданным оставаться в любом городе России.

¹ Инструкции шведского короля Густава Адольфа, данная комиссарам для переговоров с русскими в 1613 г. / Подг. Ф. Ржига // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Т. 14. Н. Новгород, 1913. С. 10–16.

Анализ этой инструкции был произведен И. П. Шаскольским¹. Важно отметить, что означенные пункты вводились прежде формирования даже представлений о будущем разграничении в этой части Балтийского пространства, а также явно вне всякого понимания в Стокгольме, кого будут представлять «русские посланные» в Выборге.

В те же месяцы шведско-новгородский альянс (со шведами в то время действовало еще множество новгородцев) потерпел поражение под Тихвинским монастырем. Цепь военных обстоятельств, особенности географии привели к захвату сравнительно небольшим отрядом московского войска хорошо укрепленного монастыря. Этот отряд, опираясь на поддержку некоторой части новгородцев, смог противостоять войскам Делагарди. Тихвинская победа стала, как пишет Олег Курбатов², первой победой царя Михаила Федоровича, а Тихвин на долгое время стал базой московских войск на новгородском направлении. Второй победой, а точнее — второй удачей обернулся провал похода короля Речи Посполитой Сигизмунда на Москву. К нему, на стан под Смоленском, в сентябре 1612 г. приходили смоленские дворяне, участники недавнего штурма Москвы, сообщавшие о серьезных ожиданиях в столице, «как только его королевское величество с королевичем появятся на границе, все ударят ему челом»³. Победа, казалось, была близка, но король дошел до стен Москвы и повернул назад, потеряв под стенами Москвы своих, казалось, надежных сторонников: на Москву отъехали князь Д. И. Мезецкий и дьяк Иван Грамотин.

Московское политическое пространство — царство, «наспех скроенное» полустолетием раньше и, очевидно, не имеющее единства управления, плохо справляющееся со своим многообразием, в годы Смуты неоднократно проявляло тенденции

¹ Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые сношения России с Шведским государством. М., 1964. С. 33–36.

² Курбатов О. А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006.

³ Эйльбарт Н. В. Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции. Комментированный перевод и исторический анализ. Новосибирск, 2013. С. 309.

к распаду: и после переворота июня 1606 г., и после образования тушинского лагеря, и после свержения Василия Шуйского. Вместе с тем крупные города — Псков, Казань, Новгород, Смоленск, отдаленные Пермь и даже Сольвычегодск — проявили стремление к формированию особой политической субъектности. Все это происходило на фоне всплеска общественно-политического творчества элит, выработки важных квази-конституционных памятников¹ (проекты договора с Владиславом Вазой, Приговор Подмосковного ополчения, договор Новгорода с генералом Делагарди). Но эти, казалось бы центробежные, тенденции не разрушали Московское государство, а укрепляли его.

Отчетливо это стало понятно в момент политического кризиса в Новгороде осенью 1613 г., когда на Выборгских переговорах шведским представителям пришлось отказаться как от идеи проведения кандидатуры принца Карла Филиппа на московский царский престол, так и от идеи инкорпорации Новгородской земли в Шведское королевство. Если первая идея в момент ее обсуждения в Выборге не находила безоговорочной и даже просто серьезной поддержки среди шведских элит, то вторая была, как выяснилось, невозможна для новгородского общества. На переговорах в Выборге стороны оказались, как это раскрыл Г. А. Замятин, в зоне почти полного взаимонепонимания. Именно с этого момента *realpolitik* становится для шведской стороны содержанием всего «новгородского направления». Уже на риксдаге в Эребро в середине января 1614 г. возникла дискуссия о том, на какие восточные области Шведскому государству стоит претендовать, а от каких прежних сформулированных претензий придется отказаться. Юный король вынужден был отстаивать необходимость каких-либо территориальных присоединений перед риксдагом. И риксдаг, и риксрод, и государственный канцлер Аксель Оксеншерн настаивали на том, что требуется ускорить

¹ Флоря Б. Н. О приговоре Первого ополчения // Исторические записки. Т. 8 (126). 2005. С. 85–114.

заключение мира, чему будто бы противились военные¹. В те же дни в Выборге завершились переговоры с новгородскими представителями (но отпущены они были только в июне прибывшим в Выборг королем). Густав Адольф изначально предполагал лично обратиться к Михаилу Романову с предложением мирных переговоров², но открывшиеся боевые действия остановили мирный процесс. Еще в июле 1613 г. началось движение на Новгород московских войск. Это было провалом идеи Якоба Делагарди, который не стал «делателем царей». В то же время король предполагал еще, что Новгород удастся инкорпорировать в состав Шведского королевства. Важным пунктом в инструкции, данной королем летом 1614 г. Э. Горну, Й. А. Крузе и М. М. Пальму, прописывалось участие новгородских представителей в предполагаемых переговорах с московскими послами, дабы те публично отказались от подданства московскому царю. Шведский историограф Юхан Видекинд, оперировавший подлинной инструкцией, указал на риторический прием, использованный в данном документе: «Новгород и прежде был отдельным государством, независимым от России, и только во время [Ивана] Васильевича был насильно подчинен великому княжеству»³. Такая апелляция к «исторической памяти» коррелирует с обращением архимандрита Киприана к «новгородскому прошлому» времен Рюрика в своей речи к Карлу Филиппу в сентябре 1613 г.⁴ Примечательно, что королевские инструкции были даны через несколько месяцев

¹ Юхан Видекинд. История десятилетней шведско-московской войны. М., 2000. С. 304–307.

² Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 317.

³ Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 328.

⁴ Подробнее: Селин А. А. Что говорил архимандрит Киприан в Выборге в 1613 г. // Мининские чтения 2011. Н. Новгород, 2011. С. 86–97; Selin A. A. «Invitation of the Varangians» and «Invitation of the Swedes» in Russian History: Ideas of Early Historiography in Late Russian Medieval Society // «Vers l'Orient et vers l'Occident»: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne, P. Bauduin, A. Musin (dir.), Caen, 2014.

после публичной отповеди новгородских посланных Хенрику Горну и другим шведским представителям в Выборге.

Военные схватки 1614 г. под Бронницами прервали движение к миру. Агитация со стороны москвичей сыграла важную роль. Еще в октябре 1613 г. боярин Д. Т. Трубецкой отправил в Новгород послание к новгородцам, объявляя о цели похода. Именно из полевого стана князя Д. Т. Трубецкого в Новгороде получили официальные сведения об избрании царем Михаила Федоровича. Точнее — не об избрании (об избирательном акте после прихода царя в Москву предпочитали не вспоминать, указывая чаще в качестве легитимации на его родство с прежней династией), а о том, что он — на Москве. Новгородцам писали от князя Д. Т. Трубецкого:

«По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу от боярина и воеводы князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкого да окольничего и воеводы князя Данила Ивановича Мезетцкого новгородским дворяном и детем боярским и государевых дворцовых сел и черных волостей приказщиком и крестьяном и всяким людем. По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу идемы на его государеву службу на очищение его царские отчины Великого Новгорода и новгородских пригородов от немецких людей со многими великого государя нашего царского величества ратьми всего Московского государства и всех великих государств с Казанскою и с Астраханскою и иных понизовых городов с князи и с мурзы и с татары и з донскими и с волскими и с яйцкими и с сибирскими с атаманы и с казаки и с стрельцы со многим огненным боем и многих поморских городов с ратными людьми и мордва и черемиса и з большим огненным нарядом. А ис Торшку, прося у Бога милости, пойдем мы со многими ратьми и с нарядом к Новгороду вскоре, и государевым делом и земским учнем над неметцкими людьми промышляти, сколько милосердный Бог помочи подаст».

Новгородцы призывались, «помня Бога и нашу истинную православную веру, от разорителей наших крестьянской веры, от неметцких людей отстали и целовали б есте крест великому

государю нашему царю Михайлу Федоровичю всеа Руси и ему, государю, служили и прямили и добра во всем хотели и с его государевыми ратными людьми над неметцкими людьми и над изменники, которые государю не служат, соопча заодно вместе промышляли, сколько милосердный Бог помочи подаст»¹.

Взамен новгородцам обещалось полное прощение и освобождение от насилий со стороны казаков и всегодвигающегося к Новгороду войска.

Идеологические памятники, созданные после Смуты, утверждают, что в новгородцах в это время царил «единачество», характерное для умонастроений и в других городах во время Смуты. Все они стремились якобы для виду сохранять верность прежней присяге Карлу Филиппу, в душе же надеясь на скорое возвращение под власть Москвы. Однако документы показывают, что такого «единачества» среди новгородцев не было. Безоговорочной поддержки Михаил Федорович в Новгороде не имел. У части новгородской элиты в те годы преобладали раздумья и сомнения; говорить о всеобщем страдании под насилием шведов или всеобщем прагматизме (хотя, видимо, и то и другое в новгородской жизни того времени присутствовало), вероятно, не приходится.

Однако удача кн. Д. Т. Трубецкому не сопутствовала. Военной победы войску Трубецкого достичь не удалось. Пришедшие из-под Тихвина казаки не смогли удержать блокаду Ладоги зимой 1613/14 г. и ушли. В июне — июле полковник С. Коброн нанес два поражения русским на Мсте. К 14 июля 1614 г. войско Трубецкого было отбито от Новгорода. Среди взятых шведами пленных было много новгородцев, ранее бежавших в московские полки; но тогда же, 14 июля 1614 г., большая группа новгородских служилых людей (включая верхушку служилого города — тушинского «стольника» кн. Ф. Т. Черного Оболенского, Б. М. Дубровского, К. Д. Мякинина и других) смогла бежать

¹ Грамота воеводы боярина кн. Д.Т.Трубецкого новгородским дворянам и всяким людем, извещающем о его походе на Новгород. Список. 1613, октября (?) // Riksarkivet, Stockholm. Militaria: 1287: 13.

из объединенного новгородско-шведского войска и вскоре оказалась на московской службе.

«Бесстыдное письмо московитов», отправленное князем Д. Т. Трубецким из-под Торжка еще в октябре 1613 г.¹, на которое новгородцы были вынуждены резко ответить, вместе с тем, вероятно, сыграло свою роль. Эскалация насилия под Бронницами и южнее Старой Руссы имела одним из последствий очередную осаду Пскова, в которой принял участие лично король. Одновременно, на Покров 1614 г., шведская администрация предприняла последнюю попытку принудить новгородцев к инкорпорации в Шведское королевство. Параллельно готовилось посольство хутынского архимандрита Киприана в Москву. В августе 1614 г. король Густав Адольф обратился к псковичам с грамотой о покорности королю, с обещанием привилегий и свободы, утверждая, что под шведской властью будет житья лучше, чем при московских великих князьях. Но только через год, в июле 1615 г., король подверг Псков осаде. Однако после неудач, гибели Горна и, главное, после провала кровопролитного штурма 12 октября, 17 октября осаду было решено снять².

Осенью 1614 г. шведские власти потребовали от новгородцев принести присягу королю Густаву Адольфу. Это вызвало резкое отторжение у значительной части новгородцев: с одной стороны, набирала популярность вроде бы укреплявшаяся в Москве власть Михаила Романова, с другой — требовалось отказаться от общей с Москвой судьбы, к чему значительная часть новгородцев была не готова. Сменивший убивленного в отпуск Якоба Деллагарди Эверт Горн договорился с новгородцами

¹ Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 315. Пересланное Якобом Деллагарди королю, это письмо хранится в Svensk Riksarkivet: Грамота воеводы князя Д. Т. Трубецкого новгородцам, извещающая о его походе на Новгород. Список. 1613, октября (?) // RA. Militaria: 1287: 13; Грамота воеводы князя Д. Т. Трубецкого Якову Деллагарди, извещающая об избрании на московский престол царя Михаила Федоровича и о походе князя Трубецкого на Новгород. Список. 1613. 18.10 // RA. Militaria: 1287: 14.

² Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648 гг.). Т. 2. СПб., 1894. С. 135–137.

об отсрочке плебисцита до Пасхи. Далее в Новгороде было принято решение послать в Москву новую миссию. Посольство выполняло как явную (нормализация отношений с Москвой), так и тайную (установление контактов новгородской элиты с новым московским правительством) функции. Посольство архимандрита Киприана в Москву в 1615 г. — один из самых важных этапов на пути замирения Московского государства и Швеции. Ожесточение предшествующего года было снято и путь к переговорам открыт.

С начала 1615 г. Москва и Швеция активно стремились к миру. В качестве посредников для переговоров выступали как представители Генеральных Штатов, так и король Англии. Джеймс I обратился с предложением о посредничестве к Густаву Адольфу, и именно его представитель, Джон Меррик, носивший в Англии рыцарский титул, но в Москве именованный по какой-то причине князем «Иваном Ульяновым», начал подготовку к переговорам.

Однако эти переговоры велись одновременно с несчастливой осадой Пскова Густавом Адольфом. Осада эта многократно описывалась в литературе. В ней было многое: и стремление короля достичь воинской славы и взять, наконец, неприступный город, к которому шведские военные силы подходили уже неоднократно, и гибель фельдмаршала Эверта Горна, и стремление части псковичей сдать город «на королевское имя»¹, и попытка Москвы деблокировать город войском Ф. И. Шереметева, так

¹ Шведские солдаты-перебежчики показывали в Дедерине со слов псковских казаков, бежавших в королевский лагерь: «...буде вскоре государевы люди с королем не помирятца, и изо Пскова де товарищей их 500 человек радеют королю, и приказали с ними к Якову, толко придет подо Псков король или он Яков, и им бы учинили прежде весть, и оне займут все ворота и учнут их приходу дожидать, и тем станут промышлять, чтоб короля или ево Якова пустить во Псков, и ныне де их казаков Яков Пунтусов излюбив, подавал им лошадей и корма им на них и на лошедей дает доволные» (Распросные речи немецких выходцев в Посольском приказе. 27 мая 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 4. Л. 272–278).

*Лагерь Дедеринских переговоров.
Рисунок Антониса Хутеериса*

и не поспевшего к Пскову и застрявшего в Верхнем Поволжье в опасении сил Лисовского¹. В разгар осады, 12 (22) сентября 1615 г. находившийся в королевском лагере риксканцлер Аксель Оксеншерн встретился в королевском лагере с нидерландским посланником А. Иоахими и сформулировал шведские мирные предложения: русские платят семь миллионов рейхсталеров, за что король очищает Новгород и Новгородскую землю, за исключением приморских городов (Яма, Ивангорода, Копорья) и Кексгольма (Корелы)².

19 августа 1615 г. Якоб Делагарди вернулся из Швеции в Новгород для того, чтобы возглавить переговоры с московской миссией, на которые обе стороны возлагали большие надежды. Он узнал, что московские послы опаздывают к предполагаемому месту встречи. Дж. Меррик, которого Я. Делагарди встретил в Новгороде, вел подготовку к отложенным переговорам. В начале сентября к нему в Новгороде присоединились А. Т. Вильдман и Х. Горн.

Первые переговоры в Дедерине, между Осташковом и Старой Руссой, начались 30 сентября 1615 г. Они состояли из двух частей: о размене пленными (что произошло на первом этапе,

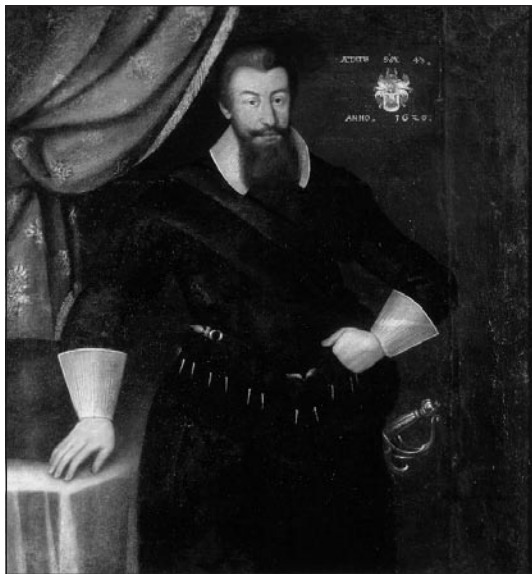
в октябре — декабре)¹ и подготовке условий мирного договора (эти переговоры, при посредничестве Дж. Меррика и нидерландских посланных, начались 4 января 1616 г.)². Однако все дипломатические усилия привели только к временному перемирию, окончательные переговоры о мире были намечены на полпути между Ладогой и Тихвином и назначены на конец лета 1616 г. В то же время обе стороны обозначили свое взаимное

¹ 20 июня 1617 г. на встрече с Мерриком в Москве «бояре Федор Иванович Шереметев с товарищи говорили: ведомо ему самому, наперед прежнего посольского съезду полоняниками на обе стороны розменились в Полонове А после того о которых полоняниках он, князь Иван, царского величества бояром говаривал, и о которых с съезду писал, те все отпущены. А как о добром деле договор совершился и которые полоняники швейские были во Пскове и в иных ближних городех, и те все по договору отпущены, а иных сыскивают, а кого сыщут, тех всех отпускают, которые похотят, за што за них стоять? А какову швейские послы полоняником своим роспись дали, и в той росписи писаны многие немецкие люди, те, которые иманы на делех с литовскими людьми под Смоленском и в Литовской земле, а бывали прежде сего с Яковом Пунтосовым, а отстали от Якова под Клушиным к гетману. А иные многие, которые в той росписи написаны, крестились и служат государю, а иные и бояром из воли, и в свою землю ехать не хотят. И тех как отдать, о том и в записи написано, что сильно никою, хто не похочет, не отдавати» (Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. М., 2006. С. 135–136).

² Участие нидерландских посредников — президента провинциального совета Голландии Рейнголдта ван Бредероде, амстердамского бургомистра Дирка Басса и рыцаря Альберта Иоахими — было запечатлено в одном из ярких памятников Россики — альбоме секретаря нидерландских посланников Антониса Хутеериса. В 2013 г. нидерландским энтузиастами, историком Ф. Р. Е. Бломом (Frans R. E. Blom) и дипломатом Петером В. А. Бас-Бакером (Peter W. A. Bas-Backer) была предпринята реконструкция пути 1615–1616 гг., на основе привязки Google Maps к видам России, изображенным в альбоме Хутеериса. Материалы легли в основу интерактивного проекта «Op reis voor vrede»; их кульминация — это гравюра, изображающая стан переговоров в Дедерине, и современный (2013) вид этой местности (Op reis voor vrede. URL: <http://opreisvoorvrede.jeulab.com/>. Дата обращения 26.10.2017). Материалы проекта легли в основу книги: Bas-Backer Peter W.A., Blom Frans R.E. Op reis voor vrede. Journael over de Nederlandse vredesmissie naar Zweden en Rusland, 1615–1616. Leiden, 2014.

¹ Зорин А. В. Лисовчики. Александр Юзеф Лисовский и его полк в истории Смутного времени. М., 2017. С. 150–151.

² Замятин Г. А. Условия заключения Столбовского мирного договора между Россией и Швецией 9 марта 1617 года // Новгородский исторический сборник. Вып. 16 (26). В. Новгород, 2016. С. 362.

Риксканцлер Аксель Оксеншерна

стремление к миру: речь, по существу, шла только о тех территориях, которые отойдут соответственно к Швеции и к Москве, а также о суммах, которые будут выплачены Швеции. Риксканцлер А. Оксеншерна в письме комиссарам из Нарвы от 15 ноября 1615 г. указывал, что мир с Москвой необходим Швеции, которая истощена длительной войной¹.

Переговоры в Дедерине («на Песках»), а позднее — в Столбове, с московской стороны возглавили окольный князь Д. И. Мезецкий и дворянин Алексей Зюзин, со шведской — Якоб Делагарди, А. Т. Вильдман и М. М. Пальм². Делагарди, встречавшийся с князем Мезецким в канун Клушинской битвы, сперва полностью отверг его кандидатуру, ожидая в качестве партнеров по переговорам бояр Ф. И. Шереметева или князя И. С. Куракина,

¹ *Замятин Г. А.* Указ. соч. С. 364.

² Первоначально Густав Адольф планировал также отправить на переговоры риксканцлера Акселя Оксеншерну и Хенрика Флеминга, но они в переговорах участия не приняли.

но был вынужден согласиться, в конце концов, на Мезецкого. По сведениям, которые сообщает Н. П. Лыжин, в Москве также были недовольны назначением в переговорщики с шведской стороны Делагарди и М. М. Пальма, считая их инициаторами войны¹. В ходе споров шведы оправдывали участие Делагарди и Пальма в переговорах тем, что на них не смогли присутствовать Оксеншерна и Филипп Шединг². Московским послам было велено вначале потребовать от шведов уступки Лифляндии, которая, согласно посольскому наказу, «отчина московских государей от Георгия Владимировича, который построил города Юрьев своим именем». На это Делагарди и другие шведские послы иронично спросили московских представителей, «видели ли они как Юрьев Ливонский делом»?

Само присутствие Густава Адольфа на востоке Балтики своеобразно дисциплинировало шведских военачальников. Никто точно не знал дальнейших планов короля. В начале декабря 1615 г. в Новгороде поговаривали, что король нанесет в город визит. «Говорил Григорью Собакину Анц Бой, которому приказан Новгород втайне, что писал к нему король: “пришел де он ныне в Копорью, а хочет быти в Новгород тотчас, а будет де в Новгород приезд его ночью, а людей де с ним будет немного, а быть де ему в Новгороде дни с четыре или с пять, а кормов де, государь, по дороге для славы готовить не велел, и ему де Григорью примечать в Новгороде”»³. В январе 1616 г. на риксдаге в Гельсингфорсе шведские сословия также выступили с осуждением войны, утверждая, что она ведется «более из жадности к чужой земле, чем по необходимости»⁴. Еще в июне 1616 г. среди новгородских посадских людей ходили слухи о том, что в город пожалует Густав Адольф: староста Нутной улицы Якушко Кузнец говорил своему соседу, «что де слух несетца,

¹ *Лыжин Н. П.* Столбовский мир и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857. С. 30.

² Там же. С. 48.

³ Отписка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ об известиях о походе Густава Адольфа под Псков. Между 18 и 26 декабря 1615 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 4. Л. 28–29.

⁴ *Юхан Видекинд.* Указ. соч. С. 381.

Молодой Густав Адольф

что швейской король будет в Новгород с ратными людьми, а идти де ему из Новагорода подо Псков»¹. Но король так в Новгороде и не появился.

23 февраля 1616 г. переговоры на Песках закончились. Шведские предложения были переданы московской делегации. Шведская делегация покинула свою резиденцию в д. Глебово ввиду надвигавшейся весенней распутицы. Накануне, 22 февраля было заключено перемирие на 3 месяца, с тем чтобы по его истечении возобновить переговоры между Тихвином и Ладогой. Именно Тихвин с 1616 г. становится главной базой для продвижения московской власти на Северо-Запад. Тихвин рассматривается как объект для превентивного удара весной 1616 г., когда Делагарди пишет о возможности такого удара королю (несмотря на перемирие). Скорее всего, именно Делагарди был действительно инициатором военных приготовлений весны 1616 г., однако король отверг это предложение в силу сложности его реализации². Однако, не надеясь, по всей вероятности, на скорый успех переговоров, король планировал операции и на следующий, 1617-й, год. 15 мая 1616 г. король, находившийся в Або, послал последнюю инструкцию к назначенным на переговоры Я. Делагарди, Х. Горну, А. Т. Вильдману и М. М. Пальму. Что особенно важно, в королевской канцелярии был составлен и примерный образец мирного договора³. Получив инструкции, Х. Горн и А. Т. Вильдман прибыли в Ладугу. Делагарди в то время еще находился в Новгороде. В Москве предложения шведов, переданные Рейнгольтом ванн Бредероде, были резко отклонены. Попытка воздействовать на позицию шведов через нидерландских уполномоченных не удалась: те, не веря в успех, в марте 1616 г. через Стокгольм вернулись на родину⁴.

¹ Расспросные речи новгородского посадского человека Мокейка Яковлева перед послами князем Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 4 июля 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр. 2. 1616. Д. 8. Л. 6–11.

² Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 398.

³ Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 402–403.

⁴ Замятин Г. А. Указ соч. С. 347.

История изучения Столбовского мирного договора и публикации его текста

Столбовский мирный договор 1617 г. почти сразу после подписания 27 февраля 1617 г. стал пищей как для европейской, так и для московской мысли, как политической (сперва), так и для исторической (позже). В «Истории о великом князе Московском» Петр Петрей (Пер Перссон де Ерлезунда) прежде всего описывает историю московской Смуты в контексте шведской внешней политики. Вкратце пересказав обстоятельства, приведшие стороны к необходимости искать мирного соглашения, сделал особенный акцент на посредничестве Джона Меррика, Петрей пишет о договоре, заключенном в Столбове, первым в истории публикуя его положения (Петрей пересказал все 33 статьи Столбовского договора, имея дело с подлинной посольской записью либо с ее немецкой публи-

кацией¹). После пересказа текста договора он подвел итог: «Так, благодаря изложенным выше условиям, эта трудная, кровавая и долговременная война, стоившая жизни и принесящая горе тысячам невинных людей, кончилась этим спасительным замирением, за что благодарение праведному и милосердному Богу, потому что война какая-то бездонная пропасть и золотой невод, которым не много поймаешь и достанешь прибыли»².

В Новом летописце мирный процесс со Швецией описывается в шести главах (359–364). Первым этапом замирения считается посольство архимандрита Киприана в Москву 1615 г. («О приезде из Новгорода к Москве»). Это самая пространная глава нарратива о мире со Швецией. В ней описываются бедствия новгородцев под шведской властью, разорение Новгорода и насильственное приведение новгородцев к присяге королю. Инициатива посольства приписывается автором Нового летописца новгородцу князю Никифору Мещерскому, который будто бы обратился к Киприану с известием о разорении новгородцев, но о готовности вместе с тем стоять «за православную веру»; тот же якобы благословил князя Мещерского на обращение к шведской администрации с просьбой отправить посольство в Москву. Новый летописец повествует о мирной миссии Киприана в Москву, в ходе которой в Новгород были присланы мирные предложения к шведам и тайные грамоты к новгородцам. Глава заканчивается текстом о будущей судьбе Киприана (митрополия в Тобольске, Крутицах, Новгороде). Согласно тексту Нового летописца,

¹ Эта публикация была осуществлена в первом немецком издании «Истории о великом князе московском» (*Petri Petreji de Erlesunda. Historien und Bericht von dem Grossfürstentumb Muschkow. Lipsiae, 1620*) Возможно, Петрей пользовался публикацией 1617 или 1618 г. в Гамбурге (о ней см. далее). Первое издание «Истории» на шведском появилось в свет еще в 1616 г. и, понятно, не могло включать текста мирного договора. Благодарю за помощь и консультацию А. В. Толстикова.

² *Петр Петрей. История о великом князе московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 386.*

Обложка немецкого издания книги Петра Петрея

за миссией Киприана последовало (глава 360) начало переговоров на Песках (Дедеринских). В лапидарном их описании перечисляются имена московских послов — князя Д. И. Мезецкого, А. И. Зюзина, дьяков Д. Семенова и Н. Новокщенова. Следующая, 361-я глава отдельно повествует о миссии Меррика, «князя Ивана Ульянова», впрочем, упоминая лишь о его посольстве в Тихвин и ничего не говоря об участии Меррика в переговорах на Песках. Три маленькие главы (361, 362, 363) последовательно повествуют о заключении мира со шведским королем (упоминается об освобождении шведами Новгорода и о передаче шведам пригородов, но также и о выдаче перебежчиков), о назначении воевод в Новгород и о ратификационном посольстве князя Ф. П. Борятинского в Швецию. Лапидарность рассказа прервана лишь упоминанием о гибели сына второго посла, О. Прончищева, на глазах у отца при нападении «черкасов» на ратификационное посольство¹. В целом рассказ Нового летописца о Столбовском мире лишен патетики, мирному договору и его условиям не придается ведущего значения. Исключением выглядит только большой рассказ о снаряжении посольства Киприана в 1615 г. и о гибели Ивана Прончищева «от черкас». Надо полагать, что в том политическом контексте, в котором создавался текст Нового летописца, значение этого мира не было столь велико. Мотив выдачи перебежчиков в момент создания текста Нового летописца мог уже становиться актуальным.

Юхан Видекинд в своем сочинении полностью опубликовал текст Столбовского договора в его шведском варианте, видимо, по подлиннику или современной шведской копии, хранившейся в королевском архиве, к которому он прибегал при составлении своей «Истории». Интересно, что в шведском тексте договора, переданном Видекиндром, очевидны русизмы (prestawer в значении «приставы»). В опубликованном тексте 33 пункта. Однако в нем же содержится и приписка от 1 мая

¹ Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 390–393.

1617 г. о ратификации договора королем Густавом Адольфом в Стокгольме¹.

Оценки Столбовского мира в историографии XVIII–XIX вв. следует рассматривать, вероятно, в контексте политических проектов в Российской империи и в Швеции. Историографы описывали событие заключения мира в оптике «интересов государства/народа». Особенное место уделялось территориальному аспекту: передаче крепостей Швеции и «лишению России выхода к морю» — и религиозному аспекту: возникновению феномена православных подданных Шведского королевства.

Из больших русских исторических нарративов наиболее подробное освещение Столбовский мир и предшествовавшие ему военно-дипломатические обстоятельства получили в «Истории России» С. М. Соловьева. Соловьев при создании этой части своего текста опирался на два источника: Новый летописец и «Шведские дела» Московского главного архива иностранных дел (МГАМИД). Отсюда проистекает и то обстоятельство, что многие оценки, которые в его труде получили Делагарди, Меррик, русские переговорщики, действия шведов под Псковом и в Новгородской земле в течение переговоров, в целом совпадают с оценками Нового летописца, а фактические подробности переговоров и особенно «речи» послов и посланников, включенные в нарратив «Истории», являются прямыми цитатами из русских статейных списков о переговорах². В самой же оценке договора С. М. Соловьев был более или менее сдержан, отметив, что обе стороны были в целом довольны договором, упомянув тем не менее о речи Густава Адольфа

¹ Юхан Видекинд История десятилетней шведско-московской войны. М., 2000. С. 430–450, 451. По предположению А. Ветушко-Калевича, Видекинд, скорее всего, имел дело со шведской публикацией текста договора 1651 г. (о ней ниже); потом, вероятно, правил текст по подлиннику. Благодарю А. Ветушко-Калевича за любезную консультацию.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 9–10 // Соловьев С. М. Сочинения. В 18-ти кн. Кн. 5. М., 1990. С. 75–79 и далее (из статейных списков Дедеринских переговоров).

на сейме 1617 г. с известными словами о Балтике, недоступной ныне для русских¹.

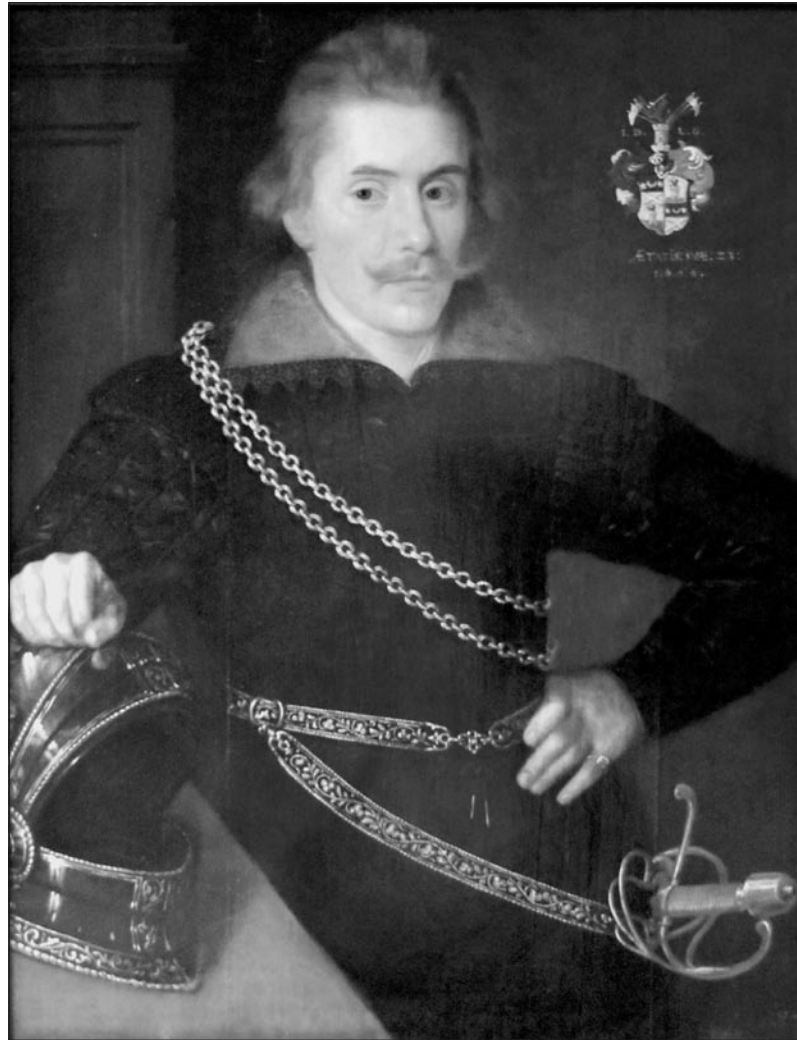
В этом отношении интересно суждение Н. И. Костомарова о том, что территориальные потери по Столбовскому миру были незначительными. Он (вероятно, справедливо) полагал, что налаженный путь через Архангельск вполне устраивал внутреннюю русскую жизнь².

Н. П. Лыжин, работавший с документами МГАМИД, первым исследовал переговоры, предшествовавшие заключению Столбовского мира, и издал несколько, с его точки зрения, наиболее ярких документов из столбцов Посольского приказа, относящихся к Дедеринским и Столбовским переговорам. Монография Н. П. Лыжина 1857 г., посвященная установлению мира между Москвой и Швецией и основанная на материалах архива Посольского приказа, была написана в том же русле историографии, что и публицистическая в своей основе книга Н. И. Костомарова: Москва абсолютно права во всех своих действиях, а шведы с 1611 г. стремятся отторгнуть от Русской земли тот или иной кусок. В то же время Н. П. Лыжин рассматривал эту активность Швеции на Востоке в начале царствования Густава Адольфа в контексте общеевропейских политических процессов того времени, с использованием достижений шведской национальной историографии (также весьма панегиричной по отношению к Густаву Адольфу). Н. П. Лыжин позаимствовал много фактов из хроники Видекинда, у него он воспринял и мысль о том, что Швеция разуверилась в способности Нидерландов служить посредником в заключении мира с Московским царством после того, как Нидерланды посетила миссия, отправленная из Москвы³. Впрочем, как известно, не нидерландские посланники, но англичанин Джон Меррик оказался более благоприятен для Москвы, чем для шведов. В то же время использованные

¹ Там же. С. 90.

² Новый летописец. С. 326.

³ Лыжин Н. П. Столбовский мир и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857. С. 17–18.

Якоб Делагарди

Н. П. Лыжиным русские посольские документы подсказывали причину того, почему все же представители Штатов присутствовали в Дедерине: это объяснялось происками Делагарди, связанного с Морицем Оранским со времен своей молодости¹. Но, видимо, авторитет Англии в Европе был столь велик, что Густав Адольф не мог не дать согласия на предложение Джеймса I о посредничестве, последовавшее в 1614 г., накануне отъезда Густава Адольфа в Нарву. Надо сказать, что в целом монография Н. П. Лыжина была нарративом, составленным на основе синтеза (не всегда критического) материалов «Шведских дел» МГАМИД, «Истории» Видекинда и «Истории Густава Адольфа» Халленберга². Он обращался также к Пуффендорфу (первому историку, так или иначе описывавшему балтийскую политику Густава Адольфа³), а при изложении истории публикации Столбовского мирного договора — к компендиумам дипломатической переписки XIX века. Иногда такой синтез давал замечательные сбои: так, Н. П. Лыжин не опознал топонима в слове «Тесово», не смог идентифицировать реку Сясь, на которой находилось место Столбовских переговоров (она именуется в тексте его книги «Тесо»/«Тезо»). При этом ученый добросовестно старался выстроить на основе этих данных непротиворечивый рассказ о Дедеринских и Столбовских переговорах.

При этом значение монографии Н. П. Лыжина трудно переоценить прежде всего в ее источниковедческой части. Исследователь подробнейшим образом проанализировал издания текста Столбовского договора, как сокращенные, так и полные, существовавшие к моменту написания монографии (разные редакции договора были включены в общеевропейские компендиумы дипломатических документов).

¹ Лыжин Н. П. Указ. соч. С. 37.

² Сам Н. П. Лыжин так писал, например: «При изложении хода переговоров мы следовали упомянутому сочинению Галленберга и, сколько могли, посольским книгам» (Лыжин Н. П. Указ. соч. С. 89. Сн. 45).

³ По всей вероятности, Н. П. Лыжин пользовался сочинением С. фон Пуффендорфа «Commentarium de rebus suecicis libri XXVI., ab expeditione Gustavi Adolphi regis in Germaniam ad abdicationem usque Christinae»

Г. В. Форстен в монографии о Балтийском вопросе в XVI–XVII вв. уделит Столбовскому миру поистине ничтожное внимание, оставив его далеко на периферии политической истории Северной Европы кануна Тридцатилетней войны. Вместе с тем примечательно, что после панегирика в адрес короля Густава Адольфа (отчасти компилятивного, базирующегося преимущественно на косвенных источниках, да на чем панегирику и базироваться бы?)¹ он, однако, характеризует «русскую» политику Густава Адольфа как двуличную и корыстную и, разумеется, подчиненную идее Балтийского господства². По мнению Г. В. Форстена, именно и исключительно Меррику удалось «в начале 1617 г.» склонить москвичей к миру, что было большой удачей и итогом долгих переговоров, начавшихся с осени 1615 г.³ Исследование Форстена в этом вопросе изобилует глупыми ссылками на «Стокгольмский архив». Нет сомнения, что он работал с фондами *Muscovitika*, прежде всего — с перепиской короля с Делгарди, Горном и проч. Интересно, что, по его наблюдениям, уже в начале 1616 г. корреспонденты короля указывали ему, что Новгород, Порхов, Старую Руссу придется отдать; удерживаемые Швецией, они таили бы постоянную угрозу новых нападений со стороны русских⁴. Г. В. Форстен обращал внимание на то, что Густав Адольф высоко ценил Столбовский мир и постоянно подчеркивал его значение: «не проходило ни одно сейма, чтобы он не поднимал вопроса об отношении к восточному соседу»⁵. Г. В. Форстен цитирует черновик королевского письма 1615 г., написанного после известий о победе под

¹ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648 гг.). Т. 2. СПб., 1894. С. 114–117.

² Форстен Г. В. Указ. соч. С. 119 и далее. Примечательно, что ученый иронично процитировал лекцию Сведелиуса (1862), где указывается на те же неприглядные особенности политики Густава Адольфа, с оправданием их, однако, неспособностью русских начала XVII века «понять и оценить вполне бескорыстную и идеально-благородную политику».

³ Форстен Г. В. Указ. соч. С. 138–139.

⁴ Форстен Г. В. Указ. соч. С. 141–142.

⁵ Форстен Г. В. Указ. соч. С. 146.

Бронницами и после взятия Гдова: он пишет о том, что и сам неоднократно обращался к царю с предложениями мира, но ответа не получал. Не получал он и согласия европейских держав на посредничество¹. Он приводит еще некоторые отрывки из королевских речей, в том числе произнесенной в январе 1617 г. на риксдаге в Эребро, где король между прочим говорил о том, что в мире заинтересованы все европейские страны (Англия, Нидерланды, Дания, немецкие князья). По Г. В. Форстену (который очень близко к тексту пересказал и известную речь короля на июньском сейме 1617 г. в Стокгольме), Густав Адольф стремился к окончанию русской войны, дабы начать свою экспансию против Речи Посполитой.

Г. В. Форстен подробно описывал инструкцию короля Густава Адольфа своим уполномоченным (во главе с Х. Горном) в Выборге, данную в июне 1613 г.² Те должны были изложить историю шведско-русских отношений со времени воцарения Шуйского, инициировать обращение к Карлу Филиппу не только от новгородцев, но и от других областей Московского государства. Принцу не стоило ехать в Новгород, пока его не признают царем всея Руси. Он должен был выговорить себе и своей свите полную свободу вероисповедания и проч. В противном случае Новгороду должна была быть предложена уния наподобие Польско-Литовской. Важно, что уже в этом месте речь шла о городах: герцог должен был требовать передачи Швеции приграничных крепостей и 10 бочек золота. Их следовало добиваться даже в том случае, если русские отвергнут оба условия³. Именно в книге Форстена впервые написано о том, что после прибытия Карла Филиппа в Выборг в новгородской церкви Св. Софии служили молебны и радовались, три дня звонили в колокола⁴.

¹ Форстен Г. В. Указ. соч. С. 146–147.

² О них же: *Generalstaben. Sveriges Krig. 1611–1632. Bd. 1. Danska och Ryska krigen. Stockholm, 1939. S. 422–424.*

³ Форстен Г. В. Указ. соч. С. 121–122.

⁴ Форстен Г. В. Указ. соч. С. 124.

К. И. Якубов, исследователь, подготовивший к печати большую подборку документов из архива Посольского приказа, касающихся русско-шведских отношений XVII века после Столбовского мира, сопроводил свою публикацию достаточно общим очерком, где уделил внимание вопросам, которые сохранялись как особенно острые в ходе дипломатических дискуссий XVII столетия. Самым острым вопросом представлялся вопрос о перебежчиках и их возвращении или (в ходе переговоров в Стокгольме 1649 г.) выкупе. Подбирая документы для публикации, в частности — отрывки статейных списков переговоров 1616–1617 гг. (в Дедерине, Ладого, Столбове), К. И. Якубов специально обращал внимание на данную тему. Так, им были опубликованы фрагменты черновых вариантов тех статей договора, которые касались перехода границы¹.

В обзоре московской истории Г. В. Вернадского две страницы уделено и Столбовскому трактату. Политическая ситуация, предшествовавшая заключению Столбовского мира, была описана ученым с опорой на монографию Г. В. Форстена, которую он изложил конспективно. Текст Столбовского мира Г. В. Вернадский изложил в аспекте территориальных изменений, а также экономических статей. Надо сказать, что автор отдал здесь должное и своему евразийству с его географическим провиденциализмом: «однако насущные потребности нации не могут регулироваться статьями юридических документов, особенно, если эти статьи нарушают элементарные условия географического положения», за каковым пассажем логично следовали слова об отвоевании Ингрии и Карелии при Петре Первом.

¹ Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897. С. 1–8. В полной мере публикацией работу Якубова назвать нельзя; далеко не все документы, напечатанные им, снабжены заголовками, многие частично публикуются, частично пересказываются, причем в пересказе автор довольно близок букве источника; результатом этого становились парадоксальные архаизирующие по отношению к научному языку конца XIX в. формулировки, следующие из прямого толкования слов источника начала XVII в.: «прислал... секретаря своего Свифта», «в тот же день состоялся в квартире Мерики съезд» и т. п.

Однако Г. В. Вернадский указал и на «возможные более катастрофические» последствия договоренностей, которые «удалось избежать» (потеря Колы, выхода в океан и проч.)¹.

В 1939 г. был опубликован значительный коллективный труд военных историков шведского Генерального штаба о войнах Швеции. Этот труд используется практически во всех работах, посвященных Смуте в Новгородской земле: базируясь на материалах прежде всего военного характера, а также на королевской переписке, шведские военные историки достаточно подробно изложили последовательность как боевых действий в Новгородской земле и под Псковом, так и ход движения к миру (в монографии этот период датируется 1614–1617 гг., начиная с решения Густава Адольфа лично принять участие в событиях в этой части Европы)². Следует отметить, что шведские военные историки, рассматривая прежде всего шведское движение к мирному договору, ставили его в международный контекст. Если в традиционной российской историографии важнейшей фигурой посредника именуется Джон Меррик, то для полного понимания международной обстановки подготовки Столбовского мира следует, разумеется, принимать во внимание острейшие шведско-датские противоречия, в улаживании которых принимал участие Джеймс Спенс, шведский посол в Лондоне (в прошлом — английский посол в Стокгольме и творец Кнередского мира, в будущем — создатель шведской шпионской сети), оказывавший в каком-то смысле давление на короля Густава Адольфа в деле замирения с Московским царством³. Историки отмечали также активную позицию и датского

¹ Вернадский Г. В. Московское царство. М., 2017. С. 157–158.

² *Generalstaben. Sveriges Krig*. S. 481.

³ В настоящее время опубликованы письма Джеймса Спенса к рикскандлеру А. Оксеншерне. О Столбовском мире упоминается лишь в одном из них, от 2 февраля 1617 г. из Новгорода, в котором Дж. Спенс передает через канцлера Оксеншерне пожелание короля Джеймс I не ужесточать условия будущего мира с Московским царством (*The works and correspondence of Axel Oxenstierna*. Vol. 2. Nr. 13. Letters from Sir James Spens and Jan Rutagers / Ed. A. Jönsson. Stockholm, 2007. S. 72–73).

короля Христиана IV, и Генеральных штатов, в какой-то мере опасавшихся проекта английского протектората над русским Севером¹.

Специальное место в исследовании шведских военных историков заняли Дедеринские переговоры, действительно обозначившие стремление Стокгольма и Москвы к миру (в книге они названы Дедеринским компромиссом — *Dederinakompromissen* 1615–1616)². Анализ собственно текста Столбовского договора в монографии касается в первую очередь территориального аспекта, а также статей о предстоявшем разграничении, но также затрагивается и экономическая сторона вопроса. Отдельная глава посвящена заключительным актам войны и эвакуации шведов из Новгорода³. Следует обратить внимание на то, что объективистский, военно-исторический подход авторов издания «Шведские войны» дает возможность найти место этому исследованию в истории осмысления Столбовского мира в шведской национальной историографии.

Столбовский мир, как точка отсчета для истории шведской Ингерманландии — это тот взгляд, который впервые был сформулирован в работах эстонского историка Арнольда Соома. Преимущественно объектом его исследований выступили города Ингерманландии и Ливонии в XVII веке, экономическая (и отчасти — для Ивангорода — культурная и политическая) жизнь в этих местах. Столбовский договор 1617 г. хотя и не сформировал одномоментно новую шведскую провинцию, однако дал импульс для возникновения нового культурного феномена, полиэтничного, поликонфессионального, способного совершить трансформацию от московского города/уезда до части европейского (для Соома очень важно: западноевропейского культурного пространства)⁴.

¹ *Generalstaben. Sveriges Krig*. S. 488–489.

² *Generalstaben*. Op. cit. S. 535.

³ *Generalstaben*. Op. cit. S. 562–565.

⁴ *Soom A. De ingermanländska städerna och freden i Stolbova 1617*. Svio-Esttonica, 1936.

В статье А. Атмана, специально посвященной Столбовскому миру¹, это соглашение рассматривается в первую очередь как успех экономических притязаний Густава Адольфа. Подробно рассматриваются споры за Балтику во второй половине XVI века, борьба Карла и Сигизмунда, стремление Михаила Романова и Густава Адольфа к миру, а также риксдаг в Эребро 1614 г. На риксдаге 1617 г. была озвучена заявка Густава Адольфа на контроль над балтийской торговлей и даже беломорской в контексте политической борьбы с Польшей. По оценке Атмана, максимальные амбиции короля не удовлетворились в результате Столбовского мира, вместе с тем было замкнуто Невское устье. При этом старые претензии на контроль над архангельской торговлей не реализовались, следующей задачей было захватить Ригу и Пернов. А. Атман считал, что Столбовский договор, закрепивший успех Швеции на востоке Балтики, стал поворотным пунктом в шведской политике: отказ от экспансии на восток.

Г. А. Замятин, историк первой половины XX столетия, значительная часть статей и книг которого оказалась доступна читателю только в начале XXI века, посвятил истории заключения Столбовского мира свою важную статью, опубликованную только в канун 400-летия договора в Столбове². Сквозь тексты Г. А. Замятина видна его главная идея, сформулированная еще в магистерской диссертации: до 1614 г. новгородцы в целом сохраняли верность присяге Карлу Филиппу, а в 1613 г. Карл Филипп был чрезвычайно близок к занятию московского престола. Подробно изложив в статье ход переговоров в Ладоге и Столбове, Г. А. Замятин отмечал, что важнейшим успехом русской делегации было возвращение Новгорода. Однако он подчеркивал, что шведы были готовы к такому решению — очищению

¹ *Attman A. Freden i Stolbova 1617*. // *Scandia*. Bd. 19. 1948/49. S. 36–47.

² *Замятин Г. А. Условия заключения Столбовского мирного договора между Россией и Швецией 9 марта 1617 года* // *Новгородский исторический сборник*. Вып. 16 (26). В. Новгород, 2016. С. 341–376.

Новгорода, Порхова, Старой Руссы — еще в 1615 г., осознавая невозможность далее эти города удерживать.

Важный вопрос, поднятый в статье Г. А. Замятина, — это вопрос о действительной мере насилия по отношению к новгородцам в январе 1617 г. Известна (и опубликована в приложении к статье Г. А. Замятина) тайная челобитная новгородцев послам, князю Д. И. Мезецкому с товарищами, о насилии, применявшемся в последние недели оккупации по отношению к «неприсяжным» жителям города, о принуждении новгородцев к отъезду на отходившие к Швеции территории и проч. Г. А. Замятин отметил, что данные этой челобитной противоречат отписке старорусских посадских людей, согласно которой жизнь на оккупированных территориях была не столь трагичной. По мнению Замятина (повторявшего здесь мысли И. П. Шаскольского), южная граница уступаемых по Столбовскому миру Швеции местностей в целом повторяла демаркационную линию 1583 г., за исключением Орешковского уезда: тот впервые переходил Швеции. Г. А. Замятин справедливо упоминает, что на переговорах 1583 и 1588 гг. московское посольство жестко отстаивало Орешковский уезд (да, впрочем, Орешек и не был взят, в отличие от других крепостей южного берега Финского залива Понтусом Делагарди в 1580–1581 гг.)¹. Надо сказать, что вопрос о демаркационной линии 1583 г. не так очевиден, как это казалось Г. А. Замятину (подробнее — в 3-й главе настоящей книги). Г. А. Замятин считал также и шведские предложения в Дедерине, и прелиминарный договор в Ладогe поражением шведских политических амбиций. С его точки зрения, шведам не удалось реализовать «Великую восточную политику» и пришлось удовольствоваться лишь небольшим территориальным прирезком. Ученый отмечал, что король был недоволен, в частности, прелиминарным договором в Ладогe (о котором получил известие лишь месяц спустя после его заключения) и, в связи с этим, сокра-

¹ Замятин Г. А. Указ. соч. С. 359–360.

тил денежные пожалования послам — Я. Делагарди, Х. Горну и М. М. Пальму¹.

Б. Ф. Поршнев, чья книга о Тридцатилетней войне получила в середине XX века общеевропейский резонанс, будучи на периферии советской историографии истории дипломатии, широкими мазками рассмотрел европейскую историю конца XVI — первой половины XVII века как противостояние Габсбургов и их противников. Исходя из такого панъвропейского взгляда, «глобальный историк» Б. Ф. Поршнев соответствующим образом описал и военно-политическую историю Восточной Балтики так же, как одну из арен общеевропейского противостояния. По его мнению, вмешательство Англии и Нидерландов в примирение Швеции и правительства Михаила Федоровича связывалось интересом обеих стран в привлечении Швеции в борьбу против «сателлита» Габсбургов — Речи Посполитой². Оценка Столбовского мира Б. Ф. Поршневым была весьма высока: по мнению ученого, Швеция, утратив притязания на Новгород, отобрала у Московского государства «бесценное сокровище, добытое с таким трудом» — выход к Балтийскому морю (ранее, в том же тексте, Б. Ф. Поршнев, однако, признает, что уже в результате Тявзинского мира Балтика была закрыта для московского мореплавания, буде таковое бы и возникло). Цитируя коронационную речь Густава Адольфа июня 1617 г., Б. Ф. Поршнев упирал на «отнятие моря» у русских. И все же большее значение он придавал открывшейся для Швеции возможности возобновить военное противостояние с Речью Посполитой, опираясь на цитату из речи Ю. Шютте, тогда — шведского посланника в Нидерландах, так оправдывавшего шведскую экспансию в юго-восточной Балтике: «Испанский король создаст себе флот на Балтийском море, в его распоряжении окажутся все лучшие балтийские гавани, голландцам придется проститься

¹ Замятин Г. А. Указ. соч. С. 363–364.

² Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 41.

с мыслью свободно торговать на Балтике»¹. Рассматривая вопросы политики Московского государства в глобально-европейской перспективе, Б. Ф. Поршнев имплицитно связывает заключение Столбовского мира с разрывом отношений Москвы с Империей, пришедшимся на тот же 1617 год².

И. П. Шаскольский в монографии, опубликованной в 1964 г.,³ подвел итоги столетнего, после публикации книги Н. П. Лыжина, исследования Столбовского мира. Книга И. П. Шаскольского — один из важных результатов тесных контактов между советскими и шведскими историками, ставших возможными в конце 1950 — начале 1960-х гг., выражавшихся как в обмене идеями, так и в обмене копиями архивных документов, в результате чего И. П. Шаскольский смог работать с документами фонда *Muscovitica* (на фатальную недоступность шведских архивов ученый сетовал в своей более ранней работе). Ученый, активно участвовавший в подготовке сборника документов «Русско-шведские экономические отношения XVII в.», досконально рассмотрел, прежде всего, вопросы о торговле, которые обсуждались в ходе переговоров на Песках, в Ладого и вошли в текст Столбовского договора. Несмотря на то что сама книга И. П. Шаскольского написана в оптике господствовавшего в 1960-е годы в советской науке экономического детерминизма, в ней содержатся важные, лежащие вне мейнстримного советского нарратива наблюдения в области политической истории. И. П. Шаскольский дал оценку Столбовского мира как политического успеха обеих сторон. Он подчеркнул, что в шведской национальной историографии место Столбовского договора оценивается крайне высоко, как своеобразный стартовый момент шведского великодержавия (ученый здесь писал, разумеется, о современной ему, а преимущественно даже — о предшествовавшей середине XX века историографии). Впрочем, по

¹ Поршнев Б. Ф. Указ. соч. С. 42–43.

² Поршнев Б. Ф. Указ. соч. С. 45, 118.

³ Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые сношения России с Шведским государством. М., 1964.

И. П. Шаскольскому, и экономический обоюдный успех был закреплён в договоре. Несмотря на острую дискуссию о местах, где возможна была торговля для подданных обоих государств, само создание легальных механизмов для такой торговли (прежде всего «торговых дворов») представлялось взаимовыгодным¹.

В продолжавшей монографию статье о возобновлении торговли после 1617 г. И. П. Шаскольский вновь делал акцент на роли Столбовского договора как «нормализатора» повседневной жизни в этой части Европы. Так, он показал, что в наказе первым после войны новгородским воеводам князю И. А. Хованскому и князю Ф. А. Елецкому от 1 июня 1617 г. статьи Столбовского договора не просто отразились, но получили развитие (вопросы о гостинном дворе, о компенсации за утонувший при кораблекрушении товар, о компенсации долгов, сделанных до 1617 г.). Развитием экономических статей Столбовского договора являлась, по мысли И. П. Шаскольского, и жалованная грамота купцам Шведского королевства, выданная 21 июня 1618 г.² В двух более поздних монографиях И. П. Шаскольский писал о значении Столбовского мира прежде всего в отношении Балтийской экономики XVII века, но основные идеи были сформулированы им именно в книге 1964 г.

Работы И. П. Шаскольского и совместный проект советских и шведских ученых по публикации документов, относившихся к экономической истории XVII в., имели широкий резонанс. Они достаточно часто цитировались в общих работах по истории экономики Балтики эпохи Тридцатилетней войны, в которых обращалось внимание на те основы балтийской торговли, которые заложил Столбовский мир. Так, авторы книги о купеческих колониях раннего Нового времени кроме всего прочего обратили внимание даже на то, что на переговорах в Столбово обеими сторонами ставился вопрос о развитии торговых отношений

¹ Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. С. 212.

² Шаскольский И. П. Восстановление русской торговли со шведскими владениями в первые годы после Столбовского мира // Скандинавский сборник. Вып. 11. 1966. С. 61–79.

между двумя государствами¹. Другим примером может служить монография Стефана Хербста о шведской «московской политике» первой половины XVII века, где основное место уделено не политике, но торговле². Столбовские договоренности в этой книге рассматриваются как отправная точка «новой» шведской политики в отношении Московского государства. Примерно те же оценки высказаны и в обзорной монографии Х.-Й. Торке по русской истории (в качестве успеха Швеции признается становление ее в качестве *dominium Maris Baltici*, а присоединенные территории называются «Ингерманландией и Восточной Карелией», что, несомненно, выглядит модернизацией)³.

Кари Таркиайнен в объемной статье проследил историю пути к Столбовскому миру и, в общих чертах, процесс разграничения в контексте «восточной политики» шведских королей, начиная с Густава Вазы. Важное место в исследовании К. Таркиайнена, опирающемся прежде всего на королевскую переписку, занимает идеологическое обоснование такой политики. К. Таркиайнен в этом контексте рассматривает и работу П. Петрея над «Историей великого князя московского» и показывает, как в королевских речах 1617 г. и некоторых последующих лет фигурировали топоры «московского» Востока — Казань, Татария, Астрахань. Все это исследуется как результат достаточно бурных споров молодого короля с риксканцлером Оксеншерной и риксродом. В этих спорах, по К. Таркиайнену, родился и образ «русской экспансии», которой должна противостоять Швеция как форпост христианского Запада. Согласно К. Таркиайнену, письма Оксеншерны шведским послам в Дедерино в ноябре 1615 г. определили их дипломатические действия по максимальному ослаблению Московского царства и недопущению его к морю⁴.

¹ Merchant colonies in the Early Modern period / Ed. V. N. Zakharov, G. Harlaf-tis, O. Katsiardi-Hering. NY, 2012. P. 99.

² Herbst S. Handelskontrolle «Derivation» Eindämmung. Schwedische Moskaupolitik 1617–1661. Wiesbaden, 1997. S. 87–89.

³ Torke H.-J. Einführung in die Geschichte Rußlands. München, 1997. S. 89.

⁴ Tarkiainen K. Faran från öst i Svensk säkerhetspolitisk discussion inför Stolbova-freden // Scandia: Tidskrift för historisk forskning. 1974. Bd. 40. H. 1. S. 34–56.

В книге К. Кепсу, посвященной Ингерманландии как шведской провинции XVII века (преимущественно во второй половине столетия, при Карле XI), некоторое внимание уделено Столбовским договоренностям. По К. Кепсу, одно из следствий Столбовского мира заключалось в частности и в том, что произошла территориализация Ингерманландии как особой страны, провинции в рамках Шведского королевства — империи (тогда как ранее, несмотря на сложность административной и языковой картины этой части Новгородской земли, отдельные области будущей Ингерманландии не представляли чего-то цельного)¹.

В том же ключе территориальной экспансии Швеции сформулирован взгляд на Столбовский мир в фундаментальной монографии о «русской торговле» XVII века Дж. Т. Котилэйна². В книге изложено мнение о том, что Швеция стремилась полностью подчинить себе всю торговлю Московской Руси, имея в качестве программы-максимума захват Архангельска и контроль над беломорской торговлей; территориальные же присоединения по Столбовскому миру стали реализацией этого тренда и открыли новый этап в русско-шведской торговле (полагаю, что такой этап был достигнут шведской дипломатией уже при заключении Тявзинского мира). Можно считать, что концепции, изложенные в коронационной речи Густава Адольфа, вплоть до сегодняшнего времени имеют резонанс, даже в глобальной историографии.

¹ Kepsu K. Den besvärliga provinsen Reduktion, skattearrendering och bondeoroligheter i det svenska Ingermanland under slutet av 1600-talet. Helsingfors, 2014. S. 49–50.

² Kotilaine J. T. Russia's Foreign Trade and Economic expansion in the Seventeenth century. Windows on the World. Leiden; Boston, 2005. P. 145–147. По мнению автора, не сумев присоединить Архангельск, шведские деятели активно боролись за перенос центра русской торговли в Нарву. Так, в 1626 г. Э. А. Тра-на предложил учредить специальную торговую компанию, которая бы действовала в этом направлении. В 1628 г. этот проект получил поддержку короля, и в 1629 г. коммерсанты из Штральзунда были допущены к свободной торговле в Нарве и Ниене; английским купцам братьям Роули было разрешено поселиться в Нарве и свободно торговать там (Р. 153).

Одним из ведущих современных создателей нарратива о Смутном времени является В. Н. Козляков. В его фундаментальной монографии о Смуте (2007) повествование доводится лишь до 1613 г.¹; однако в более ранней книге о царе Михаиле Федоровиче (2004) довольно подробно говорится о выходе из Смуты, в том числе — и о Столбовском и Деулинском соглашениях. Столбовский мир оценивается В. Н. Козляковым как достижение царя Михаила Федоровича: первый договор, заключенный при Романовых, и акт, позволивший Новгороду и Новгородской земле вернуться под власть московских царей².

Несколько работ о Столбовском мире принадлежит перу Я. Н. Рабиновича. Исследователь в 2008 г. дал общую оценку мирного договора, в целом повторив уже устоявшиеся в науке положения: мир не был разгромом Московского царства, Швеция не достигла всех ставившихся ранее целей на Балтике, но, вместе с тем, заперла Балтику от русской торговли³. Гораздо более серьезное исследование Я. Н. Рабиновича — биографический очерк о Джоне Меррике (впрочем, ученому осталась не известна монография об англичанине Дж. Фиппса (1983)). Ученый привлек внимание к переговорам в Ладого, проводившимся осенью 1616 г., показав особенное значение прелиминарного договора и роль Джона Меррика в его подготовке и заключении. Я. Н. Рабинович придерживается того мнения, что Джон Меррик в ходе переговоров держался промосковских позиций, стремясь сохранить в составе Московского государства устье Невы, где уже были выстроены укрепления Ниеншанца⁴.

Г. М. Коваленко рассматривает Столбовский мир, прежде всего, как окончание войны, которая не была объявлена,

¹ Козляков В. Н. Смута в России. XVII век. М., 2007.

² Козляков В. Н. Михаил Федорович. М., 2004. С. 75–85.

³ Рабинович Я. Н. Столбовский мир: победа или поражение // Вестник ЧелГУ. 2008. № 18. С. 27–39.

⁴ Рабинович Я. Н. Джон Меррик на переговорах в Ладого // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. История, международные отношения. Вып. 1. С. 91–103.

несмотря на то, что длилась около десяти лет, и как хронологический рубеж, обеспечивший возвращение Новгорода под власть Москвы: именно в последнем акте исследователь видит значение Столбовского мирного договора. Опубликованное специальное исследование Г. М. Коваленко о Столбовском мире представляет собой (как более ранний труд этого ученого о Клушинской битве) исчерпывающий анализ исторических обстоятельств, приведших к заключению мирного договора. По мнению Г. М. Коваленко, договор, бывший первым международным актом, заключенным правительством Михаила Федоровича, устраивал обе стороны, вернув Московскому государству Новгород и всерьез укрепив международные позиции Швеции. При этом если Столбовский мир отдавал всю торговлю на Балтийском море Швеции, то Новгород становился центром торговли Московского государства с Западной Европой. Книга Г. М. Коваленко сопровождается републикацией текста мирного договора по Полному собранию законов Российской империи, а также публикацией документов, связанных с так называемым плебисцитом в Новгороде в октябре 1614 г., — ответы новгородского духовенства и посадских людей на запрос Эверта Горна о присяге Новгорода королю Густаву Адольфу (из коллекции *Muscovitica* в *Svensk Riksarkiv*)¹.

Изданный в 2015 г. коллективный труд московских историков, посвященный формированию границ Российского государства, включает, кроме всего прочего, статью безвременно ушедшей Е. И. Кобзаревой о русско-шведских пограничных взаимоотношениях в XVII веке. Значение Столбовского мира исследовательница оценивала вполне в традиции той риторики, которая следовала из коронационной речи Густава Адольфа: о территориальных успехах на востоке, о контроле над русской торговлей (однако о неудаче шведов в реализации

¹ Коваленко Г. М. «В соединенье с Московским государством». Столбовский мир и возвращение Великого Новгорода в состав Российского государства. 1613–1617 гг. В. Новгород, 2017.

«великой восточной программы» исследовательница также пишет)¹.

Новый взгляд на политическую (в терминах авторов — «имперскую») историю Балтийского пространства приводит международный коллектив историков из журнала «Ab Imperio». Несмотря на то что в предложенном историческом нарративе нет прямого указания на Столбовский мир (и в целом история Северо-Запада в Смуту описана очень поверхностно и даже неточно), высказана принципиальная оценка итогов Смуты (к числу которых следует отнести и Столбовский мир). Авторы утверждают, что важным итогом Смуты было осознание территориальных границ страны (Московии, России), не зависящее от династических владений московских государей². Такой взгляд является важным (хотя и спорным): с этой точки зрения отказ Московского государства от территорий на Северо-Западе не обозначал, однако, «выключения» этой территории из «ментальной карты» Московии, что приводило к идеям реванша (реализованным только в годы Великой Северной войны).

ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ ТЕКСТА

История публикации текста Столбовского договора примечательна. После публикации в немецком издании книги Петрея прямо по результатам переговоров, отдельной брошюрой текст договора на шведском языке был опубликован в середине XVII века (1651 г.). В 1903 г. шведский текст договора опубликовали по подлиннику из Московского архива Министерства иностранных дел³.

¹ Кобзарева Е. И. Россия и Швеция: проблема разграничения спорных территорий в Прибалтике и Западной России в XVII веке // Формирование территории Российского государства. XVI — начало XX в. Границы и геополитика. М., 2015. С. 40–60.

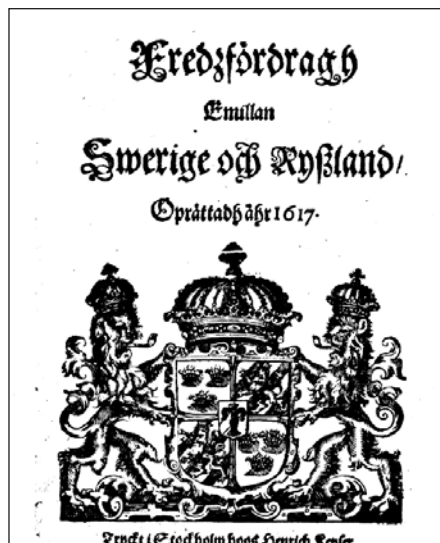
² Новая имперская история Северной Евразии. Часть 1: Конкурирующие проекты самоорганизации. VII–XVII вв. Казань, 2017. С. 332.

³ Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. 5 del, 1 häft. 1572–1632 / O. S. Rydberg, C. Hallendorff. Stockholm, 1903. № 24.

Уже в 1618 г. договор из 18 пунктов был напечатан в Гамбурге¹ (об этом вскользь упоминает Н. П. Лыжин).

В настоящее время самое доскональное исследование истории публикации Столбовского мира (и его резонанса в европейской дипломатии XVII века) принадлежит по-прежнему Н. П. Лыжину. Выше упоминалось о воспроизведении текста Столбовского мира в книгах П. Петрея и Ю. Видекинда (позднее — в «Истории Густава Адольфа» Халленберга). По наблюдениям Н. П. Лыжина, к середине XIX века в публикациях существовало четыре различных вида этого договора. Сам Н. П. Лыжин перепечатал вариант текста договора, представленного в Полном собрании законов Российской империи в 1838 г. Этот текст состоит из 33 пунктов, с короткими титулами государей. В сочинениях Петрея, Видекинда и Халленберга этот же текст (из 33 статей) напечатан с полными титулами. В дипломатическом компендиуме Дюмона опубликованный договор включал

¹ Благодаря любезной помощи Г. М. Казакова удалось обнаружить два экземпляра этого издания (впрочем, без указаний на Гамбург как место издания). Первый, озаглавленный «Glaubwürdige Copia, Der Ewig währenden Friedenshandlung/ So zwischen dem Durchleuchtigsten Großmächtigen Hochgebohrnen Fürsten und Herrn Herrn Gustavum Adolphum/ der Reiche Schweden/ Gothen und Wenden Könige ... Eines: Und dem auch Großmächtigen Herrn Herrn Michael Foederwitz/ aller Reussen/ Zaaren und Großfürsten/ Andern Theils/ Behandelt und geschlossen ist/ den 27. Februarii/ dieses 1617. Jahres/ zu Stolbowa : Auß dem rechten Original in unsere Teutsche Sprache von Wort zu Wort getrewlichen ubergesetzt», хранится в библиотеке Вольфенбюттеля (указан 1617 год издания), второй, озаглавленный «Glaubwürdige Copia, Der Ewig währenden Friedenshandlung/ So zwischen dem Durchleuchtigsten Großmächtigen Hochgebohrnen Fürsten und Herrn Herrn Gustavum Adolphum/ der Reiche Schweden/ Gothen und Wenden Könige ... Eines: Und dem auch Großmächtigen Herrn Herrn Michael Foederwitz/ aller Reussen/ Zaaren und Großfürsten/ Andern Theils/ Behandelt und geschlossen ist/ den 27. Februarii/ dieses 1617. Jahres/ zu Stolbowa : Auß dem rechten Original in unsere Teutsche Sprache von Wort zu Wort getrewlichen ubergesetzt», хранится в Мюнхенской библиотеке, год издания — 1618. Пользуясь случаем, выражаю благодарность Г. М. Казакову за любезную помощь в поиске и прочтении.

Столбовский мирный договор. Стокгольмское издание 1651 г.

18 пунктов¹. На этом издании, по наблюдениям Н. П. Лыжина, было основано сочинение В. Берха о царствовании Михаила Федоровича². Однако тот отмечал, что «сущность заключенного там (27 февраля 1617 г. — А. С.) трактата осталась та же; он был только записан пространнее и заключал 33 пункта вместо 28 (в приложении Берх напечатал договор в 18 пунктов. — А. С.).

¹ Corps universel diplomatique du droit des gens; contenant un recueil des ... et les interets des princes et etats de l'Europe... par Mr J. Dumont. Amsterdam, 1728. Nr. 174. S. 308–309. Как писал Н. П. Лыжин, «Дюмон перепечатал его из Mercure Fransais ou suits d l'histoire de notre tems 1620, Tome troisieme, тут же заметив, что в Julii Belli Laurea Austriaca напечатан также договор из 18 пунктов, но не во всем с первым согласный».

² Лыжин Н. П. Указ. соч. С. 81–82. Берх В. Н. Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междуцарствие. СПб., 1832. В книге В. Н. Берха этот текст в 18 статей озаглавлен «Трактат между Густавом Адольфом королем Шведским и Михаилом Федоровичем, великим князем всеа Московии. Заключен в Стокгольме посредством английского короля в 1616 году» (с. 98–102).

Столбовский мирный договор.
Гамбургское издание 1617 г.

В дополнение сказано было, что береговое право (*droit de vagesh*) уничтожается, трактаты 1595 и 1609 гг. должны пребывать в полной силе; что при перемене царствующих особ посылать с обеих сторон послов и обоюдно обещались не делать возмущения и не поселять раздоров между подданными России и Швеции».

Видекинд пишет, что договор первоначально был составлен на шведском языке. Он предполагает, что «трактат 1616 г.» — это рекомендации короля.

В 1842 г. шведский текст договора воспроизвел М. Акиандер в журнале «*Suomi*» (1842, Нф. V и VI) (об этом также упоминал Н. П. Лыжин¹), с привлечением русских данных и разъяснением терминов. Публикатор шведского текста размежевания в Карелии привел, к примеру, современные ему (1840-х гг.) финские топонимы, соответствующие тем, что упоминались в шведском тексте грамоты. Кроме того, разъяснялись русизмы, включенные в шведский текст договора типа: *Dietibajorsker*. Эта публикация появилась в серии изданий шведско-русских дипломатических памятников, предпринятых М. Акиандером в издававшемся в Гельсингфорсе журнале: общий обзор данных о заключенных мирах, о местах хранения подлинников договоров, о местах и местностях, где были закреплены пограничные соглашения.

На русском языке впервые текст Столбовского мирного договора, как упоминалось выше, был опубликован в 1838 г. составителями Полного собрания законов Российской империи по тексту русского перевода 1617 г. со шведского экземпляра (вероятно, по списку)². Перевод был выполнен качественно, но, однако, не являлся тем выверенным послами текстом, который готовился в Столбове. В 1857 г. Н. П. Лыжин воспроизвел этот же текст в своей монографии³. При подготовке изда-

¹ Лыжин Н. П. Указ. соч. С. 106.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1831. Т. 1. С. 177–194.

³ Лыжин Н. П. Указ. соч. С. 142–173.

ния «Русско-шведские экономические отношения» (М.; Л. 1960. С. 25–27) был использован список из РГАДА (в то время — ЦГАДА)¹; привлекались и другие списки договора². Комментаторы сборника писали: «В настоящем издании дается подлинный русский текст договора в той его части, которая относится к теме настоящего сборника. Подлинник русского экземпляра договора был при заключении соглашения вручен русскими послами шведским послам и увезен в Стокгольм; по имеющимся сведениям, в Стокгольмском архиве этот документ до наших дней не сохранился. Текст русского экземпляра Столбовского договора имеется в ЦГАДА во многих списках; для данной публикации выбран список, наиболее близкий по времени написания к подлиннику русского экземпляра договора; этот список был прислан русскими послами в Посольский приказ после заключения договора». В этом издании также отмечено, что «подлинный шведский текст хранится в Архиве внешней политики России МИД СССР». Полный текст Столбовского договора на русском языке не опубликован! До 1951 г. русский экземпляр договора хранился первоначально среди «Шведских дел» МГА-МИД, позднее этот фонд стал фондом № 96 «Сношения России с Швецией» в ЦГАДА (ныне — РГАДА). А в 1951 г. подлинный экземпляр договора был передан из РГАДА в Архив МИД СССР (ныне — Архив внешней политики Российской Федерации). Сегодня в составе фонда № 96 хранятся только современные списки договора и подготовительные материалы к нему. Таким образом, современная публикация текста Столбовского договора только готовится.

¹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 13. Л. 413–417; 430–432.

² Там же. Л. 443–499; Д. 19. Кн. 14. Л. 79–147.

Политическая и дипломатическая история Столбовского мира. Июнь 1616 — сентябрь 1617 гг.

ОБСТАНОВКА НАКАНУНЕ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПЕРЕГОВОРОВ

Весной — летом 1616 г., да и после того как дипломатические контакты установились, и шведская, и московская стороны остро нуждались в информации, которая поступала из следующих источников: сообщения из центра (для московских послов — из Посольского приказа) и сведения, собираемые непосредственно на месте. Важнейшими источниками были «вести», получаемые от лазутчиков, перебежчиков и пленных. Лазутчиков рассылали обе стороны, но московская сторона находилась в заведомо выигрышном по отношению к шведам положении. Письма, послывавшиеся в Новгород из посольских станов, играли свою роль: новгородцы и жители пригородов были «распропагандированы» в пользу Михаила Федоровича и охотно сообщали вести, впрочем, подчас носившие совершенно мифологический

характер. Прибывшие в Тихвин в июне 1616 г. послы князь Д. И. Мезецкий с товарищами, обеспокоенные известиями о возможных передвижениях шведских войск, распорядились всех приходящих в Тихвин непременно приводить к себе в съезжую избу, а также переписать все дворы в остроге, настрого запретив жить в них без явки послам или воеводам, «и в нищих велели голове стрелецкой с сотники и с стрелцами беречь и розсматривать, чтоб лазутчики в нищем платье в острог не вошли и в монастырь не ходили и не жили»¹. Вероятно, особую роль в сборе сведений, в допросах играл новгородец Богдан Дубровский, человек нетривиальной судьбы².

Решительно противостоял активности тихвинских воевод шведский наместник в Ладоге Риккерт Розенкранц. В начале 1615 г. ему удалось захватить в плен Ивана Шипилова, одного из стрелецких голов. На пытке Шипилов сообщил Розенкранцу о том, что тихвинские воеводы рассчитывают на помощь прибранных между Тихвином и Вологодой боярином Лыковым казаков, которых планируется послать под Ладогу. Их поход под Ладогу кончился неудачей, прежде всего в результате предпринятых Э. Горном и А. Т. Вильдманом предупредительных военных мер, и победой С. Коброна³. После чего боярин князь Б. Лыков отвел казаков к Москве.

После появления послов в Тихвине и их первых непосредственных контактов со шведами у москвичей объявилось множество сторонников-ладожан, стремившихся заслужить себе прощение и «явно» показать свою верность царю Михаилу Федоровичу. Одним из информаторов князя Д. И. Мезецкого с то-

¹ Отписка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о приходе в Ладогу крупного отряда немцев и об известиях от выборгского дьяка Андрея Иванова и ладожского строителя Варсонофия. После 14 июля 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 8. Л. 117–120, 140–143.

² Селин А. А. Новгородские судьбы Смутного времени. В. Новгород, 2009. С. 92–111.

³ Юхан Видекинд. История десятилетней шведско-московской войны. М., 2000. С. 337.

варищами был строитель ладожского Ивановского монастыря с Малышевой горы Варсонофий. Летом 1616 г. он регулярно на свой страх и риск отправлял в Тихвин свежую информацию.

Первый контакт Варсонофия с москвичами случился в начале июля, когда он сообщил в Тихвин, что у него имеются известия для московских послов. Вскоре он передал в Тихвин сведения о приходе в Ладогу крупного военного контингента из северных областей Финляндии во главе с Хансом Мунком¹. Ранее же в Ладогу, по словам Варсонофия, пришел выборгский наместник Арвид Тенниссон Вильдман с сотней солдат. «А острошку у Арвея нет, стоит в шатрах без острошку, а в полку де у Арвея три пушки, уставлены на три стороны, по Тихвинской да по Орешковской дороге, а запасу всякого в Ладогу хлеба и коров и боранов и коз и питья всякого привозили из Немецкие земли добре много, а ссыпаны де всякие хлебные запасы в Ладоге в житницы, а питья ставили по погребом, а животины ныне не бьют, пасут на поле, а сена де на зиму припасают немецкие люди добре много, а говорят де немецкие люди, что в Ладогу немецкие прибыльные люди из Лопи еще будут, а вскоре ль будут и сколко человек, того не ведает»². Кроме того, по словам Варсонофия, в Невском устье стоял большой военный корабль, «с нарядом с болшим, а на нем вогненного наряду четырнатцать пушек да иные болшие пушки есть, и сколь велики и в которой город тот наряд проводить, того сказал не ведает»³. Примерно в то же время вышедший в Тихвин сын боярский Михаил Рындин сообщал на допросе, «что служат государю и прямят

¹ Отписка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о приходе в Ладогу крупного отряда немцев и об известиях от выборгского дьяка Андрея Иванова и ладожского строителя Варсонофия. После 14 июля 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 8. Л. 117–120, 140–143.

² Расспросные речи крестьянина Ларки Федотьева о вестях от строителя Варсонофия перед послами князем Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 16 июля 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 8. Л. 170, 134–136.

³ Там же.

в Ладоге Иванна Предтечи строитель Варсунофей да посадцкой Клементьевской поп Иван да староста Ивашко Григорьев да посадцкой человек Михалко Казанцов»¹.

16 августа 1616 г. строитель Варсонофий сообщил казаку, посланному атаманом Чегодаем Спешневым под Ладогу «для вестей», что шведы не признают казаков Спешнева частью московского войска, «и называют немецкие люди тех казаков ворами, что де будто те казаки твои государевых послов ни в чем не слушают, а поставили де государь острожек будто самоволством»². Это было отчасти справедливо; Спешнев отказался уничтожить острожек по приказу из Тихвина, но при этом содействовал успеху переговоров в Столбове, отправляя в московский посольский стан перебежчиков из шведского лагеря.

18 августа того же года строитель Варсонофий отправил в Тихвин «вестовую память». В ней он повторял гулявший среди новгородцев слух о том, что при попытке расхитить казну соборной церкви св. Софии с Якобом Делагарди случился приступ болезни (самого Делагарди Варсонофий именовал «кровопролица и человекоедец и крестопреступник»). Прибывший,

¹ Расспросные речи сына боярского Михаила Рындина перед послами князем Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. После 19 июля 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 8. Л. 187–191, 182 (все листы перепутаны). В очень похожих терминах участники миссии хутынского архимандрита Киприана Я. М. Боборыкин и М. Ш. Муравьев говорили о «прямящих» царю Михаилу Федоровичу боярине Одоевском, дьяке Семене Лутохине и митрополите Исидоре. Видимо, это было штампом. Так, шестью годами ранее вышедший из Москвы в Тушино подьячий Чубаров утверждал, что «из бояр прямят государю Димитрию Ивановичу князь Борис Лыков, князь Иван Куракин, князь Василий да князь Андрей Голицын, да князь Иван Дмитриевич Хворостинин, а с ними дворяне, дети боярские и торговые люди, а сколько их человек и кто именно, того не упомнит» (Соловьев С. М. История России. Т. 8. М., 1989. С. 517).

² Отписка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ с изложением расспросных речей казака, посылавшегося Ч. Спешневым под Ладогу. Без окончания. После 16 августа 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 9. Л. 1–10.

однако, в Ладугу (то есть, видимо, явивший налицо признаки болезни) святотатец Деллагарди вместе с М. М. Пальмом имел всего 50 конных и 170 пеших воинов с ротмистром Лоренцом Вагнером. Известно было Варсонофию и о поражении под Псковом К. К. Юлленгельма (кого он именует не иначе как «выблядок»¹), по сведениям игумена, бежавшего в Нарву. Варсонофий предупреждал послов о возможном нападении шведов на укрепления на Сяси и просил в тайне хранить свое послание².

ВЫБОР МЕСТА ПЕРЕГОВОРОВ

На переговорах в Дедерине в 1615–1616 гг. было условлено, что в следующий раз представители Москвы и полномочные шведские послы должны встретиться не между Осташковом и Старой Руссой, а между Тихвинным монастырем и Ладогой. Боязнь провокаций во время посольств побуждала обе стороны концентрировать войска и укрепления в местах будущих переговоров. Обозначение места для встречи было весьма условным, и его еще только предстояло точно определить.

Тихвинским воеводам В. Ф. Неплюеву и И. И. Баклановскому было поручено сообщать в Посольский приказ о строительстве укреплений шведами. В середине мая до тихвинцев дошел слух о том, что Деллагарди приказал совершить нападение на Тихвин до начала переговоров. Как подготовку к такому нападению расценили начало строительства шведами укреплений к востоку от р. Волхов — в устье реки Сясь и выше по Сяси, в районе д. Бардовщина. Эти укрепления перерезали бы дорогу от Тихвина к Заонежью³. Однако то были лишь намерения шве-

¹ Незаконнорожденный сын Карла IX Карл Карлсон Юлленгельм.

² Вестовая память строителя Ивановского монастыря Варсонофия посла князю Д. И. Мезецкому с товарищами. 18 августа 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 9. Л. 35.

³ Отписка тихвинских воевод В. Ф. Неплюева и И. И. Баклановского в Посольский приказ о числе немецких людей в Новгороде и пригородах. Май 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 5. Л. 94–95.

дов: к маю 1616 г. никаких укреплений они в этих местах соорудить не смогли. Посылавшийся из Тихвина на Сясь на разведку стрелецкий сотник Петр Уваров сообщал в Посольском приказе, что «приезжал на Сяское устье на третьи недели после Велика дни, а в которой день, того не упомнит, толко то помнит, что он приезжал после приезде немчина, которой был на Москве. И на Сяском устье в те поры ничево не было, и лес на острог у немец не готовлен, а воеводы писали к государю о Сяском остроге по мужицкой скаске, что мужики им сказывают, что немецким людям на Сяском устье острог ставити, и по мужицкой скаске воеводы с Тихвина послали после ево, Петрова, отъезду инога сотника стрелецкого с стрелцами, а стрелцов посылают по 50 человек»¹. Он также сообщал, что в районе Рождественского погоста на Паше сторонникам московского правительства острожек пока не удалось поставить, хотя туда и пришли «плавные казаки орешковские и ладожские, человек с полтора-ста, и стоят тут, а острог ишо не ставлен»².

Неплюев и Баклановский получили указание опередить шведов и выставить острожки между Тихвином и Ладогой раньше них, проведя перед этим разведку и ни в коем случае не давая шведам перерезать дорогу из Тихвина в Заонежские погосты: «и укрепити велели гораздо, чтоб нашим людям сидети было безстрашно и запасы к вам из Заонежских погостов провести было мочно, а немецким людям из Заонежских погостов запасов имать и в их острожек провозить не дать». Равным образом и подготовка к посольскому съезду требовала создания временных укреплений в районе переговоров³.

Большой удачей для тихвинских воевод стал контакт с казачьим атаманом Чегодаем (Чаадаем) Спешневым, пришедшим

¹ Расспросные речи стрелецкого сотника Петра Уварова в Посольском приказе о вестях из Тихвина. Около 14 мая 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 5. Л. 96–97.

² Там же.

³ Грамота из Посольского приказа к тихвинским воеводам В. Ф. Неплюеву и И. И. Баклановскому о постройке острожка на р. Сясь. 30 мая 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 5. Л. 134.

к устью реки Сясь и подчинившимся московской администрации. 16 июня 1616 г. Спешнев писал в Тихвин, что он пришел в Сясьское устье 15 июня, «и острог поставил, а пищалей де государь, затинных, и пороху, и свинцу у него в остроге нет, а казаков де, государь, у него на Сяском устье полтретьяста человек, а немецкие люди многие ходят из Ладogi в Корелу и ис Корелы в Ладogu с товары, и они им ничем задору не чинят». Эти 250 казаков, перерезавших Сясь, стали важнейшей силой, противостоявшей возможному натиску шведов на восток. Тихвинские воеводы послали служилых людей осмотреть острог Спешнева, и те сказали, что «Чегодай пришед на Сяское устье поставил острожек невелик, вдоль сажен з десять, а вперед де, государь, тут острожку никоими обычаи стоять не мочно, что блиско Ладogi, всего в пятнатцати верстах». Усомнившись в необходимости Сясьского острога, воеводы Неплюев и Баклановский попытались провести розыск в Тихвине о том, насколько он обеспечивает безопасность монастыря и дороги из Заонежских погостов. Общее мнение допрошенных дворян и посадских людей было резко против Сясьского острожка: тот располагался в 70 верстах от Тихвина и в 15 верстах от Ладogi и не прикрывал дорог, «а толко тут острожку стоять, и с немецкими людьми задратца, и на съезд для мирного постановенья свейские послы не поедут, потому что тот острожек стоит на ладожской земле». После этого тихвинские воеводы приказали Ч. Спешневу острожек «раскидать» и перейти вместе с казаками ближе к Тихвину, поставив новый острог в 30 верстах от Тихвина, также на Сяси¹. Однако Спешнев этого приказа воевод не исполнил, вероятно, лучше владея обстановкой и представ-

¹ Отписка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о вестях от Чаада Спешнева о построенном на Сясьском устье остроге. После 16 июня 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 7. Л. 242–244. Это дело в первой половине XX века было исследовано Г. А. Замятиным, который, впрочем, не придал большого значения указанию тихвинских воевод скрыть Сясьский острожек (Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века: очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 367–370).

ля свои возможности по обороне сооруженных им скромных укреплений. Несмотря на многочисленные предостережения Неплюева и Баклановского, он простоял в устье Сяси до заключения Столбовского мира, контролируя сообщение между Ладогой и Тихвином; задуманный Деллагарди рейд на Тихвин (о подготовке которого известно¹) летом — осенью 1616 г. не состоялся, а позже — начались переговоры в Столбове.

В устье Свири, видимо еще в 1615 г., сыном боярским Матвеем Арцыбашевым, был поставлен острог: «А Заонежским погостам обереганье тот острожек на Свири реки, что поставил Матвей Арцыбашев, потому что воинским людям ийти из Ладожского озера Свирью рекою в Онего»². Как занятие устья Свири русскими соотносилось с попыткой укрепления Свирского устья шведами, которая была предпринята весной 1616 г., неясно; ясно только то, что Свирский острог не стал для них препятствием, однако к деревне Сермаксе, которую первоначально предполагалось занять укреплением, шведам подойти не удалось³.

В июне 1616 г. прибывшие в Тихвин послы стали готовить место для будущего места переговоров. 16 июня стрелецкий сотник Семен Дунилов выехал из Тихвина по Ладожской дороге искать варианты места для посольского съезда. Через два дня Дунилов вернулся «и привез роспись и чертеж местом росписав против росписи сколько до которова места верст»⁴. В примечательном документе рассматривались три варианта для будущих переговоров, причем Столбово назвалось как самый крайний вариант, «последняя мера», на которую должны были соглашаться послы. Каждое из возможных мест оценивалось как с точки зрения обеспеченности провизией, так и с фортифика-

¹ Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 398.

² Отписка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о вестях от Чаада Спешнева.

³ *Generalstaben. Sveriges Krig. 1611–1632. Bd. 1. Danska och Ryska krigen.* Stockholm, 1939. S. 550.

⁴ Роспись головы Семена Дунилова о предполагаемом месте съезда. 18 июня 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 7. Л. 219–226.

ционной; предполагаемые места переговоров снабжались такими характеристиками, как возможность обстрела из ружей¹.

Во время своей рекогносцировки Дунилов собрал сведения о том, что, по слухам, шведы также ищут место для переговоров — в районе Рождественского погоста на Сяси (в 15 верстах от Ладоги), «а дале де, государь, того ехать не хотят». Но и это место находится в 60 верстах от Тихвина, и добираться туда сложно: «грязно и болота и мхи непроходимые, а рекою пороги великие». Служивший в Ладогe сын боярский Агиш Уваров прислал в Тихвин своеобразное предупреждение: как послы придут «на реченое место, где будет им стоять, укреплялись гораздо и были б де надежны во всем, чтоб де ни в чем не поплошились, и на немецких бы послов на пословные грамоты и на все не глядели, чтоб от них какое дурно не учинилось, а одноко нечно де у них есть умысль, чтоб де были люди и во всем надежны, а большая б де статья чтоб гораздо укрепясь стала совсем»². Послы и сами опасались, жалуясь в своей отписке в Посольский приказ: «А однолично де, государь, у них есть умысл над нами, холопи твоими, что де у них побии неметцких людей твои государевы люди многих, а того не сказал, в коем месте побии, и о них де добре скорбят, а нам де, холопом твоим, стать в острошке укрепясь гораздо, а чает де он от неметцких людей над нами, холопами твоими умышленье»³.

Послы же, стоявшие в Тихвине, преимущественно занимались сбором сведений для Посольского приказа об обстановке в Новгороде и о намерениях шведов. Беспокоились они и о подготовке переговоров: почти сразу после прибытия послы пи-

¹ Документ опубликован: *Селин А. А.* Смута на Северо-Западе в начале XVII века: Очерки из истории новгородского общества. СПб., 2017. Приложение 3.1. С. 629–633.

² Расспросные речи новгородца Воина Елизарьева Качалова в Тихвине перед послами князем Д. И. Мезецким с товарищами. 17 июня 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 7. Л. 263–266.

³ Отписка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о поиске удобного места для будущего съезда. Около 19 июня 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 7. Л. 217–218.

сали в Москву, что «суконной шатер ветчан и худ», и просили прислать получше¹.

Шведы всерьез продвигали свой вариант места для посольского съезда, в районе Рождественского погоста на Сяси. Такие сведения сообщали московским послам лазутчики: «А съезду быти у Рожества Христова на Сяси в Григорьеве поместье Хамантова, от Ладоги 10 верст, а дале де ему тово на съезд не хаживать, а государевы де послы где остроги не ставят, то де их воля, а им де дале того не езживать»². 5 декабря 1616 г. в Тихвин пришла весть о согласии шведских послов на Столбово как место переговоров: «А съезду приговорили быти в деревне Столбово, блиско острошку, где стояти государевым послом»³. Через два дня, 7 декабря, послы князь Д. И. Мезецкий с товарищами написали наказ дворянам С. Протасьеву, В. В. Шепелеву, Н. А. Кушникову и подьячему В. И. Волкову ехать в острожек, «где была деревня Даниловщина», а приехав «послати от себя в Ефимово поместье Телепнева в деревню Борки проведать, бывали ли в деревню Борки свейские дворяне». В самом Столбове было определено место для стана английского посредника Джона Меррика. 11 декабря состоялся съезд Солового Протасьева и его товарищей с шведскими дворянами и необходимая присяга обеих сторон о взаимном доверии. 14 декабря с утра Соловой Протасьев приехал в Тихвин с сообщением о достигнутой договоренности о посольском съезде в Столбове 23 декабря. Острожек на пустоши Даниловщина построил новгородец Филипп Арцыбашев, которому было поручено готовить

¹ Отписка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о том, что им дали плохой шатер для съезда. Июнь 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 7. Л. 399.

² Расспросные речи тихвинского стрельца Ларки Володимерова перед послами князем Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 8 июля 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 8. Л. 29–33.

³ Статейный список переговоров послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. Без начала. Май — декабрь 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 6. Л. 150.

стан для московских послов¹. Вечером 20 декабря 1616 г. князь Д. И. Мезецкий, А. И. Зюзин, дьяки Н. Новокщенов и Д. Семенов выехали из Тихвина и на следующий день прибыли в Даниловщину, тут же отправив гонца к Джону Меррику известить о своем прибытии².

Почти одновременно с прибытием шведских представителей в Ладугу началась последняя осада Пскова К. К. Юлленгельмом. Им в сентябре были выстроены укрепления («шанцы») на р. Великой, откуда велась долгая и малоуспешная осада. Боевые столкновения с псковичами ни к чему не привели, и в конце декабря 1616 г. брошенный фельдмаршалом Юлленгельмом гарнизон «шанца» капитулировал. Однако в Москве всеми этими обстоятельствами были обеспокоены и даже начали собирать под Торопцем войско на выручку Пскову. Но осада кончилась раньше³. 7 января 1617 г. псковские воеводы И. Д. Плещеев, С. Собакин и дьяк Ч. Оботуров прислали к послу князю Д. И. Мезецкому известие об уничтожении шведского укрепления под Псковом и капитуляции 250 воинов неприятеля, которых пропустили к Дерпту⁴.

Г. А. Замятин описал собравшийся в сентябре 1616 г. Земский собор в Москве. Вопрос о мире со Швецией был на нем одним из важнейших. О нем докладывал собору дьяк Петр Третьяков. На обсуждение были вынесены все три предложения, сделанные шведами в Дедерине. Формулировка правительственного запроса собору была такой: «На чем с свейскими послы велети делати, на города или на деньги?»⁵. Г. А. Замятину удалось показать, что выборные представители решились уступить Швеции территории, а не выплачивать деньги, которые было невозможно собрать. При этом в качестве аргумента

¹ Там же. Л. 167, 190–192, 200.

² Там же. Л. 213.

³ Замятин Г. А. Условия заключения Столбовского мирного договора между Россией и Швецией 9 марта 1617 года // Новгородский исторический сборник. Вып. 16 (26). В. Новгород, 2016. С. 348–349.

⁴ Замятин Г. А. Условия... С. 367.

⁵ Замятин Г. А. Условия... С. 349–350.

предъявлялся тот факт, что Новгород и его пригороды после длительного разорения «стоят пусты»; если даже и возможно было бы найти средства для их выкупа, то «чем их справить и отколь тем ратным людям, которые будут в них государево жалованье денежное и хлебное» давать?¹ Таким образом, мотив «оставляемых в руках чужеземцев православных душ» вовсе не фигурировал в официальных документах собора.

МИССИЯ МЕРРИКА. НАЧАЛО ПЕРЕГОВОРОВ В ЛАДОГЕ

Личность Джона Меррика (John Merrick) в деле замирения Московского государства и Швеции трудно переоценить. Почти полная биография Джона Меррика, англичанина в Московском царстве, так удачно сумевшего выполнить посредническую миссию при заключении Столбовского мира, написана в 1983 г. Дж. Фиппсом². В последние годы о личности и деятельности Меррика упоминали Д. В. Лисейцев³, В. Д. Назаров⁴ и отчасти А. В. Майоров⁵; специальная статья, посвященная деятельности

¹ Цит. по: Замятин Г. А. Условия... С. 350.

² Phipps G. M. Sir John Merrick English Merchant — Diplomat in Seventeenth Century Russia. Newtonville, Mass, 1983.

³ Лисейцев Д. В. [Вступительная статья] // Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. М., 2006. С. 7–20.

⁴ [Назаров В. Д.] Примечания // Жак Маржерет. Состояние Российской империи. М., 2007. С. 360–361.

⁵ Майоров А. В. Древнерусская летопись из Коттонийской библиотеки // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 87–101. Ученый считает, что Меррик был автором проекта отторжения Англией северных и поморских городов от Московского государства (ср.: Любименко И. И. Английский проект 1612 г. о подчинении русского Севера протекторату короля Иакова I // Научный исторический журнал. 1914. Т. 2. № 5. С. 1–16; Dunning Ch. Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty Pensilvania, 2001. P. 421–423) и только воцарение Михаила Романова переориентировало Меррика на иной путь завоевания господства в Московском государстве. А. В. Майоров также предположил, что к герою его статьи — Р. Коттону — по какому-то «устойчивому ка-

Дж. Меррика накануне и во время Столбовских переговоров, принадлежит Я. Н. Рабиновичу¹.

налу» бумаги Меррика поступали в течение многих лет. Надо сказать, что речь шла, как мне представляется, не об отторжении, а именно о колонизации. Предложения, озвученные Мерриком не в 1612 г., а гораздо позже, уже после подписания Столбовского мира, звучали следующим образом: «И посол же князь Иван говорил: преж сего он по государя своего наказу в ответе царского величества бояром говорил, что около Вологды многая земля пуста и ни к чему не годитца, и государь бы поволлил им тут своих людей привести для промыслу, и они учнут русских людей наймовать, и пашню пахать, и сеять лен, и полотна и холсты учнут делать для карабельных парусов, чтоб посылать продавать в иные земли. А будет пенька удастся, и из нее делати шеймы карабельные и иные снасти. И тут жити учнут люди, и те места жилы будут, а государевым людем в том прибыль же будет. И на тое ему статью что указ, как на то царского величества произволение будет. И бояре говорили: в которых местех около Вологды та пустая земля, и далеко ль от Вологды, и куды к иным государевым городом поддалась, и многих ли им людей своих для того промыслу привести, и где им жить, и каких русских людей на то наймовать, и какая в том лну царскому величеству и его государевым людем прибыль будет, и руским людем с их людами жити ль, и какие подати им с тое земли и с промыслу государю платити, и государевым торговым людем, которые торгуют пенкою, в торгах убыли не будет ли? И посол князь Иван говорил: случилось ему подлинно слышать, что есть пустая болотная земля около Вологды, ни государева, ни монастырская, ни княжеческая, ни боярская, пустая самая земля, ни к чему не годна, лес, дичь. А толко государь пожалует, произволит им на той земле пашню устроить, и они распашут, учнут наймовать русских охочих людей, а их люди будут немногие, для промыслу и мастерства, и тут учнут жити их немногие и руские люди, и тут будет жило. А государю с тое земли учнут давать оброк, как будет мочно, смотря по промыслу, а пустою лутче будет, чем пусту лежать, ино лутче жило. А государевым торговым людем в том убыли не будет никакой, до тех им торгов, до пенки и дела не будет. А делати им в том лну полотна своими людами и рускими наймам, а иное пригодитца к судовой снасти. И бояре и дьяки говорили, что они о том донесут до государя» (Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. М., 2006. С. 130–131).

¹ Рабинович Я. Н. Джон Мерик на переговорах в Ладозе // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Сер. История, международные отношения. Вып. 1. С. 91–103.

Дипломатическая миссия Меррика началась еще в конце лета 1614 г., когда он прибыл в Нарву, правда уже не застав там короля Густава Адольфа¹. Впрочем, после эскалации насилия московской стороной весной — летом 1614 г. позиция короля по отношению к Москве оставалась еще очень жесткой. Видимо, до разрешения военного конфликта под Бронницами сохранялась надежда на присоединение Швецией Новгорода. В декабре 1614 г. Меррик прибыл в Москву, откуда отправил своего гонца к королю, предупредив также возглавлявшего шведскую администрацию в Новгороде Эверта Горна о своем посредничестве в переговорах². Одновременно, с 1 января по конец марта 1615 г., о своей будущей миссии он вел переговоры в Москве. Примечательно, что во время первой аудиенции у царя Михаила английского посла объявил царю окольный князь Д. И. Мезецкий³. В то же время другой будущий герой Столбова, Алексей Зюзин, в 1613 г. возглавил посольство к королю Джеймсу, собственно и призвавшее миссию Меррика в Москву.

Крайне интересен эпизод, иллюстрирующий владение Меррика русским языком. Долгое время проживший в Москве, он участвовал в приеме Зюзина на королевском дворе и переводил его речь на английский язык («толмачил»). Во время переговоров 1615 г. в Москве Меррик потребовал себе толмача для точного перевода указаний царя. На это боярин князь И. С. Куракин упрекнул Меррика в том, что тот, зная русский, требует переводчика. После чего Меррик заговорил на русском языке⁴. Однако по-русски Меррик только разговаривал, но не читал. В ходе недолгого пребывания Меррика в Москве, между Дедеринскими переговорами и отправлением в Тихвин весной 1616 г., в посольских документах сохранилась запись о «неумении грамоте» Меррика: «И в боярина князь Ивана Ондреевича Хованского место говорил последнюю статью окольный князь

¹ Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 327–328.

² Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 335; Лисейцев Д. В. Указ. соч. С. 15.

³ Посольская книга... С. 57.

⁴ Посольская книга... С. 98.

Данило для того, что князь Иван грамоте не умеет, а наизусть не упаматовал»¹. Речь, разумеется, шла о незнании русской грамоты (впрочем, сложно поверить в то, что такое незнание было полным). Г. В. Форстен писал, что Меррик был вынужден оправдывать свою видимую склонность к русским тем, что ему приходилось подстраиваться под их юмор (humor), иначе они стали бы относиться к нему с меньшим доверием².

В декабре 1614 г. Меррик был встречен под Москвой Ф. Леонтьевым, М. Викентьевым и дьяком Андреем Степановым. Уже во время этой встречи они изложили англичанину то видение предшествующих политических событий, которого тому следовало придерживаться во время посреднической миссии. Московская сторона утверждала, что во время «московского разорения», случившегося «злым умыслом Жигимонта короля», москвичи и Новгородское государство стояли заодно. Назначенный же Карлом IX Делагарди («Яков Пунтосов») «...будто дружа Ноугородцкому государству, на обереганье от польских и от литовских людей, и оплоша Новгород и иные новгородские пригороды за крестным целованьем поймал». Летом же 1614 г., после столкновения под Новгородом с силами князя Д. Т. Трубецкого, Делагарди будто бы призвал к себе митрополита Исидора и боярина князя И. Н. Большого Одоевского и всех новгородцев, инспирировав мирные предложения для царя Михаила Федоровича будто бы от имени всего Новгорода. В ответ, согласно официальной московской позиции, стороны отказались от военного противостояния и стали искать мирного разрешения³.

Меррик прибыл в Новгород 15 июня 1615 г. со свитой из москвичей. Их предварительные переговоры с Эвертом Горном имели своим результатом старт первых мирных переговоров

¹ Посольство князя Д. И. Мезецкого с товарищами и приезд их в Москву. Часть 8. Март — май 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 4. Л. 139.

² Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648 гг.). Т. 2. СПб., 1894. С. 143.

³ Посольская книга... С. 51–52.

«на Песках», в Дедерине, между Осташковом и Старой Руссой. Видекинд утверждает, что Горну удалось поколебать позицию Меррика, предъявив ему, в частности, переписку князя Д. Т. Трубецкого со ставкой 1613–1614 гг.¹ Видимо, эту первую миссию Меррика в Новгород невозможно было признать удачной: Горн прямо высказал англичанину позицию Густава Адольфа — несмотря на начало переговорного процесса осаждать и взять Псков в виде залога будущего мира с Москвой. Интересно, что вроде бы ангажированный в пользу Делагарди Ю. Видекинд утверждает, что Меррик убеждал Горна не настаивать на присяге новгородцев Густаву Адольфу, полагая, что «большинство жителей скорее покинет город, сокрыв в земле и воде свое движимое имущество, чем согласится на присягу»². Первоначально Горн и Меррик условились, что переговоры должны начаться 10 августа 1615 г. на Боровичах (Боровичи находились на периферии территории, контролируемой шведской администрацией из Новгорода). Но шведские представители (а к переговорам был назначен Хенрик Горн) не успевали прибыть из Швеции в Новгород. Король отправил из армии, осаждавшей Псков, в Новгород для начала посольских съездов фельдмаршала Делагарди. 19 августа 1615 г. Делагарди и Меррик встретились в Новгороде. Там их ожидало письмо, переданное московскими властями с Томасом Смитом. Посольский приказ предлагал перенести время и место переговоров. Новым местом было выбрано пространство между Осташковом и Старой Руссой. В начале сентября в Новгород прибыли Х. Горн и А. Т. Вильдман. Меррик настаивал на своей поездке к королю, находившемуся в Нарве, но шведские представители сумели его удержать.

Меррик выдвинулся из Новгорода к месту переговоров под Старой Руссой вместе со шведскими послами в октябре 1615 г. и 6 октября совместно с ними начал движение от Взвода к Пескам, вверх по р. Поле.

¹ Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 339–340.

² Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 340–341.

В патовой ситуации, в которой оказались шведские и московские послы в Дедерине, когда их взаимные требования исключали какой-либо компромисс, Меррик с нидерландскими посредниками выработали три варианта условий, на которых мир между государствами мог состояться. Согласиться или отвергнуть эти варианты самостоятельно послы не могли: и шведам, и московским дипломатам требовалась консультация с центром, а потому продолжение переговоров отложили на три месяца. Именно Меррик, а не разуверившиеся в успехе нидерландцы, стал гарантом условий перемирия. Из посольского стана обе группы посредников двинулись к Москве вместе с князем Д. И. Мезецким, куда и прибыли 18 марта 1616 г.¹ Но Р. Бредероде вскоре отбыл в Нидерланды через Стокгольм, а Меррик, сопровождаемый Соловым Протасьевым, 15 мая 1616 г. отправился на новые переговоры, через Переславль, Ярославль, Углич и Устюжну².

Меррик прибыл в Тихвин в июне 1616 г. Собственно подготовка к Столбовским переговорам началась с переписки между шведскими представителями, в августе прибывшими в Ладугу, и Мерриком. Первоначально шведы поставили ультиматум: Москва должна в краткий срок принять один из вариантов мирных предложений шведов, озвученных еще на переговорах в Дедерине. Сотрудник Меррика Томас Смит курсировал между Ладогой и Тихвинным монастырем. Споры велись о дате начала переговоров. Видекинд пишет³, опираясь на известные ему протоколы этих переговоров, что первоначально переписка с Мерриком не имела успеха: 3 сентября шведы пригрозили вовсе разорвать и перемирие, и сам переговорный процесс. При этом позиция князя Д. И. Мезецкого была в какой-то степени эскапистской: по сообщению Видекинды, он сослался на пол-

¹ Рабинович Я. Н. Джон Меррик. С. 93.

² Посольство князя Д. И. Мезецкого с товарищами и приезд их в Москву. Часть 8. Март — май 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 4. Л. 459.

³ Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 407.

ное передоверие решения по любым предварительным условиям Меррику. Надо сказать, что такое широкое делегирование полномочий вовсе не отвечало традициям московской дипломатии; нечто подобное можно усмотреть только в миссии А. Поссевино под Псковом в 1582 г. Впрочем, возможно то был лишь риторический ход; находясь в Ладогe в октябре — декабре 1616 г., Меррик регулярно сообщал князю Д. И. Мезецкому обстоятельства переговоров со шведами; тот же регулярно передавал все известия в Посольский приказ.

Важная роль в переговорах отводилась Томасу Смигу: именно ему Делагарди и Пальм излагали в Ладогe условия ультиматума, сопровождая их внешнеполитическими угрозами. Озвучивались намерения о продлении перемирия с Речью Посполитой и возобновлении военных действий под Новгородом. 16 сентября 1616 г. Т. Смит предложил шведам в качестве места для переговоров д. Столбово на Сяси. Однако шведы потребовали личного прибытия Меррика в Ладугу. Его встретил ротмистр Лоренц Вагнер 3 октября на реке Сясь (видимо, в районе Никольского погоста на Сяси). Со следующего дня начались острые переговоры в Ладогe.

Самые серьезные шаги Меррик предпринял на переговорах с Делагарди и М. М. Пальмом в Ладогe. Шведы были уверены, что представитель Великобритании действует в интересах Москвы, но, относясь к королю Англии и Шотландии с огромным пиететом и стремясь все же к окончанию военного противостояния, не предполагали другого посредника. Интерес Англии к скандинавским делам был крайне силен. Много способствовали английские дипломаты заключению Кнередского мира между Швецией и Данией (выступая более в пользу датского короля Христиана IV)¹.

На переговорах в Ладогe в качестве основных превалировали вопросы о сумме контрибуции и о том, какие крепости отойдут к Швеции. Собственно, постоянное апеллирование к авторитету английского короля использовалась Мерриком во время

¹ Форстен Г. В. Балтийский вопрос. С. 107–108.

особенно острых споров о территориях. Видекинд приводит его слова: «...он должен будет признать, что авторитет его короля больше значит для великого князя, чем для короля шведского»¹. Однако шведы, руководствуясь королевскими инструкциями, стояли жестко. Но Меррик знал, что он делал. Когда после его настояний на сохранении за Москвой Нотебурга шведы были готовы (или угрожали?) разорвать переговоры, они, тем не менее, выказали глубокое уважение к королю Джеймсу и к представившему короля послу и передали последнему приглашение Густава Адольфа посетить Швецию и шведского короля при возвращении в Англию (на что посол ответил отказом, так как уезжать из Московского царства в тот момент не собирался)².

Задача Меррика заключалась в максимальном уменьшении суммы контрибуции и числа крепостей, передаваемых Шведскому королевству; соответственно, Делагарди и Пальм стремились увеличить сумму и число крепостей (выдвигая претензии на Ладугу и Гдов). В каком-то смысле это был спор амбиций. С другой стороны, в один из переговорных моментов³, 8 октября, Меррик в своих предложениях (озвученных Х. Горну, А. Вильдману и М. Пальму) обозначил и возможную будущую границу. Она соответствовала бы в целом той, по которой прошло размежевание в 1584 г., по реке Сестре (впрочем, в этом случае Швеции переходила бы Сумерская волость). Полагаю, что в данном случае речь шла о реальном предложении варианта будущего размежевания. И позднее, в ноябре, наиболее острые споры шли за Нотебург и области Приневья (Нева была одним из вариантов возможной новой границы, сначала с сохранением за Москвой Нотебурга, затем — с передачей его Швеции). Вновь в качестве альтернативного предложения шведам фигурировала Сумерская волость (на которую шведы никак не соглашались менять Нотебург, но которая вновь появилась как территория, на которую шведская сторона претендовала годом

¹ Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 415.

² Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 416.

³ Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 412.

позже, при размежевании западной части границы)¹. Интересно, что на последнем этапе переговоров речь шла уже об отдельных погостах (Дудоровском и Ижерском — к Швеции, а Ярвосольском и Лопском — к Московскому царству). Так, пядь за пядью имевший довольно подробные географические инструкции Меррик отступал в сторону той пограничной линии, о которой, в итоге, дипломаты договорились 15 октября. В дальнейшем стороны стали играть на понижение контрибуции. 20 ноября были окончательно достигнуты условия будущего мира — четыре крепости с уездами и 20 000 рублей Москва передавала Шведскому королевству. Видекинд — апологет Якоба Делагарди — объяснял согласие шведов на такие условия военными неудачами под Псковом, которые потерпел К. К. Юлленгельм в это время². Более того, Меррику удалось усилить позицию русских: обязательным условием движения к подписанию договора стал вывод войск Юлленгельма из Устьянского острожка (однако тот успел сдать псковичам еще до получения указаний из Ладоги). Сам Юлленгельм прибыл в Ладугу 10 ноября со свитой в 15 человек, сообщив о бедственном положении войск под Псковом³. 21 ноября Меррик и шведы окончательно договорились о сумме контрибуции в 20 000 рублей.

Роль ладожских переговоров стала определяющей: именно здесь были выработаны не только основные принципы будущего мира, но и оговорены основные пути его реализации. Не случайно в позднейших документах Посольского приказа при переговорах с Мерриком в июне 1617 г. эти договоренности названы «Ладожским договором»⁴. После заключения прелиминарного договора и Меррик и Делагарди известили новгородцев о нем⁵.

¹ Подробнее: Селин А. А., Фомина Ю. Б. После Столбова: трассирование границы в Ижорской земле в 1617–1618 гг. // От Смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. М., 2016. С. 348–356.

² Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 420–421.

³ Замятин Г. А. Условия... С. 351.

⁴ Посольская книга... С. 135.

⁵ Замятин Г. А. Условия... С. 353.

Последний важный эпизод, связанный с Мерриком-переговорщиком, произошел уже в Столбове, когда шведская делегация предложила русским, чтобы король Великобритании утвердил мирный договор. Однако московская делегация отрез отказалась (это, разумеется, с московской точки зрения умалило бы самодержавную власть московского царя), а британский посол не настаивал, так как опасался, что шведская инициатива отдалит, а не приблизит мир.

30 января 1617 г. Джон Меррик сообщил князю Д. И. Мезецкому, что шведы прислали к нему с Выборгским секретарем «Андреем Ивановым» (Андерсом Юханссоном?) и переводчиком Х. Бракелем список будущих статей договора. Для сверки условий англичанину требовались русские подьячие и переводчики. Князь Д. И. Мезецкий затребовал секретаря и переводчика в русский стан «для того: которые будут статьи вскоре, и подьячим бы и переводчикам о тех статьях приходити и про те статьи нам рассказывати ближе». Вместе со шведскими представителями Меррик прислал в острожек Даниловщину Томаса Смита. Им всем был назначен особый двор, пристав, а для справки договорных статей — подьячие и переводчики¹.

После подписания мира Меррик отправился в Москву, там вел достаточно длительные переговоры, в частности о допущении английских торговцев в восточные владения Московского государства и в Индию. 20 июня 1617 г. он завершил переговоры и был отпущен в Великобританию.

ОЖИДАНИЕ ПЕРЕГОВОРОВ В ТИХВИНЕ

Шведы не шли на контакт с московскими уполномоченными весь июнь — август 1616 г. Только 19 августа они уведомили оппонентов о прибытии в Ладугу Якоба Делагарди и М. М. Пальма². В ка-

¹ Отписка в Посольский приказ послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами о ходе переговоров со шведами и о сверке статей договора. Без начала. 1 февраля 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 2. Л. 136–144.

² *Замятин Г. А.* Условия... С. 347.

нун переноса переговоров в Столбово до послов, находившихся в Тихвине, дошло еще известие о документальном подлоге, который предполагают осуществить шведы в Тихвине. Все «доброжелатели» Москвы в Новгороде — дьяк Пятой Григорьев, князь Н. Я. Мещерский и М. Ш. Муравьев — сообщали послам о том, что новый руководитель шведской администрации Новгорода Сванте Баннер отправил в Ладугу к Делагарди новгородские писцовые книги¹. 22 декабря 1616 г. в Тихвин пришли новгородцы — посадский человек Петрушка Данилов и дьячок Солецкого погоста с Волхова Андрюшка Никифоров. Они выполняли, в частности, поручение новгородского подьячего Данила Ракова, который просил их сообщить послам: «есть де в Новгороде писцовая книга Дмитрея Китаева, а как писана тому 123 лета. И в той де книге писан Новъгород и Ноугородцкой уезд и пригороды и которые волостки и погосты х которому городу приписаны. И с тех де книг выписал Анца Брякилев Лопских сем погостов, а смежни те погосты с Олонецким и Заонежскими погосты. А приписаны те погосты к Новугороду, и им бы те погосты приписать х Кореле или к Орешку. А доходу с тех погостов государю на год по 120 рублей, а угодыя в тех погостех звериная ловля. Да ис тех же книг выписал Старорусского уезду Сомерской погост, а хотят приписывать к Иваню городу или к Яме, для того, что де ныне на Москве тех книг нет. И государевым де послом про то неведомо, что те погосты приписаны к Ноугородцкому уезду. И после де того как поехал из Новгорода воевода Свант в Ладугу, и он де книги взял с собою, и государевым де послом те книги ведомы были, чтоб на них о тех погостех слатца, что они приписаны к Новугороду»². Послы, уже находясь в Столбове, уведомили о такой каверзе шведской стороны Посольский приказ.

¹ Статейный список переговоров послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. Без начала. Май — декабрь 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 6. Л. 214–215.

² Расспросные речи новгородских выходцев перед тихвинскими воеводами В. Ф. Неплюевым и И. Х. Харламовым. 22 декабря 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 10. Л. 126–127.

и подьячий отказался от своих слов, будто бы сообщенных ранее новгородцу. Посольский приказ выдал инструкцию князю Д. И. Мезецкому: опираться на то, что по Тязвинскому договору шведы вернули только те погосты Корельского уезда, которые есть, а ни о каких Лопских погостах речи не шло. Запрет же на примежевание Лопских погостов к Кореле во время межевания был дан однозначный¹.

Спор о Лопских погостах действительно возник на Столбовских переговорах; шведы не признавали их принадлежность к Новгородскому, а не к Корельскому уезду. Вопрос в ходе переговоров разрешить не смогли, отложив его до размежевания². При этом, видимо, правота шведов (которую те не смогли доказать, но которую не было возможности опровергнуть и московским переговорщикам) заключалась в том, что Лопские погосты, действительно, в XVI в. (во всяком случае, в его начале) составляли часть Корельского уезда Водской пятины. При переписи новгородских пятин около 1500 г. никто, разумеется, не мог предположить, что через сто с небольшим лет начнутся переговоры со шведами о передаче им части этих пятин. Указания на то, что Лопские погосты изначально (т. е. со времен разделения ядра Новгородской земли на пятин в конце XV века) были отнесены к Водской пятине, существуют. В позднейших земских документах встречаются свидетельства тому, что погосты относились к Водской пятине³. Сложно представить себе, что они могли быть связаны с каким-то иным уездом, кроме Корельского.

¹ Грамота из Посольского приказа послам князю Д. И. Мезецкому с товарищами по их отписке о том, что шведы взяли в Новгороде писцовые книги. 3 января 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 1. Л. 12–21а.

² Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897. С. 19–20.

³ «...Новгородского уезду **Водские** (выделено мной. — А. С.) пятинны от Студеного моря от Каенских немец Лопских погостишков крестьянишка Селецкого погоста... Паданского погоста...» (*Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере. М., 1909. Т. 1. С. 12–13. Примеч. 4).*

Видимо, в канун проведения демаркационной линии со Шведским королевством в 1584 г. их отнесли к Новгородскому уезду и в 1597 г. впервые описали отдельно¹; менее вероятно, но также возможно, что это произошло несколькими десятилетиями ранее, во время экспериментов с территориальным устройством в 1560-е гг. (связанных с опричной политикой²). То, что в книге Дмитрия Китаева в начале XVII века могло присутствовать описание семи Лопских погостов (о чем свидетельствовал в статейном списке посол князь Д. И. Мезецкий), примечательно; однако в сохранившемся в РГАДА белом экземпляре уже в середине XIX в. этого описания не было.

Надо сказать, что и сам предмет спора — отнесение того или иного погоста к Новгородскому и Корельскому уездам — возник в ходе административно-территориального размежевания на рубеже XV и XVI века, когда были созданы уезды для новгородских пригородов — Ладоги, Корелы, Копорья, Орешка, Яма, некоторых других.

Интересно, что и новгородцы и, возможно, шведы ошибались. Подлинная книга Дмитрия Китаева хранилась в то время в Москве в архиве Поместного приказа. Она пережила пожар 1626 г., и каждый может посмотреть ее ныне в РГАДА³. Там же, в Москве, хранился (но к сегодняшнему дню, видимо, утрачен) какой-то чертеж Ямского, Копорского и Орешковско-го уездов, доставленный еще 2 октября 1616 г. послам князю

¹ Дозорная книга Лопских погостов [дозора подьячего Григория Кобелева] 1597 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 186–233.

² В 1560-е гг. происходили значительные трансформации в территориальном делении на Северо-Западе: изменение границ Ржевского и Торопецкого уездов, выделение Холмского уезда (*Фролов А. А. Статус земель южного пограничья Новгородской земли в XVI–XVIII вв. // Очерки феодальной России. Вып. 9. М.; СПб., 2005. С. 106–120).* Возможно, в этом контексте следует рассматривать и историю подчинения Лопских погостов.

³ Опубликована: Новгородские писцовые книги, издаваемые Императорской археографической комиссией. СПб., 1868. Т. 3 (часть 1); Вестник общества истории и древностей Российских. М., 1851. Т. 11; 12 (часть 2).

Д. И. Мезецкому с товарищами на стан у д. Столбово¹. Примечательно, что к концу 1616 г. в Новгороде для данной территории сохранялись только писцовые книги Дмитрия Китаева и Никиты Моклокова, составленные около 1500 г.!

Обе стороны в момент переговоров слабо представляли себе основания и механизмы будущего разграничения; полагаю, что линейной границы между уездами Орешка, Копорья, Яма и Ивангорода, с одной стороны, и Новгорода и Ладоги, с другой, попросту не существовало: межа была проведена заново. При этом обе стороны готовились к обоснованию «своей» линии границы.

НОВГОРОДЦЫ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ОККУПАЦИИ

В 1616 г. эскалация насилия в Новгороде продолжалась. Важным, волновавшим как московские власти и послов, так и новгородцев вопросом был вопрос о сохранности казны Софийского собора. Бежавший из Новгорода в Тихвин деревяницкий старец Иосиф сообщал: «А на митрополичи де, государь, дворе стоит немецкая сторожа, ротмистр стоит на конюшенном дворе, а немцы у митрополичя крыльца стоят днем и ночью, а стергут де, государь, митрополита в церкви Софеи Премудрости Божии, чтоб церковные казны не перехоронили. А по иным, государь, церквам и по монастырям колокола переписали»². Он же сообщал, что шведские солдаты посланы «Волховом к Грузину и на Тигоду и в ыные погосты крестьян грабить и побивать».

¹ Отписка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о привозе к ним чертежа Ямского, Копорского и Орешковского уездов Никитой Тырковым. 2 октября 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 9. Л. 174.

² Отписка тихвинских воевод В. Ф. Неплюева и И. И. Баклановского в Посольский приказ с изложением речей новгородского выходца старца Иосифа из Деревяницкого монастыря. После 22 апреля 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 5. Л. 108.

Жаловались старец Иосиф и вышедший с ним в Тихвин князь Федор Нарымов на хлебную дороговизну: «немецкие люди в Новгороде устави́ли хлебу цену у русских людей четь ржи купити по 23 алтына по 2 денги, да и купити не добыть, и русские люди многие помирают голодом»¹.

Но эскалация все же не была тотальной. Несмотря на массовое бегство, многие новгородцы оставались на своих местах и прикидывали, чем закончится очередной виток переговоров. В июне 1616 г. староста Нутной улицы Якушка Кузнец так разговаривал о будущем мирном договоре со своим соседом Мокейком Яковлевым: «говорили деи они промеж сея про мирное постановенье, что вскоре чет миру, и тот деи Якуш кузнец говорил: не тем деи обычаем к миру наряжаютца, Яков де Пунтусов велел с посаду взять и с уезду косцов на сено, а велел деи сена готовить на всю зиму, а ныне де велел городить Славенской сад плетнем, а велел деи устраивать и вычищать на себя»². Дьяк Семен Лутохин, сумевший послать в Тихвин вести через побравшегося в Новгород лазутчика, жалуюсь на насилия шведов, сообщал о казни пятиконецкого старосты Андрея Ременникова (за сношения с московскими послами в Дедерине), но при этом утверждал, что в июле 1616 г. из Новгорода в Копорье, Ям, Орешек, равно как и в Швецию «неволею» никого не посылают, только перед Троицыным днем «сослал Яков Пунтусов новгородца посадского человека Василья Воронина с женою, умеет делать всякое шелковство». Но отмечал он и «правежи великие», побои и аресты новгородцев, хотя вместе с тем «в Новгороде в Соборной церкви Софеи Премудрости Божии да у Знаменья Пречистые Богородицы да в Онтонове монастыре да у мученика Христова Дмитрея пенья и по ся места всег-

¹ Допросные речи Деревяницкого старца Иосифа и князя Ф. А. Нарымова с товарищами в Посольском приказе. После 21 июня 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 7. Л. 161–162.

² Расспросные речи новгородского посадского человека Мокейка Яковлева перед послами князем Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 4 июля 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 8. Л. 6–11.

да есть, а Бога де молят втайне за государя»¹. Последняя фраза характерна: вероятно, на службах молились и за Густава Адольфа Карлусовича!

В сентябре 1616 г. хутынский служка Куземка Яковлев со слов архимандрита Киприана сообщал в Тихвине, что «в Великом Новгороде митрополит Исидор болен, а толмач Ирик Андреев да Гришка Собакин приходили в Софею Премудрость Божию и многую казну и поставленье пограбили, а досталь хотят из Софеи Премудрости Божии и из ыных церквей Божиих грабити. А новгородских де русских людей мучат на правеже всякими разными муками, а приводят их к тому, чтоб они писали на королевское на Яковлево имя Пунтусова и сылают де и в Свейскую землю, и биричем о том кликать оне велели, и многие, не истерпя мук на королевское имя пишутца»². Видимо, вопрос о софийской казне продолжал оставаться важным для московских послов³. Словами, не под протокол, Куземка Яковлев сообщал и о месте, куда Киприан и Исидор планировали прятать софийскую казну. 15 декабря княгиня Агафья Одоевская сообщала князю Мезецкому, что «софейская церковная казна вся по их посолскому писму схоронена в Софеи Премудрости Божии, а место сказала, где казна схоронена то ж, что приказали с лазутчиком с Куземкою Яковлевым»⁴.

В это время численность жителей Новгорода всерьез сократилась. В сентябре 1616 г. новгородцы Никита Зиновьев и Матвей Муравьев тайно передали с бежавшим в Тихвин

¹ Расспросные речи лазутчика новгородца Родки-Нехорошки Григорьева перед послами князем Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. 28 июля 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 8. Л. 297–299, 303, 300, 301, 304, 302, 305, 306 (листы перепутаны).

² Статейный список переговоров послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. Без начала. Май — декабрь 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 6. Л. 10–11.

³ О том, к каким казусам это приводило, см.: *Селин А. А.* Смутное время. С. 480–481.

⁴ Статейный список переговоров послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. Без начала. Май — декабрь 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 6. Л. 202–203.

Ф. Ж. Оболяниновым челобитную царю, в которой сообщали, что «русских людей в Новгороде всего детей боярских человек с 30 да посадских людей с 200, а с Покрова Святых Богородицы все хотели из Новгорода идти, потому что им от великих правежев прожить не мочно». Хлеб же в Новгород привозили из Корелы и других шведских городов¹. Более полутысячи служилых людей бежало в московские станы. Часть дворян, детей боярских и подьячих присягнула королю. Князь И. Н. Одоевский умер, застрелил себя из ружья его сын князь Иван Иванович. Не присягнувшие Густаву Адольфу новгородцы были обложены чрезвычайными платежами. При этом все знали, что нужно выждать: в Столбове принимаются последние решения.

С декабря 1616 г. послы уже не столько призывают новгородцев уходить в Тихвин, сколько обращаются к оставшимся с призывом о терпении и с обещанием ожидающей их царской милости². В ответ послы получили грамоту от новгородцев за подписью митрополита Исидора, написанную 18 декабря 1616 г. В ней содержались примечательные слова о молитве всех новгородцев о здравии государя, государева отца митрополита Филарета Никитича, государевой матери инокини Марфы Ивановны. Митрополит писал о своем увещевании новгородцев, обнадеживании их грядущей царской милостью. Даже тем, кто «прямил немцам или по грехом крест целовали» Густаву Адольфу, он обещал от имени царя прощение, так, «как было отпущено тем, кто прямил польским и литовским людям»³.

¹ Расспросные речи в Посольском приказе новгородцев Водской пятины Федора Жданова сына Оболянинова с людьми. 1616. 7.10 // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 9. Л. 87–89.

² Грамота английского посла Джона Меррика в Новгород к митрополиту Исидору и всем новгородцам о мирном договоре и о том, что на всех жителей Новгорода распространяется царская милость. Список. 5 декабря 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 1. Л. 221–223.

³ Грамота, присланная к послам из Великого Новгорода от митрополита Исидора и всех новгородцев, о том, что они надеются на государеву милость и многих собравшихся ехать в Швецию уговорили остаться на стороне Московского государя. Список. 18 декабря 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 1. Л. 212–220.

27 декабря была составлена челобитная новгородских гостей и посадских людей английскому послу Джону Меррику. Челобитную подписали гости Истома Демидов и Первой Прокофьев, пятиконецкие старосты Томило Михайлов сын Пристальцов, Нечай Большаков, Первой Клементьев, Третьяк Кононов, Меньшик Семенов, Степан Бобровник, Томило Хмелевик и Иван Григорьев и посадские люди Мокей Лысцов, Дмитрий Тетерин, Григорий Хамов, Степан Полева, Максим Корзухин, Докучай Сласницын, Андрей Васильев, Первой Ведынов и Василий Вышеславцев. Смысл челобитной заключался в том, что, получив известие от Меррика о заключении прелиминарного договора в Ладого¹, новгородцы обрадовались и «воздали Господу радостную хвалу», однако уже 27 ноября Делагарди писал митрополиту Исидору, что солдатские деньги по-прежнему будут собираться с новгородского посада, вплоть до получения контрибуции от московских послов. Посадские просили Меррика о займе². Примечательно, что челобитную подписал и Томило Пристальцов, как правило демонизируемый последующими источниками как один из тех, кто грабил Новгород в последние месяцы шведской власти. Его имя в челобитной, по всей видимости, означало, что солдатские деньги взымали

¹ Эта грамота была отправлена в Новгород Мерриком 5 декабря 1616 г., накануне отъезда из Ладого в Столбово. На посольском списке с этой грамоты было приписано: «А послы присылки грамоты при самом перевотшики Юрье отпустили полтора ста подвод в Ладого да в Порхов шестьдесят подвод, на Ивангород и в Копорью пятьдесят подвод, а все те подводы назад не воротились, да за всякую подводку на неделю по полтретья рубли и потри, а которые лошади не придут, цена воротит по договору и худая лошадь по десяти рублей цена. Декабря 17 день на правежи убили Левку да Матюшу да Петрушу» (Список с грамоты английского посла Джона Меррика в Новгород к митрополиту Исидору и всем новгородцам о мирном договоре и о том, что на всех жителей Новгорода распространяется царская милость. 5 декабря 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 1. Л. 221–223).

² Список с челобитной новгородских гостей и пятиконецких старост английскому послу Джону Меррику с просьбой о займе. 27 декабря 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 1. Л. 78–81.

со всех новгородцев, в том числе и с тех, кто присягнул королю Густаву Адольфу. В тот же день были составлены челобитные к Меррику о том же от митрополита Исидора и новгородского «Освященного собора»¹, а также челобитная на имя царя Михаила Федоровича от имени тех же посадских людей².

Кроме обращений ко всем новгородцам, послы адресовали свои призывы конкретным видным фигурам, в первую очередь — архимандриту Киприану. Борьба шла уже не за Новгород, который очевидно возвращался под власть Москвы, но за души новгородцев. В ноябре 1616 г. Делагарди послал в Новгород торговых людей «Богдашка Шорина да Сенку Игумнова да Тимоху Хахина, а велел им новгородских всяких людей вызывать на королевское имя, а иных правежем неволить и приводить на королевское имя к кресту, а сами они хотят жить за королем в Ругодиве». После этого в Новгород к архимандриту Киприану отправился служка Хутынского монастыря Куземка Яковлев. Ранее Б. Шорин уже обращался к послам с принесением своей вины, и послы решили переломить ситуацию в свою сторону. Они велели архимандриту Шорина «и иных людей, которые немецким людям прямят», призвать к себе и тайно их уговаривать, чтобы они не служили шведам и не переманивали новгородцев на шведскую сторону. Князь Д. И. Мезецкий писал в Москву: «И ты, государь, их пожалуешь, хотя буде чья вина, вину им отдашь, то ся делало от неволи, бояся от немецких людей смертново убийства и грабежу, и то ныне все будет твоей царскою милостью покрыто и вперед не памятно». Киприан, по словам послов, в Новгороде уговаривал оставшихся людей «чтоб не ослабело х концу и не смутились, а были б надежны на твою царскую милость». Шведы же давали льготы тем, кто уходит

¹ Список с челобитной Новгородского освященного собора английскому послу Джону Меррику с просьбой о займе. 27 декабря 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 1. Л. 86–89.

² Челобитная новгородских гостей и пятиконецких старост царю Михаилу Федоровичу с просьбой о займе. 27 декабря 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 1. Л. 82–83.

на «немецкую половину». Те, кто «доброхотает свейскому королю», боятся от московской власти опалы и смерти, «и от боязни хотят ехать в Свею». Архимандрит же и антоновский игумен Павел «тех людей розговаривают и емлют на свои души клятвою и дают в поруке Софею Премудрость Божию и ноугородцких чюдотворцов, что им от тебя, государь, будет милость»¹. Приехавшая из Новгорода в Тихвин вдова боярина княгиня Агафья Одоевская сообщала со слов хутынского архимандрита Киприана и антоньевского игумена Павла, что «прислал де Яков Пунтусов в Новгород корелянина мужика Тимоху Хахина, а велел с правезу всяких людей перезывати, а хто похочет в королевскую сторону, и он тех с правезу велел спускати, и толко де дело зделаетца, и тем де Тимоха многих людей прелстит, пойдут от великого гоненья и от правезу в Корелу и в ыные города за короля»².

Но Тимофей Хахин, служивший в Новгороде переводчиком в 1611–1617 гг. и после Столбовского мира ставший подданным Густава Адольфа, в 1616–1617 гг. в какой-то момент присягнул царю Михаилу Федоровичу. Когда в 1620-х гг. между новгородским воеводой и кексгольмским наместником велась переписка о взаимной выдаче перебежчиков и других «обидях», наместник Кексгольма Х. М. Споре адресовал новгородским властям упрек в невыплате долгов новгородцами Т. Хахину. На это назначенный в Новгород воеводой боярин князь Д. И. Мезецкий, ведший в 1615–1617 гг. длительные переговоры со шведами в Дедерине и Столбове, упоминал в своей отписке на имя царя Михаила Федоровича: «А то, государь, писано про нево для тово, что тот Тимоха, целовав крест тебе, великому государю, с Тихвины збежал в их сторону изменою, да и ныне меж госу-

¹ Отписка послов князя Д. И. Мезецкого в Посольский приказ об известиях от Солового Протасьева из Ладоги. После 9 декабря 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 10. Л. 137–140.

² Статейный список переговоров послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. Без начала. Май — декабрь 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 6. Л. 201–203.

дарств ссору делает и затевает ложные слова, чево и не бывало»¹. Находившемуся в Тихвине в 1616–1617 гг. князю Д. И. Мезецкому должны были быть известны обстоятельства «измены» Хахина, хотя прямых указаний в источниках на нее я не нашел².

22 декабря 1616 г. с востока Новгородской земли, из Устрецких волостей, где уже прочно была установлена московская власть, приказчик Казарин Чоглоков отправил лазутчиком в Новгород старорусского подьячего Ивана Васильева, который уже давно оказался в московском стане. Тот нашел в Новгороде своих земляков Андрея Стеблева и Юшку Боровикова, у которых ему удалось остановиться на два дня в доме Игната Шапочника в Славенском конце «и из Новагорода его вывели старорусские посадские люди Ондрей Кузмин сын Стеблева да Юрка Офониев сын Боровиков меж немецких сторож через острог ночью и дали ему о вестех про немец отписки»³. 5 января подьячий Васильев повез эту отписку в Москву. Старорушане довольно подробно сообщили известные им новости про движения шведских военных сил в ноябре и декабре в Новгороде и под Псковом и дали понять, что шведская администрация готовится к эвакуации города: «А немцы говорят: нам де наемные люди тепер не надобли, потому что у нас с московским государем мир ставитца. И в Новгороде немцы ноугородцем всяким людем мир объявили и с правезу всяких людей спустили, никаких доходов править не велели.

¹ Отписка новгородского воеводы князя Д. И. Мезецкого и дьяков М. И. Милославского и Д. Семенова о переписке с наместником Кексгольма Хенриком Споре. 26 января 1623 г. // НИА СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 117.

² Биографические сведения о Тимофее Хахине с 1607 по 1622 г., базируясь преимущественно на материалах Посольского приказа и отчасти на кабалах и переписке об аресте новгородского купца И. Вруцкого, привел на страницах своей работы Г. А. Замятин (*Замятин Г. А.* Россия и Швеция. С. 454–455).

³ Отписка в Посольский приказ приказчика дворцовых Устрецких волостей Казарина Чеглокова о приходе к нему с вестями старорусского подьячего Ивана Васильева. 5 января 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 1. Л. 316.

А немцы свои всякие запасы проводят в свою землю и подводды под немецкие под запасы явлены и с монастырей и с митрополита и з города со всяких людей розложены, а говорят немцы: у нашего де короля с вашим московским государем мир будет тотчас, а как де с московским государем помирятца, и у нас де многие немецкие люди охочи пойдут служитьи московскому государю из жалованья, потому слышали мы, что наших немецких людей государь на Москве жалует»¹.

3 января 1617 г. к Меррику явилась депутация новгородцев: «Из Новагорода митрополит и всяких чинов люди прислали Клопского монастыря игумена да двух пятиконецких старост бити челом, чтоб он князь Иван обоих послов к миру приводил». Меррик сообщил о депутации дьяку Н. Новокщенову. При встрече с московским дьяком в стане у Меррика игумен и старосты, «вшед, били челом государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Руси, чтоб свою государеву вотчину и их своих государевых богомолцов и холопей и сирот от такие погибели велел великим своим послом выкупити вскоре». Дьяк Новокщенов сообщил им то, что было давно известно: царь велел уступить шведам города, после чего «свейские послы по своему люторскому злонравию возгордились, царскому величеству со всеми титулы не описуют». Он обещал, что послы будут и дальше стоять на своем, а новгородцам бы «еще ныне малое время потерпети и многовременного терпения нынешним малым временем не погубить». Отчаявшиеся игумен и старосты попросили 1000 рублей для уплаты шведским властям «солдатских денег», пусть в долг, до возвращения Новгорода, о чем дьяк Новокщенов обещал передать князю Д. И. Мезецкому. Он просил новгородцев немного подождать в острожке, а самим пока написать в Новгород, что дело идет к миру². Явно

¹ Вестовая отписка старорусских посадских людей. Около 29 декабря 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Л. 317–318.

² Окончание статейного списка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. Часть 16. Январь и февраль 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 3. Л. 35–38.

неудовлетворенные таким ответом пятиконецкие старосты Андрей Васильев и Докучай Сланицын «того ж дни в ночи» тайно были приведены к послам подьячим Г. Володимеровым и вновь просили быстрее заключить мир и дать в долг денег. Не имевшие ни средств, ни полномочий на их выдачу новгородцам князь Д. И. Мезецкий и А. И. Зюзин обещали просить Меррика договориться со шведами, чтобы те перестали собирать с новгородцев «солдатские деньги» или перевести на себя (Меррика) тысячу-полторы рублей. Новгородцев же вновь просили потерпеть до заключения мира, и послы обещали написать им грамоту. Но старосты страшно испугались этого предложения, сказав, что если о такой грамоте «только свейские послы сведают, и их казнят смертью. А отдать бы ту грамоту и велеть послать в Новгород князю Микифору Мещерскому да Матвееву Муравьеву, а они де государю прямят и радетелно служат, и оне тою грамоту в Новгород с верным человеком пошлют»¹. Опасения пятиконецких старост понятны: незадолго до этого за сношения с русским посольским станом в Дедерине был казнен их товарищ Андрей Ременников.

Все же на следующий день, 4 января, князь Д. И. Мезецкий с товарищами отправили в Новгород грамоту, в которой сообщали о том, что предварительные договоренности со шведами достигнуты и остается договориться только о размере контрибуции и о принадлежности приграничных городов. В частности, послы писали, обращаясь к новгородскому митрополиту Исидору:

«И тебе б, великому господину, ноугородцом всяким людем говорити, чтоб они на конце своего многолетнего терпения и скорбей короткими днями не потребили, и были на нашу царскую милость надежны. А как всеильного Бога десница очистит великому государю нашему Великой Новгород и иные города, и милостивой и праведной истинный благочествый государь наш царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси самодержец вас всех, которые в неметцких податех оскудели,

¹ Там же. Л. 41–43.

пожалует, велит им в податех и в торговой пошлине дати лготы не на малые годы. И которые люди к неметцким людям приставали, и в том себе опасаютца от царского величества опалы, и оне бы безо всякого опасенья обратилися к царскому величеству, а от неметцких людей отстали и, ничего не остерегаясь и никокова прещения не бояся, были на государьскую милость надежны, ничто им то помяновенно не будет, все то будет покрыто царской милостью, и укорять их ничем не велети и велети им житии в любви, а никому никого не обидети и насильства не чинить, а от насильства и утеснения чтоб они на королевское имя не приставали и никуды из Великого Новагорода не выходили и жен и детей не высылали и свейскому королю крест не целовали и православные крестьянские веры не отбыли».

Таким образом, зачитывались все службы и провозглашался отказ от репрессий. Новгородцы слышали призыв послов. 20 января они отправили из Новгорода, также тайным образом, свою грамоту. В ней, в частности, они умоляли послов ускорить заключение договора, ссылаясь на то, что шведская администрация усиливает давление на них, вымогая последние средства. Вот так они описывали насилие:

«Да грех ради наших дело у вас продлилося, и стало не так, как нам вы приказывали и писали. И все люди истощали и на правежу насмерть побиты, и друг другу спомочи не могут, все издалися, которые и нарочитые людцы были, а от прежних всяких податей и от салдатцких денег ништо не убыло, и пришли люди в отчаяние, дати стало нечево, а на правеже муки не перетерпеть. И пошли на их немецкую половину всяких чинов люди и попы и торговые (ре)месленные люди, прибралось уж болши ста человек, которые были и отрадные людцы: Ивантей Сергиев, Офоня Лесовик, Степанко Соболев и прочие таковые, не истерпя мучения, на правежи бьют челом немцом, а иных сильно емлют и татарских жон везут, которые к государю отъехали, и посадского тяглого человека изневолили Ивана Воскобойникова Вязмитина: был в тягле з денги, и Ирик на нем велел правит из гроша сто сорок рублей, по Томилину наученью, и не истерпя, дал челобитную им, а после того нам бил челом и челобитную за своєю рукою

подал, чтоб нам его не выдати, утесня деи надо мной так зделали, а не моим хотеньем. А генваря, господа, в 17 день толмач Ирик Андреев подьячево Григорья Собакина ввечеру взял и держал ево у себя за приставы, и тот вечер перед боярином Карлом Карлусовичем ево ставил, и спрашивал ево: для деи чево ты не готовился ехать и жены своей и детей не отпускаешь в Копорью, а нам деи о том прямо ведомо учинилося, что ты ехать к нам не хочешь. И он прошал до Монше сроку, и они ему отказали. И на другой ставке перед боярином Ирик ево ставил, бив у себя в хорамах перед Баженом толмачем иссечь его хотел и накрепко перед боярином допрашивал, едешь ли или нет. И Григорей отказал: не еду деи, потому что по милости Божией меж государей доброе дело, мирное постановление учинилося, и о том де писано от третьево князь Ивана Ульяновича к митрополиту и ко всему Священному собору и ко всяким людям, и в договре крепком у послов то есть: которые русские люди не похотят, и их всяких людей силно не вывозить и жен и детей и животов не грабити и насилства никакова не чинити. И я де ныне государю королю и бояром о том бью челом, чтоб де мне, Грише, пожаловали, дали поволность ко государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии самодержцу по своей природе. А государь король, будучи подо Псковом, говорил, что он никово силно не держит, и на чем ныне доброе дело свершилося. И боярин Карло ему отказал: нам де тебя не отдавати от себя. И в ночи к девятому на десять числу, утесня ево всякими мерами, и взял ево, Ирик ис Каменного города к нему на двор, и живота его досмотря, з боярским дворецким да з Баженом толмачом да с Томилкою с Присталцовым, и ево велели з женою и детми пометати в сани и отпустить в Копорью тотчас. Или крест целуй королю и живот твой там тебе отдадут, как ты съедешь к нам. И он деи сказал: век де свой невольное крестное целованье не живет. И в 19 число из утра изневолили его крест себе целовать толмачи Ирик и Бажен тайне, без русских людей. И привед его к крестному целованью того дни после стола ко мне, митрополиту, на собор приехал Карло об нем говорити, что он крест целовал бутто волею. А Григорей нам бил челом, чтоб нам за нево стать, да мочи, господа, нашей нет».

Об этой грамоте, в сравнении ее с вестовой грамотой старо-рушан, писал Г. А. Замятин, усомнившийся в действительности «страданий» новгородцев. Он же полностью опубликовал текст этой тайной грамоты¹.

СТОЛБОВО. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ПЕРЕГОВОРОВ

7 декабря в Столбово с присягой и верительными грамотами были отправлены шведские дворяне гофбюнкер Лоренц Вагнер, ротмистр Арвид Горн, Юхан Банер и секретарь («королевский писарь») Андерс Мутрих. Присяга состоялась 12 декабря. Обе стороны, опасаясь друг друга, соглашались на то, что конвой переговоров не превысит 150 человек конных и 200 человек пеших (включая слуг и т. п.). С московской стороны их встречали Соловой Протасьев, Владимир Шепелев, Неустрой Кушников и подьячий Василий Волков, также принесшие подобную присягу. При принесении дворянами присяги присутствовал в качестве посредника секретарь Меррика Томас Смит². 19 декабря в Столбово из Ладоги двинулся Джон Меррик, но именно из-за его болезни, не притворной, начало последней «сессии» переговоров перенеслось на 31 декабря 1616 г. Другим обстоятельством, важным для успеха окончательных переговоров, было то, что Меррик принял на себя (и на короля Великобритании) ответственность в расхождении титулов монархов.

1 января 1617 г., на второй день переговоров, к Меррику был отправлен дьяк Добрыня Семенов с просьбой убедить шведских послов снизить сумму контрибуции до 20 000 рублей. Одновременно, при посредничестве Меррика, московская сторона противилась передаче шведам крепостей Ладоги и Гдова в качестве залога. Шведские представители обосновывали эту меру, ссылаясь на международный опыт: аналогичные залоговые обязательства были наложены на Швецию, пока она собирала

¹ Замятин Г. А. Условия... С. 368–372.

² Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 423.

средства для уплаты контрибуции Дании. Московская сторона несколько надменно реагировала на приводимые аргументы: у Московского государства не было опыта пограничных споров с Данией, а, по московской логике, для шведов такой залог не был стеснителен, поскольку у них с Данией «один язык и одна вера», тогда как залог «православных» городов создавал бы, по мысли послов, угрозу православным русским подданным¹.

7–9 января обсуждался вопрос о перебежчиках. По предложению шведских послов в текст договора следовало включить статьи об отказе от агитации и о выдаче всех перебежчиков немедленно, а также о совместном поиске уголовных преступников².

Интересна и позиция шведских представителей³. Они непосредственно высказывали Меррику свою неуверенность в прочности власти царя Михаила. Смута так скомпрометировала московские элиты, что их политические оппоненты вполне допускали, что «русские» могут снова почему-нибудь свергнуть своего великого князя. Разумеется, сейчас нам известно, что власть Михаила Романова в 1616–1617 гг. была уже вполне прочной, реальным альтернативным кандидатом на престол мог выступать (и выступал) только принц Владислав. Но в шведском посольском стане в то время этого могли и не знать и, возможно, не знали.

В качестве залога, удерживаемого шведами до размежевания, первоначально назывались Ладога и Гдов. После жарких споров Ладогу шведы согласились передать так же, как Новгород, Порхов и Старую Руссу — через 14 дней после подписания договора и уплаты денежной контрибуции.

Спор в январе 1617 г. шел также и о том, как именно должны были передаваться Швеции уже находящиеся у нее в руках территории. Московское предложение (не имевшее успеха) заключалось в выводе всего населения из передаваемых городов

¹ Якубов К. И. Указ. соч. С. 4–6.

² Якубов К. И. Указ. соч. С. 7.

³ Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 413.

Памятный крест у д. Столбово.
Современная фотография

и уездов со ссылкой на прецедент при передаче шведской стороне Корелы в 1610 г. Здесь Москва использовала также и религиозный аргумент, но он столкнулся со шведским контраргументом о свободе воли, выбора: шведы имели опыт управления территориями с православными подданными, и, несмотря на всю патетическую риторику дипломатии, стороны понимали, что собственно религиозных гонений в Новгороде 1611–1617 гг. не было; равно они понимали и возможность преследования московской властью бенефициаров прежнего режима (этот дискурс сохранялся и в дипломатических спорах после подписания договора). В то же время очевидны были случаи насилия в адрес новгородцев и принуждение их переселяться в города, отходящие по договору к Шведскому королевству. На одном из этапов спора, 20 января, шведские представители, убеждая московских послов в том, что православное население не будет насильно обращаться в лютеранский обряд, доказывали это соображением (думается, справедливым) о бессмысленности такой конверсии, приводя в качестве аргумента притчу о царе Максимиане, потерявшем царство, а также актуальный пример с испанским королем, попытавшимся обратиться в католичество нидерландских властителей и потерявшим Нидерланды вовсе¹.

Самый долгий спор велся о титулах. Видекинд очень подробно и со знанием существа вопроса описывает его содержание. Слово «обладатель» обычно переводилось в немецком/шведском тексте как «господин» (Herre) или «правитель» (Regent). Однако московская делегация настаивала на шведском слове «победитель» (Ofwerinnare) и смогла предъявить своим оппонентам пять писем Карла IX Василию Шуйскому 1607–1608 гг., где последний титуловался именно так; впрочем, в Выборгском договоре слово «обладатель» было переведено как Herre и Regent². Московские послы запросили Посольский приказ о справке, упоминая, что шведы не хотят писать в тексте договора «облааатель», а хотят писать «по выборгскому договору

¹ Якубов К. И. Указ. соч. С. 9–13.

² Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 426–427.

„регент“»¹. Из Москвы в Столбово были привезены выписки о титулах в королевских грамотах, присланных в 1605/06 г. из Корелы и в 1607/08 г. из Ивангорода². В московской трактовке сам спор о прежде употреблявшихся титулах выглядел иначе: шведы отказались писать титул царя Михаила Федоровича как «облаадатель», настаивая, что этот титул принял на себя Иван Грозный, «возгордившись» после присоединения Казани и Астрахани, однако прежние короли не обращались к Ивану и его преемником с титулом «облаадатель». Московские послы сочли ссылки на прежние договоры, в частности — на Тявзинский мир, некорректными, так как, по их мысли, в Тявзине конфликт по поводу титулов был вызван несколькими коронами короля Сигизмунда, в результате чего в договоре 1595 г. были употреблены только короткие титулы государей³.

Вторым спорным моментом в титуле был ингерманландский (ижорский) титул короля. Собственно именно в связи с этим спором Посольский приказ провел разыскания о том, сколь далеко Ижорская земля простирается. В Москве и в русском посольском стане в Столбове действительно плохо представляли себе географию земель, которые должны были перейти под московскую юрисдикцию. По договоренностям со шведами, к последним отходила Ижорская земля. Послы князь Д. И. Мезецкий с товарищами задались вопросом и адресовали его находящимся в московском посольском стане новгородцам: «А про ижеру⁴ в которых она пятинах того же дни генваря в 21 день ропрашиваны дворяне ноугородцы Воцкие пятины Иван Тырков,

¹ Отписка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о новом съезде со шведами и о споре о титулах «облаадателя» и «ижерского». 5 февраля 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 2. Л. 89–116.

² Посольство князя Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. Часть 14. Январь — февраль 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 1. Л. 260.

³ Якубов К. И. Указ. соч. С. 7–8, 25.

⁴ Неясно, в каком смысле здесь употреблен термин «ижора» — в территориальном или в этническом.

Иван Кузминской, Микита Супонев, в которой пятине Ижерский погост и в одной пятине ли или не в одной и города Ивангород и Яма, Копорья, Ладога, Гдов, Порхов, Старая Руса в которых пятинах?

(ответ): Ижерской погост в Вотцкой пятине в Орешковском уезде.

А Орешек и Яма и Копорья и Ладога в Воцкой же пятине.

А Ивангород, Гдов, Порхов, Старая Руса в Шелонской пятине¹.

Однако под «Ижерой», вероятно, подразумевался не только Ижерский погост, имевший этноним «ижора» в названии, но и значительная часть Орешковского уезда в целом. Во время споров в Столбове русские утверждали, что Ингерманландия (Ижорская земля) простирается до Тесова², а, следовательно, за шведским королем этот титул признать невозможно; в противном случае это давало бы ему право претендовать и на те территории, которые возвращались под власть Москвы.

20 января 1617 г. состоялся четвертый посольский съезд в стане английского посредника. Спор вновь велся о возможности титула «облаадатель». В пылу спора шведская сторона стала «сердитуя» выговаривать Меррику, отказываясь продолжать переговоры. Велся спор и о выходе населения с передаваемых Швеции территорий, об их духовных отцах и проч. Предложение шведов о свободном выходе русских людей на королевскую сторону было встречено русскими послами с недоумением: «как им поступаться своей природной веры?». Князь Д. И. Мезецкий

Надпись на памятном кресте у д. Столбово с ошибкой в слове «самодержец»

¹ Статейный список посольства князя Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. Часть 14. Январь — февраль 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 1. Л. 257.

² Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 427–428.

и А. И. Зюзин делились с Посольским приказом своими сообщениями о том, почему могли бы православные принять сторону шведского короля: «а которые де, государь, были охочие люди идти в королевскую сторону, и оне де, государь, чают того, что по сю пору они в королевскую сторону вышли, да нелзе де было, государь, им и не идти, что многие служили королю их и королевичю правдою, и их де за то возненавидели». Позиция московских послов была здесь жесткая: кто перешел к королю своей охотой, «покиня природную веру» — «и тех Бог судит», те же, кого вывезли насильно, «и то взыщет Бог на их (шведов. — А. С.) душах». Таким образом, московская сторона отказалась писать в договоре статью о свободном выборе православных в пользу шведского короля. Они настаивали также на том, что в тот момент, когда шведы начнут эвакуироваться из Новгорода, русских людей с подводами далее Копорья и Орешка (Нотебурга) не отпускать, чтобы их «немецкие люди не принуживали остаться».

После съезда 20 января князь Д. И. Мезецкий с товарищами отправил в Москву Богдана Дубровского с отчетом о первых двух неделях переговоров и с запросом о том, как отвечать на оставшиеся неразрешенными вопросы. Богдан Дубровский прибыл в Москву 6 февраля. И в тот же день в Москве вынесли решение по спорным вопросам. Бояре согласились с тем, что после заключения договора к дворянам, детям боярским и посадским людям можно было рассылать грамоты, информирующие об условиях договора, в течение двух недель, а после получения грамот устанавливалось еще 2 недели на свободный выход. После истечения этого срока перебежчики подлежали выдаче. Следовало также просить шведскую сторону прибавить срок, «если доброе дело вскоре по зимнему пути не совершится», с тем чтобы установился «летний путь», так как иначе желающим будет не выехать¹.

¹ Царская грамота послам князю Д. И. Мезецкому с наказом по спорным вопросам на переговорах. 7 февраля 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 2. Л. 29–43.

Пока эти документы «ездили» из посольского стана в Москву и обратно, 27 января шведы прислали проект договорной записи. По оценке князя Д. И. Мезецкого, «в том письме многие статьи написаны сверх договору»¹. Назревал разрыв. Шведы высказались: русские договориться не могут, мы поедем в Ладугу. 2 февраля 1617 г. князь Д. И. Мезецкий с товарищами подготовили оставшиеся неразрешенными спорные вопросы и просили Джона Меррика передать их шведским представителям. Это были вопросы о царском титуле (требовали «величество» (Majestat) вместо «высочества» (Höghet)), о финляндском титуле короля Густава Адольфа, о выпуске из уступаемых Швеции городов «иноческого чину» под гарантии и наблюдение Джона Меррика. Шведы в ответ настаивали на «ижорском» титуле короля, угрожая в противном случае покинуть Столбово; 3 февраля они приехали к Меррику прощаться. Но это была демонстрация. Меррик срочно вызвал князя Д. И. Мезецкого, чтобы тот немедленно ехал к нему на съезд со шведами. Переговоры начались. Шведы вновь заупрямились, требуя представить экземпляр Выборгского договора, где написано: «облаадателя»; в этом случае они были готовы и в новый договор вставить титул «облаадателя». На это князь Д. И. Мезецкий предъявил грамоту 1606/07 г. короля Карла IX к царю Василию Шуйскому (копии договора у московских послов не было). После этого начался спор о титуле «Ижерского». Аргумент московской стороны заключался в следующем: «Вотской пятиной» писать короля неправильно, «и то тебе, государю, будет грубо, потому что Ижера — Вотцкая пятина за тобою, государем, твоя государева отчина, Великой Новгород, да и иные многие земли». Далее последовало историко-географическое рассуждение, основанное на вышеприведенном исследовании Посольского приказа: «Ижерская земля в Вотцкой пятине, а в Вотцкой пятине начало Великой Новгород и иные многие земли за тобою, госуда-

¹ Отписка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о ходе переговоров. 29 января 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 2. Л. 2–23.

рем». Шведы на это отвечали, что «хотя де в Вотцкой пятине Великий Новгород, а земли де к нему толко верст на семдесят, а то де Вотцкая пятина мало не вся за государем их, потому что Корела, Орешек, Копорье, Яма в Вотцкой пятине, а мерою де будет одной Корелы болши семисот верст, а ижерской де язык весь осереде Вотцкой пятины, государя их в стороне». Впервые в дискуссии стало понятно, что имеется в виду под «ижерой» — это был язык!

5 февраля отписка послов была отправлена в Москву, добралась до Посольского приказа она уже 12 февраля¹. В тот же день состоялся боярский приговор по этой отписке: послам следовало уступить «по ижерскому титулу». В приговоре бояре объяснили это не только «конечной неволей», но и передачей городов с уездами, «а опричь тех городов с уезды ему (шведскому королю. — А. С.) в Ыжерской земле дела нет»². Не мешкая и не откладывая, приговор тем же днем отправили в Столбово, оформив его как царскую грамоту из Посольского приказа. Князю Мезецкому следовало снова сделать прежние предложения по «ижерскому титулу», но в случае, если шведы заупрямятся и их поддержит Меррик, то соглашаться на титулование короля «государем в Ижоре». Однако московским послам следовало жестко отказываться от ратификации «большой утвержденной грамоты» королем Джеймсом³.

Претензии шведов на признание за королем титула государя над Водской пятиной русская сторона отклонила, доказав, что

¹ Отписка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о новом съезде со шведами и о споре о титулах «облаадателя» и «ижерского». 5 февраля 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 2. Л. 89–116.

² Приговор по отписке князя Д. И. Мезецкого с товарищами о переговорах со шведами. 12 февраля 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 2. Л. 117–121.

³ Царская грамота из Посольского приказа послам князю Д. И. Мезецкому с товарищами с изложением государева указа с боярским приговором об ижорском титуле и об английском после. 12 февраля 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 2. Л. 122–128.

большая часть пятины остается за ними. Здесь интересна попытка включения топоса «пятина» в титулы шведских королей. Впервые такой факт присутствует в грамотах короля Юхана III к новгородским воеводам от 17 сентября 1582 г., где Юхан III именовался, «Божиею милостью Свейский, Готцкий и Вендийский король и великий князь Финские земли, Корелский, Ижорский и Шолонской пятины в Руской земли и Вифлянский земли государь»¹. Через десять лет, в ходе Тявзинских переговоров, шведские представители вновь попытались использовать топос «пятина» (теперь уже Водская и вместе с Ижерой) в королевском титуле². В последнем случае, вероятно, титул Юхана III был связан с итогами Плюсского перемирия, когда Ивангород, Ям и Копорье оказались, пусть и временно, в его владениях. Вероятно, этим опытом руководствовались и Делагарди, Горн и Пальм в 1617 г.

Но и по окончании переговоров, заключении мира и возвращении Новгорода под власть Москвы судьбы вчерашних присяжных подданных шведского короля не переставали интересовать шведскую сторону. Еще на переговорах в Столбове шведские послы беспокоились об освобождении плененных москвичами новгородцев и о восстановлении разлученных таким образом семей путем отдачи пленных шведам, если члены их семей присягнули шведскому королю. Москвичи же отвечали, что государь пленным вину простил, а выдать православных людей шведской стороне они не могут: «и им как то сделать?: оставя свою веру и природное государство, иди к государю вашему служить в Свею».

¹ Письмо Юхана III новгородскому наместнику и воеводе и всем боярам с предложением перейти к нему на службу. 17 сентября 1582 г. // Öppna brev från Johan III. 1570–1582 // Handlingar rörande ryska kriget 1570–1595 // RA. Militaria. M 1276: 1. Л. 10.

² Так называл в своей грамоте к М. Г. Салтыкову и другим послам своего короля Юхана III Клас Флеминг: «король и великий князь Финские земли Корелские [и Вот]цкие пятины Ижерский на Руси и арцук Ливонские земли многих государств» (Грамота Класа Флеминга к послам М. Г. Салтыкову, Д. И. Черемисинову и дьяку П. Дмитриеву с угрозой атаковать Московское государство из Финляндии. 13 декабря 1592 г. // НИА СПбИИ. Кол. 226. Оп. 2. Д. 296. Сст. 335–337).

О тех, кто якобы сослан в Сибирь, москвичи отвечали, что они посланы в Сибирь не в ссылку, а на службу, воеводами и головами¹. Шведские представители просили освободить родственников Никиты Калитина, которых будто бы удерживают в Москве. Но московские послы, напротив, считали Н. И. Калитина среди насильно удерживаемых шведами новгородцев. Д. И. Мезецкий с товарищами предлагали предъявить письма Н. И. Калитина к его родственникам на «московской» территории, в которых тот будто бы просил выволить его из «немецкого» плена. Шведские представители, воздавшие Калитину за его заслуги (в частности — авантюрное бегство в телеге с сеном из Пскова в Новгород), в сердцах отвечали, что «будет де так Микита делает, ино из русских людей и верити некому, только бы их на рубеже поставили спросить, куда похотят»².

В ходе споров и обмена взаимными угрозами московские послы использовали приемы, и ранее принятые в русской дипломатической практике. При угрозе разрыва они отвечали: «бой великому государю нашему не страшен, то делается Божию волею, а у государя нашего рати не наемны, всегда готовы, а которая кровь крестьянская на обе стороны кончается, и великий государь наш от тое крови будет чист»³.

К началу февраля оставались две спорные статьи: об ижорском титуле Густава Адольфа и об утверждении мирного договора королем Джеймсом I. В конце концов московские послы согласились с ижорским титулом, но отказались от ратификации договора английским королем.

10 февраля 1617 г., в обстановке видимых успехов войска королевича Владислава на западе от Москвы, Боярская дума приговорила уступить искомые города и уезды Швеции и подписать Столбовский мир⁴. Было также принято решение

уступить во многих спорных вопросах. В боярском приговоре послов отчитывали за то, что они «в своей отписке многие статьи писали непригож» и в некоторых статьях «российское государство с свейским мешали, а государя с королем, а не порознь писали. Тем государя с королем, а российское государство с свейским королевством в ровенстве учинили». Но, принимая во внимание многочисленные просьбы новгородцев, в частности — присланную 31 января в посольский стан челобитную митрополита «и всяких чинов людей», в которой они описали «неистерпимые свои нужи и гонения и правежи от немецких людей для того, что дело продлилось и пишут к ним со слезами и с пенями, и с отказом, что достальные людишка из Новагорода пойдут в свейскую сторону», следовало ускорить посольское дело. Обо всем об этом, согласно тексту боярского приговора, «государь слушал с боярами статейный список и приговорил: По грехам нашим, свейские послы, увидев нашу слабость, многие статьи, о чем раньше приговорили, переменяют». В то же время на западе Александр Гонсевский вторгся в Дорогобужский и Вяземский уезды. Принимая во внимание страдания новгородцев, поступаясь «за Святую Софию Премудрость Божию», царь Михаил Федорович с боярами приговорил: указать послам князю Д. И. Мезецкому с товарищами стоять накрепко, но если шведы запрямятся и захотят разорвать переговоры, то «по самой конечной неволе поступитца» искомыми крепостями в их пользу¹. В грамоте из Посольского приказа, обращенной к послам, было добавлено: как грамота придет в посольский стан, «вы не плошайте, и над подьячими смотрите... в разум себе емлючи накрепко свейских послов лукавство»².

¹ Государев и боярский приговор о ходе переговоров. Без начала. Февраль 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 2. Л. 55–68.

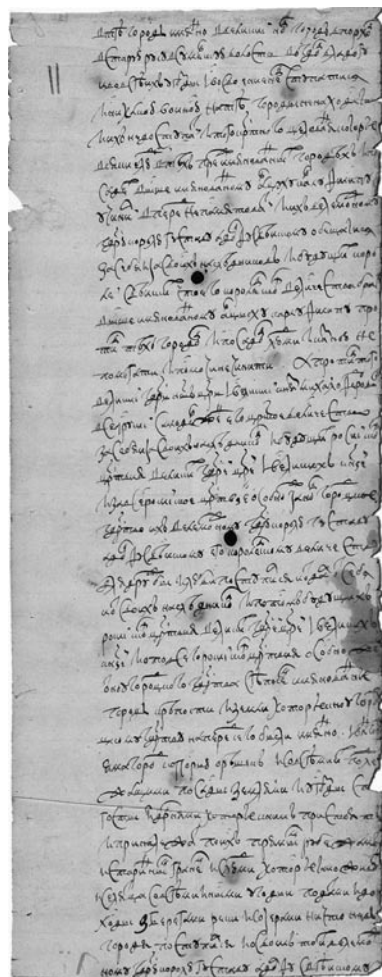
² Государева грамота из Посольского приказа к послам князю Д. И. Мезецкому с товарищами с изложением упреков по поводу составления окончательного текста договора со шведами. Около 11 февраля 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 2. Л. 79–88.

¹ Якубов К. И. Указ. соч. С. 16.

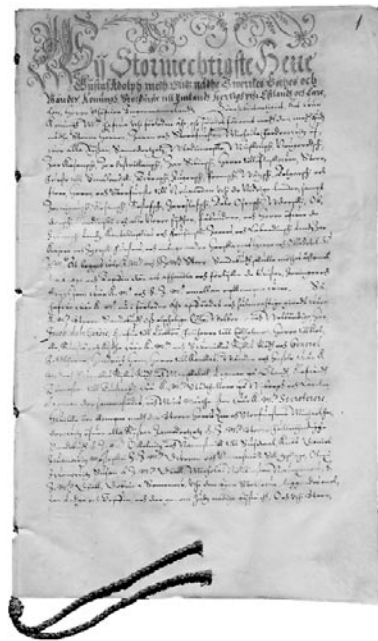
² Якубов К. И. Указ. соч. С. 18–19.

³ Якубов К. И. Указ. соч. С. 26–27.

⁴ Замятин Г. А. Условия... С. 356–359. Приговор опубликован: Замятин Г. А. Условия... С. 373–376.

Список с русского текста
Столбовского договора

Список со шведского текста
Столбовского договора

Переговоры в целом к этому моменту завершились. 17 февраля началось сличение текстов договорных записей¹.

23 февраля московские послы отправили в стан английского посредника «денежную казну» с Несмеяном Чаплиным и подьячим Семеном Реткиным, а за отчетом послали ярославских целовальников. Чаплин, находясь в английском стане, два дня, 23–24 февраля, считал казну². 27 февраля был наконец подписан договор.

Во время переговоров глава шведской делегации Я. Деллагарди, уже задумываясь о жизни после заключения мира, попытался устроить личное деловое предприятие. Через Меррика он 29 января 1617 г. обратился к московским послам с предложением, «как у нас доброе дело учинится, и у него есть в Ругодиве 2000 четей ржи на продажу», которые он готов поставить во Псков и в Новгород. Он выразил также готовность поменять этот хлеб на соболей, если «свейские послы соболей за плату иметь не учнут и соболи будут в остатке» (зная, что московские послы снабжены «мягкой рухлядью»). Однако если для Деллагарди это было частным предприятием, то московские послы должны были получить одобрение такой сделки в Москве. Узнав о предложении шведского вельможи, 7 февраля бояре приговорили, велели «купить хлеб на соболи»³. Однако приобретать его стоило «недорогой ценой, меньше московской» (по 20 алтын четь). Если бы Де-

¹ Счисление или сношение мирного договора и записи о городах, учиненные на съезде в Столбове между послами российскими и шведскими при посредничестве аглинского посла, во всем ли оные договоры и записи между собой согласны. Тут же и приговор боярской по каждой статье, каким образом подтвержденную на оной Столбовский договор писать грамоту. Без начала. 17 февраля 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 4.

² Окончание статейного списка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. Часть 16. Январь и февраль 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 3. Л. 364.

³ Отписка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в Посольский приказ о предложении Якоба Деллагарди поставить в Новгород или Псков 2000 четвертей хлеба из Ругодива. 29 января 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 2. Л. 44.

лагарди не согласился, то в крайнем случае следовало заплатить ему по московской цене, но выше ни в коем случае не давать¹.

ПЕРЕДАЧА НОВГОРОДА МОСКОВСКИМ ПОСЛАМ

Итак, 27 февраля 1617 г. состоялось подписание мирного договора. 2 марта князь Д. И. Мезецкий с товарищами получили государеву грамоту, по которой им было велено идти в Великий Новгород, принимать город у шведов. 4 марта они вместе с Джоном Мерриком пришли в Тихвин. Тут был назначен авангардный отряд с головой Григорием Бутаковым, у которого числилось 42 человека дворян и детей боярских разных городов, а также 353 человека тихвинских и плавных казаков. Им было велено идти по прямой дороге перед Джоном Мерриком на Грузино, где дожидаться Меррика, после чего идти вместе с ним на Новгород. Придя в Новгород, отряду Бутакова следовало встать на посаде на Торговой стороне и ожидать послов.

7 марта вслед за Г. Бутаковым из Тихвина вышел Джон Меррик. 8 марта за ним последовал князь Д. И. Мезецкий и остальные послы. 12 марта Меррик писал послам, что он пришел на Грузино и, встретившись с Бутаковым, двинулся к Новгороду². В ответном послании князь Д. И. Мезецкий указывал Меррику идти к Новгороду и встать на Торговой стороне. Одновременно он обратился и к К. К. Юлленгельму с требованием вывести шведские военные силы с Торговой стороны на Софийскую, чтобы «на Торговой стороне ни одного немецкого человека не было, а они, государевы послы идут в Великий Новгород наспех».

¹ Царская грамота послам князю Д. И. Мезецкому с товарищами о покупке хлеба у Якоба Делгарди. 7 февраля 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 2. Л. 45–46.

² Окончание статейного списка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. Часть 16. Январь и февраль 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 3. Л. 375–378.

12 марта к послам от Меррика прибыл новгородец Матвей Арцыбашев с сообщением, что Юлленгельм уже перевел всех шведских военных с Торговой стороны в Кремль и собирается покинуть последний, «и почала у них стрельба быть из наряду». Князь Д. И. Мезецкий с товарищами забеспокоились и потребовали оставить порох и вернуть всю артиллерию Кремля в сохранности. В это время сами послы подошли к Хутынскому монастырю. Посредническая миссия Меррика продолжалась: послы просили его уговорить Юлленгельма, «чтобы он Новгород на срок очистил и сам из города вышел и людей бы вывел, наряд бы по договору отдал». В тот же день Меррик сообщил послам, что Юлленгельм поздно вечером покидает Новгород и «город очищает и отдает, а как з города пойдет, и он к ним, государевым послом, городовые и пушечного двора ключи пришлет»¹.

По получении этого известия, «государевы послы, поставя образ Пречистые Богородицы на Футыне, пошли в Великий Новгород, урядась, и послали перед собою голов и дворян и детей боярских и стрельцов и казаков, и пришли в Великий Новгород марта в 13 день». Встав на Торговой стороне, они отправили Меррика в Кремль, с ним «для обереженья» послали дьяков Семена Лутохина да Пятого Григорьева, которые уже на Торговой стороне присоединились к посольскому поезду, «смотреть, чтоб чего немецкие люди на отходе не испортили». В тот же день, «за полчаса до вечера», Меррик и Юлленгельм с дьяком Пятым Григорьевым прислали послам ключи каменного города и пушечного двора. Меррик сообщил, что «Божиею милостью и... государевым счастьем» Юлленгельм город отдал и из города вышел». В тот же час послы послали в Кремль голову Григория Бутакова со всем его отрядом, а к митрополиту Исидору отправили дворянина Несмеяна Чаплина и подьячего Савву Семенова. Они должны были официально сообщить митрополиту, «что свейские люди из города вышли, а вошли и сели в городе государевы люди». Послы же войдут в город с чудотворной иконой назавтра, 14 марта. Митрополит пообе-

¹ Там же. Л. 379–380.

щал встретить икону с крестами, со всем «Освященным собором» и со всеми новгородскими людьми за земляным городом.

14 марта послы послали за иконой в Хутынский монастырь священников, сами сперва пошли навстречу литургической процессии и, встретив образ, направились к Кремлю. Митрополит Исидор со всеми православными людьми и с женами «и до сущих младенцев» образ все встретили от города за полверсты «с великим слезным радением»¹.

Так Новгород вернулся под власть московских царей. Через две недели новая-старая власть вошла в Ладогу и Порхов. Пропуск через границу (которая, впрочем, еще не скоро была размежевана) без «проезжих грамот» был запрещен. Князь Д. И. Мезецкий писал губернатору Нарвы, Нотебурга, Яма и Копорья К. К. Юлленгельму: «Ныне в Новгороде учинили заповедь, чтоб немецких людей без отпускных не принимали, и в Тесове поставили на заставе голову Григорья Обольнянинова с стрелцы, а не велели ваших неметцких людей в Новгород без отпускных пропускати, а велели отказывать»².

Сразу после подписания мира шведские войска (три оставшихся зимой 1617/17 г. полка: Сванте Банера, Йеспера Крузе и фельдмаршальский — К. К. Юлленгельма) организовано, тремя группами покидали Новгород, Порхов и Старую Руссу, переходя в укрепления на территории будущей Ингерманландии; ладожский гарнизон перешел в Орешек. 6 апреля 1617 г., через месяц после ухода из Новгорода, Юлленгельм из Нарвы рапортовал королю об успешной эвакуации³. В Гдове стояла рота финских солдат во главе с капитаном Симоном Лангом⁴. Согласно «Истории» Юхана Видекинда, после подписания мира

¹ Там же. Л. 380–382.

² Отношение подписавших с русской стороны на Столбовском договоре комиссаров к шведскому фельдмаршалу барону Карлу Гюлленгельму. Новгород, 1617. 23.05 // *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди // Ученые записки Юрьевского университета. 1896. Документ № 13. С. 57–63.

³ *Generalstaben. Sveriges krig.* S. 566–567.

⁴ *Ibid.*

шведские солдаты были выведены из Устьянских укреплений под Псковом (согласно русским источникам, они капитулировали несколькими месяцами ранее). В крепости, перешедшие под власть шведской короны, были назначены новые гарнизоны, всего более 4000 солдат. По настоянию Джона Меррика, с освобожденных новгородцев шведы более не требовали уплаты солдатских денег. Делагарди немедленно после подписания договора написал фельдмаршалу К. К. Юлленгельму о передаче в течение 14 дней Новгорода, Старой Руссы и Порхова. В течение марта все эти крепости были переданы московским уполномоченным, а Юлленгельм назначен заместителем и губернатором всех оставшихся провинций (в том числе и крепостей в Эстляндии). Гарнизоны изменены, частично распущены. В Гдове — роты Рейнгольта Якобссона и Ларса Урбансона и сотня рейтар Андерса Пауля. Делагарди вернулся в Швецию через Нотебург, Нарву и Ревель. Х. Хорн отправился в Стокгольм с подлинником договора¹.

Выход из Смуты не повлек за собой эскалации репрессий ни в Москве в 1612 г., ни в Новгороде в 1617 г. Патриарх Филарет в 1619 г. согласился с сохранением новгородцами поместий, полученных ими в центре государства², однако пожалования при шведах в спорных случаях за новгородцами не утверждались.

¹ *Юхан Видекинд*, Указ. соч. С. 451–452.

² *Козляков В. Н.* Михаил Федорович. М., 2004. С. 161.

Реализация Столбовского мира

Надежным ли был Столбовский мирный договор? Насколько долгим он казался обеим сторонам? Статус «вечного мира» не ликвидировал, однако, сомнений в политической стабильности в этой части Европы, и важную роль здесь играл не только польско-литовский фактор, но и в целом долгие годы Смуты, предшествовавшие договору 27 февраля 1617 г. Через два с половиной года после подписания трактата в Новгороде поговаривали о том, что война может снова возобновиться. Так в русском переводе звучали слова К. К. Юлленгельма, обращенные к новгородскому воеводе князю И. А. Хованскому: «а подлинно мне ведомо учинилось, что некоторые худые люди в Новгороде говорили нашим людям и объявили, что будто тому мирному договору меж обеих великих государей борзо скончатца, вдаль не здержану быть, и тогда бы де им на нашу сторону итти войною и разбивати неросплошно, а то есть как и наперед поминали, лжи подобно, и хотя будет то не ложь, и тем речем верить нечем»¹.

¹ Перевод с листа от К. К. Юлленгельма новгородскому воеводе князю И. А. Хованскому о добрых намерениях с просьбою, в частности, найти в Новгороде распространителей слухов о войне между Швецией и Москвой. Без начала. 6 августа 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 1. Л. 108–110.

В историографии утвердилось мнение о том, что одно из важнейших последствий мира сформулировал в своей речи король Густав Адольф на риксдаге в Стокгольме 26 июня 1617 г. Н. П. Лыжин опубликовал один из самых ранних переводов этой речи: «одно из величайших благ, дарованных Богом Швеции, заключается в том, что русские, с которыми мы издавна были в сомнительных отношениях, отныне должны отказаться от того захоlustья, из которого так часто беспокоили нас. Россия — опасный сосед. Ее владения раскинулись до морей Северного и Каспийского; с юга она граничит почти с Черным морем. В России сильное дворянство, множество крестьян, народонаселенные города и большие войска. Теперь без нашего позволения русские не могут выслать ни даже одной лодки в Балтийское море. Большие озера Ладожское и Пейпус, Нарвская поляна, болота в 30 верст ширины и твердые крепости отделяют нас от них. Теперь у русских отнят доступ к Балтийскому морю, и, надеюсь, не так-то легко будет им перешагнуть через этот ручеек»¹. И. П. Шаскольский очень сдержанно написал о значении этой речи: да, в ней действительно рассматривались территориальные стороны договора, но король учитывал и его экономические аспекты². Известие о пушечной и ружейной пальбе в Москве в связи с известием о подписании мира в Столбове, широко тиражируемое в историографии, также основано на его упоминании в монографии Н. П. Лыжина³. Однако о таком ликовании в русской столице известно лишь по царской грамоте воеводе Чеботаяу Челищеву в Кетский острог, которому, по получении грамоты, следовало велеть «молебны пети со зво-

¹ Лыжин Н. П. Столбовский мир и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857. С. 79–80. Перевод был сделан по немецкому изданию «Истории Швеции» De Geier'a, которым пользовался Н. П. Лыжин (Geier E. G. Geschichte Schwedens. 3 Bde. Hamburg, 1832–1836).

² Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые сношения России с Шведским государством. М., 1964. С. 202–203.

³ Лыжин Н. П. Столбовский мир. С. 66.

ном и из наряду велел стреляти из болшого и из ручного, чтобы про то было явно и ведомо»¹.

Первые после заключения мира назначенные в Новгород воеводы князь И. А. Хованский, князь Ф. А. Елецкий и дьяки А. Вареев и Т. Копнин должны были созвать в соборную церковь Св. Софии все «знатнейшие чины» и сообщить им официальное видение событий Смуты, а особенно то, что «царь скорбел, видя утеснение новгородцам». После того воеводы и дьяки должны были взять у послов князя Д. И. Мезецкого и дьяков роспись новгородских казны, артиллерии и крепостных укреплений. После чего воеводы и дьяки должны были сказать новгородцам «государево жаловальное слово»².

Однако неурегулированными оставались многие вопросы: о будущей границе, о перемещении людей и ценностей, о долговых обязательствах. На переговорах с Джоном Мерриком в Москве 20 июня 1617 г. боярин Ф. И. Шереметев, высоко оценивая роль англичанина в подписании Ладожского прелиминарного договора, настаивал на том, что шведы после того, как решено было наложить мораторий на перемещение людей и имущества, «вывезли из Новагорода и из ыных городов колокола многие и наряд, да из Ъванягорода не выпустили по договору посадских людей». Тут же Меррик, имевший при себе список шведских претензий, вступил с московскими боярами в полемику, доказывая, что москвичи укрывают беглых подданных Шведской короны, к примеру двух слуг М. М. Пальма³. Эти претензии многократно звучали и позже в переговорах со шведами.

¹ Окружная грамота царя Михаила Федоровича в Сибирь, в Кетский острог воеводе Чеботаю Челищеву о заключении с шведами мирного договора, по силе коего Новгород с городами, ими завоеванными, возвращен Российской державе. Март 1617 / СГГД. Ч. 3. СПб., 1822. № 35. С. 155.

² Лыжин Н. П. Столбовский мир. С. 66–67; [Царская грамота новгородскому митрополиту Исидору и всем новгородцам о заключении Столбовского мира со шведами и о возвращении Новгорода под Российскую державу] // АИ. Т. 3. СПб., 1842. № 284. II. С. 451–454.

³ Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. М., 2006. С. 135.

Юхан Шютте

Для приграничного диалога одной из самых существенных на долгие десятилетия стала проблема перебежчиков и сохранения православия в уступленных городах и уездах. Спор о возвращении переселенцев из уступленных городов открылся еще в ходе Столбовских переговоров. Шведские власти постоянно требовали выдачи перебежчиков. К. И. Якубов полагал, что московские подданные за шведский рубеж уходили редко, однако это, видимо, справедливо лишь для первых двух десятилетий после заключения мира¹.

Острым был вопрос о средствах на контрибуцию, которые царское правительство заняло у Англии. Посольство Дадли Диггса прибыло в Архангельск летом 1618 г. Узнав о наступлении нареченного царя Владислава на Москву, Диггс бежал обратно в Англию, отбиваясь от русских властей, даже стреляя в них ядрами, потеряв часть денежных средств, которые он должен был доставить в Москву. Через два года Джон Меррик прибыл в Архангельск улаживать конфликт, связанный с Диггсом².

Шведы также старались проявить лояльность королю Джеймсу Стюарту, при чьем посредничестве договор был заключен. Юхана Шютте король направил в Данию, Нидерланды и Англию для того, чтобы благодарить эти государства за по-

¹ Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897. С. III–V.

² Лисейцев Д. В. [Вступительная статья] // Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. С. 19–20. Столбцы этого дела Посольского приказа хранятся в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН (НИА СПбИИ РАН. Кол. 226. Оп. 2. Д. 297).

средничество. 30 декабря 1617 г. Ю. Шютте удостоился аудиенции английского короля¹.

РАТИФИКАЦИЯ МИРА

После получения подлинных договоров в Москве и Стокгольме стороны стали готовиться к ратификации мирных соглашений: царь Михаил Федорович и король Густав Адольф должны были утвердить статьи договора. По договору ратификационным посольствам предписывалось встретиться на границе 1 июня 1617 г. Но только 29 июня в Орешек (Нотебург) прибыло шведское ратификационное посольство: государственный советник Густав Стенбук, ассессор Якоб Якобссон Бот и секретарь М. М. Пальм². Московское посольство князя Ф. П. Борятинского (с титулом наместника муромского), О. И. Прончищева и дьяка Б. Кашкина выехало из Москвы и вовсе 1 июля. Оно добиралось до Новгорода и потом до Ладоги по разоренной стране. 21 августа послы прибыли в Новгород, 24 сентября

¹ Н. П. Лыжин писал об этой миссии, опираясь на итинерарий Пера Янсона: «О всех этих посольствах пишет Petrus Jansonius Itinerarium oder ausführlicher Bericht, Welcher gestalt Königl. Mayest. V Schweden etc. Etc. Gedruckt bei Paul Langen. In Verlegung Michaeilbering's im Jahr 1619». В речи Шютте, между прочим, присутствовала апелляция к древности отношений Швеции и Англии (как в 1613 г. в речи хутынского архимандрита Киприана в Выборге, обращенной к принцу Карлу Филиппу — апелляция к «варяжской легенде»): «...далее Скитте перечислил благодеяния, которые Англия оказывала Швеции; напомнил, как 955-го года, по воле короля Ельреда и попечением Йоркского епископа, король Олаф Шведский принял крещение, назвавшись Skottkonung, как потом христианство было распространено епископами Vinomano, Sunomano и другими, которых могилы и донныне видны в храме Wexonien. Посланник прибавил, что за несколько лет Англия доставляла в Швецию много денег, в чем убеждает не столько история, сколько открытия (experienz), а именно недавно сделанные на полях шведских монеты английские» (Лыжин Н. П. Столбовский мир. С. 75. Сноска 83).

² Юхан Видекинд. История десятилетней шведско-московской войны. М., 2000. С. 453.

Река Лава (Лавуя)

оба ратификационных посольства встретились на реке Лавуе. При встрече посольств началась долгая дискуссия о порядке подтверждения мирного трактата государями. Особую остроту спор принял при обсуждении необходимости наследникам государей подтверждать договор (на чем настаивала московская сторона). Тут проявилось разное понимание «вечного мира». Русские считали, что каждый новый государь должен подтверждать мирный договор и твердо на этом стояли¹, шведская же сторона утверждала, что подпись государя распространяется и на его наследников.

С сентября 1617 г. по 15 февраля 1618 г. оба ратификационных посольства стояли друг против друга на пограничной реке, долго согласовывая также титулы государей, упомянутых

¹ Якубов К. И. Указ. соч. С. 28–29.

в верящих грамотах. Посольства то разрывали переговоры, то снова съезжались. На съезде 10 октября шведские послы сообщили об известных им слухах о том, что «государева вашего в подданных рознь». Но князь Ф. П. Борятинский с товарищами резко отменил эти утверждения: «все синклиты и всяких чинов люди живут все меж себя в совете и в любви, и почитают и служат ему, великому государю»¹. Сейчас достаточно сложно определить, насколько слухи о шаткости московского правительства в 1617 г. имели основание; однако, появление таких слухов в момент серьезной военной опасности со стороны Речи Посполитой неудивительно.

14 октября получившие письмо от генерал-губернатора К. К. Юленъельма шведские послы представили московской стороне список накопившихся с момента подписания договора претензий (в четырех статьях). Новгородских и псковских воевод обвиняли в том, что они именуют новых подданных шведского короля «изменниками и ворами, и татями, особенно тех, которые русские люди». Перебежчиков на московскую сторону упрекали в том, что те не просто бегут, но бегут с краденым имуществом, «и как в некоторых прошлых днях игумен ямской збежал, пократчи церковное что, тако же лошади и иною покражею татейною». Приграничных воевод упрекали в том, что они не пускают шведских купцов далее Новгорода и Пскова, в Осташков и к Москве и в иные места, а русским людям — королевским подданным отказывают в суде².

Еще одной причиной постоянных споров уже через полгода после подписания договора стал вопрос о репатриации пленных. 19 октября 1617 г. шведские послы передали московским послам список из 209 пленных и перебежчиков, известных к тому времени. Шведские послы потребовали вернуть всех шведских пленных, в том числе тех, кто был в годы войны на-

сильно крещен в православие. Московские послы все отрицали: по их словам, никто из пленных насильно крещен не был, всех, кто в будущем бы перебежал, царское правительство обязывалось немедленно возвращать¹. Но это была, как выяснилось впоследствии, лишь декларация.

Тогда же впервые начался резкий обмен мнениями о том, велась ли после заключения договора агитация в тех городах и уездах, которые переходили под шведский суверенитет. Московская сторона, действовавшая в феврале 1617 г. через английских посредников, упрекала шведов в том, что после подписания договора Я. Делагарди послал в Ивангород и Копорье своих клеветов Федора Аминова, переводчика А. Брякилева (Х. Бракеля), купцов Ждана Насонова и Алешу Бабина, в Ям — Никиту Калитина для агитации на шведскую сторону. С ними в Ивангороде столкнулись посланный Джона Меррика Самойла. По словам московских послов, Х. Бракель насильно удерживал ивангородцев, сажая их в тюрьму², что было противно букве договора о свободном выборе подданства. К этим дискуссиям стороны также возвращались в ходе последующих приграничных споров.

22 января 1618 г. посольства снова съехались на Лаве. Наконец, были присланы из столиц новые подтвержденные грамоты от государей. 29 января князь Ф. П. Борятинский и Г. Стенбук обменялись грамотами, во всем сходными, только в шведском тексте в титуле Густава Адольфа было написано «государь Ижорской земли», а в русском — «государь в Ижере»³. 15 февраля князь Борятинский и Стенбук пересекли границы и двинулись к Стокгольму и Москве соответственно.

Посольство князя Борятинского, ехавшее по льду Ботнического залива, «из Орешка на Корелу да на нов городок на Шавинской да на Ульской городок, да на Удинсваль да на Гевль, да на Упсаль», добралось до Упсалы 31 марта 1618 г. Там оно долго

¹ Якубов К. И. Указ. соч. С. 35.

² Перевод листа, поданного шведскими послами на Лаву 14 октября о русских подданных шведской короны. Октябрь 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1618. Д. 1. Л. 276–279.

¹ Якубов К. И. Указ. соч. С. 36, 40.

² Якубов К. И. Указ. соч. С. 41.

³ Якубов К. И. Указ. соч. С. 39–40.

ожидало приема Густава Адольфа в Упсале. Только 2 июня им было разрешено выехать в Стокгольм. В ходе подготовки к присяге вновь возник вопрос об «ижорском титуле» короля, казалось бы решенный при формулировке Столбовского мирного трактата. По словам московских послов, «Ижорой» были не только отошедшие к Швеции уезды, но «за государем нашим в Ижере Водская пятина, а в ней многие ижерские погосты». Москве удалось настоять на том, что в русском переводе королевского титула будет не «государь Ижорской земли», но «государь в Ижере»¹.

На встречах со шведскими представителями послы князь Ф. П. Борятинский с товарищами заявляли об удерживании в Швеции военнопленных. Беседовавшие с московским посольством риксканцлер А. Оксеншерн и Ю. Шютте говорили князю Борятинскому, что все, кто хотел вернуться на родину, уже отпущены шведами; король велел отпустить всех, насильно задержанных. В то же время, по словам Оксеншерны, москвичи подговорили бежать больше 300 человек из Ямского и Копорского уездов, которых они просят отдать назад. Московские послы все отрицали и просили предъявить роспись перебежчиков. В свою очередь они потребовали выдачи Ивана Харламова, «природного подданного царского величества», будто бы удерживаемого шведами в Ревеле. Шютте и Оксеншерн отвечали, что Иван Харламов не удерживается, но давно бил челом королю и получил от короля поместье. По словам Борятинского, это все произошло «в безгосударное время», теперь же Харламов просит его отпустить. Шведы оставили этот вопрос на королевское усмотрение². По всей вероятности, ловкий негодник получил в этот момент удачный шанс поторговаться с обеими сторонами и в конце концов выбрал все же москов-

¹ Якубов К. И. Указ. соч. С. 43–44; Отписка послов князя Ф. П. Борятинского с товарищами из Выборга в Посольский приказ о выполнении посольской службы в Швеции. 19 августа 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1618. Д. 1. Л. 118–135.

² Якубов К. И. Указ. соч. С. 43–45.

ское подданство¹. К сентябрю 1618 г. князь Ф. П. Борятинский и его товарищи с подлинником Столбовского договора вернулись на реку Лавую.

Посольство Густава Стенбука, следовавшее к Москве через Ладогу, Устюжну, Углич и Ярославль, добралось до столицы к марту. Это посольство выполняло свою основную функцию

¹ Его отец Иван Харламов в 1611 г. вместе с посольством юрьевского архимандрита Никандра выехал в Швецию, позже — осел в Ревеле («Колывани») по своим торговым делам и вплоть до Столбовского мира не появлялся на востоке Балтики. Иван Харламов — одна из центральных фигур новгородской торговли на Балтике после Смуты. В 1617 г. ему удалось получить царскую жалованную грамоту на торговлю в Ревеле; шведы же долгое время именовали его своим подданным, а позднее, по возвращении в Московское царство — перебежчиком. Эта грамота была выдана в ответ на присланную в Москву челобитную, в которой И. Харламов объяснял свой отъезд в Ревель («Колывань») «многими обидами, насильством и разорением от немецких людей», которые он претерпел в Новгороде. Он просил сохранить ему дом, которым владел в родном городе, и избавить его от царской опалы. Примечательно, что в Посольском приказе жалованную грамоту И. Харламову скрепил дьяк П. Третьяков, который, видимо, встречался с Харламовым в Новгороде в конце 1610 — начале 1611 г. Список жалованной грамоты «Ивану Харламову сыну Брянцову» сохранился также в записной книге царских грамот новгородским воеводам. В грамоте были прописаны службы Ивана Харламова новой московской власти: он будто бы, «будучи у свейских немец в городе в Колывани нам великому государю служил как свейской Густав Адольф король пошел из Сvei с немецкими ратными людьми под нашу отчину подо Псков и он, Иван, про королевской поход и сколько с ним ратных людей писал во Псков ко псковским гостем и людей своих во Псков с теми вестями присылал». Потом же, бросив свои товары, Харламов выехал с детьми и с племянниками в Новгород. 13 апреля 1620 г. на грамоте поставил припись уже сменивший П. А. Третьякова думный дьяк Иван Грамотин (Кустерев С. Н. К характеристике купеческих корпораций России в конце XVI — первой половине XVII века // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.). Доклады Второй научной конференции. Москва, 7–8 декабря 1999 г. М., 2001. С. 206–214; Селин А. А. Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование. Функционирование. Источники. Исторические очерки. СПб., 2016. С. 591).

в Москве, когда та ожидала подхода войска принца Владислава Вазы; отдельные отряды угрожали посольству Стенбука на подъезде к российской столице. По словам П. Петрея, «когда они приехали в Москву и должны были явиться на прием к великому князю для исполнения своего поручения, он прислал для них с знатнейшими их товарищами 30 лошадей, на которых посланники и поехали в крепость, друг возле друга, сопровождаемые двумя русскими дворянами, одним с правой, а другим с левой стороны. Перед посланниками ехала их прислуга, а впереди 50 русских дворян. От двора и помещения послов были поставлены по обе стороны стрельцы и воины, очень плотно друг к другу, с ружьями, в числе 1500 человек, до самого великокняжеского дворца. Когда послы подъехали к великокняжескому жилищу, прислуга и камер-юнкеры сошли первые с лошадей, а послы ехали до дворцовой лестницы, и потом уже русские повели их по ней»¹. Царь Михаил Федорович ратифицировал Столбовский мирный договор 19 июня 1618 г.

Во время переговоров в Москве масса претензий шведов касалась обид новым подданным шведского короля. Священников, митрополитов проклинаяют, называют изменниками, приезжающих в Новгород детей боярских и торговых людей также называют изменниками. 27 мая на эти претензии был дан царский ответ, что воеводам напишут, чтобы новым подданным шведского короля обид не чинили².

Однако посланные в приграничные города указания имели серьезные изъятия. В царской грамоте в Новгород было указано: «изменников Тимошку Хахина, Томилку Пристальцова и иных им версту в Новгород и Ладогу не пускать, товарами им с новгородцами не торговать и не ссылатся». После чего находившиеся в Новгороде Т. Хахина выслали из города. Он тут же пожаловался К. К. Юлленъельму на то, что в нарушение мирного договора ему, подданному короля, не дают сво-

бодно торговать¹. Но для воевод более важным представлялось исполнение не договора, а царского указа, в котором четко говорилось о пресечении любых контактов с «государевыми изменниками».

СПОРЫ О ТОРГОВЛЕ

И. П. Шаскольский обращал внимание на то, что Москва (до Кардисского мира 1661 г.) чинила преграды в продвижении купцов Шведского королевства вглубь Московского царства, стараясь ограничивать присутствие шведских купцов лишь Новгородом и Псковом. Согласно царской жалованной грамоте шведским торговым людям, гостиный двор в Новгороде для них следовало отвести в Земляном городе на Софийской стороне². В Пскове дело с постройкой шведского гостиного двора также чрезвычайно затянулось. В царской грамоте к новгородским воеводам, полученной 28 сентября 1617 г., указывалось шведских и русских людей вглубь Московского государства не пускать. Однако новгородские власти понимали, что это противно духу Столбовских договоренностей, и просили точных указаний, «чтоб неметцким людям и руским в твои государевы во все города для торговли ездить, и твоим государевым изменником в Новгород приезжати»³.

В инструкциях Посольского приказа, направленных в Псков в январе 1619 г., говорилось о том, чтобы не пропускать швед-

¹ Отписка новгородских воевод князя И. А. Хованского с товарищами в Посольский приказ о запрете торговать с бывшими подданными Тимофеем Хахиным и Томилом Пристальцовым. Без начала и окончания. 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 1. Л. 78–81 (листы перепутаны).

² Шаскольский И. П. Столбовский мир. С. 168.

³ Отписка новгородских воевод князя И. А. Хованского с товарищами в Посольский приказ с просьбой об указе, пропускать ли в дальнейшем шведских торговцев вглубь Московского государства и пускать ли в города государевых изменников. Осень 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 1. Л. 102–103.

¹ *Петр Петрей*. История о великом князе московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 386.

² *Якубов К. И.* Указ. соч. С. 85.

ских купцов никуда, кроме Новгорода и Ладogi (притом что текст Столбовского договора исключал Ладogu из списка городов, в которых должны были устраиваться торговые дворы для шведских подданных, а из шведского перечня была исключена Нарва, пользовавшаяся торговым двором в Ивангороде¹). Посольский приказ указывал псковским воеводам, что, если шведские подданные будут вновь проситься проезжать во внутренние области Московского царства, отвечать «что дороги ныне от воинских людей еще не очистились и им ехать будет с товары страшно»². Новгородским властям также было дано разъяснение на их прежний запрос: торговать разрешить, но при этом объявить, чтобы «наши русские люди» с ними ни о чем не разговаривали. Тех же купцов из Шведского королевства, кто начнет проситься к Москве и в иные города, — не пускать, так же, как и в Пскове, отговариваясь опасностью на дорогах³.

АГИТАЦИЯ И ОБМЕН НАСЕЛЕНИЕМ

Вопрос о свободе/ограничении перехода через границу активно обсуждался на переговорах в Столбове. По этому поводу существовал специальный приговор Боярской думы: «И государь царь и великий князь Михайла Федорович всеа Русии приговорил з бояры про ту статью своим государевым послом отписать, чтоб оне о выводе государевых людей из городов говорили свейским послом и стояли накрепко о всем по прежнему государеву указу и по грамотам, и как о той статье свейские

¹ Шаскольский И. П. Столбовский мир. С. 105–106.

² Царская грамота (из Посольского приказа) во Псков воеводам князю И. Ф. Троекурову с товарищами с подтверждением прежних указаний не пропускать зарубежных торговых людей внутрь Московского государства. Январь 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 1. Л. 95–101.

³ Царская грамота (из Посольского приказа) в Новгород воеводам князю И. А. Хованскому с товарищами о разрешении шведским подданным торговать в Новгороде, Пскове и Ладoge и о том, что говорить желающим проехать вглубь Московского государства. 30 января 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 1. Л. 104–107.

послы аглинскому послу слово свое в Ладoge дали, а на то бы оне не приговаривали, что из государевых городов, которые ныне свейской король государю отдает, людям воля давать ходить в их города»¹. Таким образом, в конце концов стороны пришли к соглашению о запрете всяческой агитации.

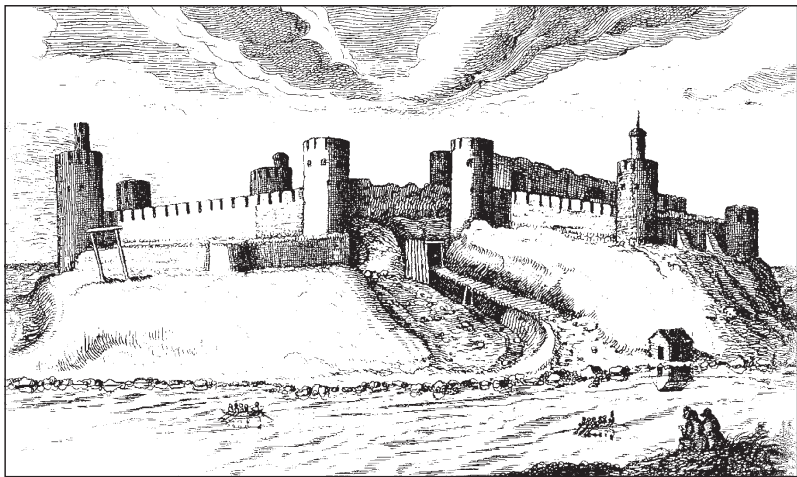
Сразу после согласования основных положения будущего договора начались нарушения зафиксированных в нем норм: в разные области бывшей Новгородской земли, отходившие к Швеции, отправились агитаторы, представлявшие обе соперничающие стороны и зазывавшие население к себе. В свою очередь, известны случаи, когда шведская администрация силой влияла на выбор новгородцев и жителей Новгородской земли, удерживая их в своих владениях и высылая в отходившие к Швеции города. Эта агитация имела краткосрочный и долгосрочный эффект: часть жителей северо-западных уездов переместились в Московское государство непосредственно в результате агитации, в предусмотренные договором две недели, другая часть считала себя находящейся «в немецком плену» (часто во вполне комфортных условиях) и, соответственно, ждала удобного момента для перехода на московскую сторону.

Уже 3 января 1617 г. в Посольском приказе была составлена образцовая грамота к новгородцам с извещением о заключении мира и о свободе выбора подданства. В этой грамоте от имени царя Михаила Федоровича послы увещевали всех, к кому она была обращена, стремиться на московскую сторону; такие же грамоты были посланы в Орешек, Корелу, Ям и Копорье².

В агитации за переход на московскую сторону населения отходивших к Швеции уездов Новгородской земли активнейшее участие принял английский посредник Джон Меррик. На-

¹ Посольство князя Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. Часть 14. Январь — февраль 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 1. Л. 274.

² Царская грамота (из Посольского приказа) в Новгород к новгородцам о том, что по договору для них установлен свободный выбор подданства с увещеванием остаться на стороне Московского государства. 3 января 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 1. Л. 22–25.

Ивангород. Гравюра Антониса Хутеериса

кануне подписания Столбовского договора, 22 февраля, послы князь Д. И. Мезецкий с товарищами обратились к нему с просьбой дать письменные гарантии безопасности жителям Новгородской земли и послать в Старую Руссу, Порхов, Ладогу и Сомерскую волость своих дворян для агитации за царя Михаила Федоровича, а в Ивангород, Ям, Копорье, Орешек тоже послать «для выводу людей» своего писаря, а с ним толмача, московского «немчина», «которой у тебя живет за человека место, Ондришу Анцына». Меррик предложение принял, но отказался, по болезни, ехать в Новгород сам, обещая послать Томаса Смита¹.

Сам Меррик после подписания договора отправился через Тихвин и Устюжну в Москву. Однако в последние дни февраля 1617 г. он послал в Ивангород, Ям, Копорье и Орешек грамоту от своего имени, в которой обращался как к духовному чину — «архимаритом и игуменам и протопопом» (надо сказать, что архимандритов там не было), так и к служилым лю-

дям, посадским и крестьянам с сообщением о заключении мирного договора между Москвой и Швецией и о его условиях — переходе северо-западных крепостей в Шведское королевство и о возможности для русских жителей в течение двух недель с семьями и имуществом перейти на московскую сторону. Меррик в письме уверял, что, согласно договору в Столбове, шведские начальники обязались послать в уступаемые крепости глашатаев, объявляющих русским людям свободу перехода, и не препятствовать им в этом. Меррик обещал всем выходцам свою защиту и покровительство и сообщал, что велел своему посланному переписать всех желающих выйти на сторону царя Михаила Федоровича¹.

Эту агитацию в первые дни после заключения мирного договора стороны долго припоминали друг другу. Московская сторона часто повторяла о насильственном приведении под шведскую присягу ивангородцев, осуществленную переводчиком Х. Бракелем. Позднейшие требования русской стороны «отпустить» на русскую сторону якобы насильно удержанного в то время в Ивангороде Фильку Лебеда (Лебедева) с товарищами опирались именно на это известие.

То же якобы повторилось в Яме и в Копорье: многих дворян, детей боярских и посадских людей шведы будто бы не выпустили на московскую сторону, а подьячих, пушкарей и затинщиков не выпустили вовсе никого, хотя те, будто бы, в присутствии людей английского посла, всячески порывались ехать на московскую сторону. Однако шведы оспаривали мнение князя Борятинского. По их словам, Ханс Бракель находился неотлучно в Копорье при Якобе Делгарди и никуда не посылался. «А пришед де Яков Пунтусов в Копорью, тутошним всяким людям велел честь грамоты и кликати по три дни всем людям вслух, которые похотят служить королю и жить под свейскою

¹ Окончание статейного списка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. Часть 16. Январь — февраль 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 3. Л. 357–359.

¹ Грамота английского посла Джона Меррика ивангородцам, ямлянам, копорьянам и ореховцам // Окончание статейного списка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. Часть 16. Январь — февраль 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 3. Л. 359–364.

коруною, и те бы остались тут, а которые хотят служить тебе, государю, твоему царскому величеству, и те бы шли» на московскую сторону¹.

Еще в те месяцы 1617 года, когда граница была практически открыта, власти соседних городов обменивались взаимными упреками в незаконном задержании желающих перейти на противную сторону, а также уверениями в желании следовать букве и духу Столбовского договора. Ивангородские власти (неясно, кем представленные) в своей грамоте, написанной по-русски, уверяли в 1617 г. новгородские власти (представленные в то время принявшими Новгород от шведов послами князем Д. И. Мезецким с товарищами) в том, что «не хотя против договору преступити и всякого и убогаго, высокого и нижнего, которые останиса по вольности дали со всем животом поехать куды всяк похочет от нашего короля», со всем имуществом. Тех же, кто «вскоре и з женами и з детми и со всеми своими ныне зимною порою отойти не могут», тем позволили по королевскому разрешению «на посаде бытии до половою воды, чтобы мочно своими животы в судех отправить, к ним в грамоте тако ж писали... чтоб им двум государем то совершилося, тако ж бы и нам подданным в соединенье бытии и царя и великого (князя) подданными тако ж чинить, как нашего милостивого короля и государя людем...»². Однако это были лишь заверения: реальная свобода в те дни выражалась лишь в простоте изменения юрисдикции, так как граница еще отсутствовала; движение же контролировалось только гарнизонами городов и острожков.

Важным пунктом на переговорах в Столбове в январе и феврале 1617 г. был вопрос о возвращении семей вместе

¹ Отписка в Посольский приказ послов князя Ф. П. Борятинского с товарищами о переговорах со шведскими послами о русских людях, которых в 1617 г. не выпустили на государеву сторону. Без начала и окончания. Октябрь 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1618. Д. 1. Л. 249–253.

² Грамота ивангородских властей новгородским властям о задержанных ивангородцах, желающих согласно мирному договору перейти в русское подданство. Без начала и окончания. Не ранее февраля 1617 г. // НИА СПбИИ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 951.

с пленными и о дальнейшей судьбе дворян, служивших шведам: «...которые русские люди иманы, хоти и на боех, а иные в подъездех, а иные на дороге, как ехали от государя вашего ис Стекольны и приведены к великому государю нашему царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Руси самодержцу к его царскому величеству, и царское величество по своему милосердому нраву вины их все отдал... служат царскому величеству с своею братьею с природными людьми с радостью, а у многих жены и дети из Новагорода выведены, и живут ныне з женами и з детми»¹. Московское правительство обещало зачет служб и всеобщее прощение; на практике же в конце 1616 — начале 1617 г., где насилием, где уговорами, обе стороны стремились удержать как можно больше людей на своей стороне.

ДЕМАРКАЦИЯ

Подготовка к демаркации границы

Соглашения в деревне Столбово, подписанные 27 февраля 1617 г., предполагали уход шведской администрации и войск в конкретные сроки из городов Новгорода, Ладоги, Порхова и Старой Руссы, а также демаркацию новой границы уже летом 1617 г., до осенней распутицы. Такое стремление к скорейшим нормальным взаимоотношениям было вполне искренним; однако на практике реализовать его удалось не так скоро.

В январе 1617 г., когда, как думалось обоим сторонам, момент подписания мирного договора был уже чрезвычайно близок, съезд будущих уполномоченных планировался на 1 марта (т. е. еще по зимнему пути, до распутицы), «на прямом рубеже меж Ладоги и Орешка на реке на Кобоне среди мосту»². Избранная география встречи очень хорошо демонстрирует незнание обеими сторонами места будущей границы, т. е. границы между

¹ Окончание статейного списка послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами в д. Столбово. Часть 16. Январь — февраль 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 3. Л. 192.

² Там же. Л. 65.

Ладожским и Орешковским уездами (если таковая существовала). В следующем проекте договора, подготовленном в середине января (между 14 и 20 числами), послы уточняли, что встретиться предстоит «на прямом рубеже меж Ладоги и Орешка на реке на Лавуе на Ладожской дороге» (т. е. там, где и прошла граница), а срок встречи отодвинулся на более реалистичную дату — 1 мая¹. Окончательно же договорились выслать по три дворянина и по подьячему (писарю) «меж Орешка и Ладоги, на усть реки Лавуи и Ладожского озера июня к 1 числу»².

30 марта 1617 г. новгородские власти (в тот момент городом все еще управлял посол князь Д. И. Мезецкий с товарищами) начали поиск старожилов, которые выступили бы в качестве свидетелей с русской стороны при демаркации границы: «хто подлинно каких людей дворцовых сел и погостов и митрополичих и монастырских и поместных сел и деревень крестьяне или хто сам меж Ладоги и Орешка, от устья реки Лавуи, где та река Лавуя в озеро впала, и в тех местех, где межам быть и гранем меж Новгородского и Ладожского и Гдовского уезда и Сумерские волости и тех городов, которые отданы в свейского короля сторону, от Орешковского и Копорского и от Иванегородского уездов, да меж новгородского Олонетцкого погоста да Корельского уезда меж Соломенского погоста межи скажут»³.

Осенью 1617 г. начались межевые съезды, на которых решалось, как именно пойдет линия новой русско-шведской границы. На реке Лаве должны были встретиться московская и шведская межевые комиссии. До начала поездки по будущей меже обоим группам, съехавшимся на реке, предстояло приступить к переговорам. С осени 1617 г. началось размежевание, сперва в Ижорской земле, затем — в Карелии, в 1621 г. — в районе Гдова.

Демаркация границы

¹ Там же. Л. 139–140.

² Там же. Л. 72–73.

³ Допросы старожилов всяких чинов о шведских с Россией рубежах. 30 марта 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 8. Л. 1–2.

в Ингрии

Особая роль в деле размежевания в Ижорской земле принадлежала местным помещикам — новгородским детям боярским. Они не обладали статусом старожильцев-крестьян, степень оседлости которых позволяла бы им выступать своего рода экспертами-знатоками старых межей. Но эти помещики часто знали не меньше старожильцев.

1 мая 1617 г. был вынесен боярский приговор: послать московских дворян Семена Иванова сына Жеребцова, Ивана Борисова сына Доможирова и дьяка Ивана Льговского межевать границу Новгородского и Ладожского уездов с Ижорской землей. Их сопровождали переводчик и двое подьячих; новгородским воеводам было приказано дать послам 20 помещиков, 50 стрельцов с сотником и старожильцев¹.

При подготовке к размежеванию со Швецией была проведена серьезная приказная делопроизводственная работа. В результате межевые послы получили из Посольского приказа, кроме наказа, две «верющие» грамоты и две образцовые записи о границе. Им выдали и другие важные документы, хранившиеся в архиве приказа, прежде всего договорные записи о границе в Карелии, подписанные после Тявзинского мира. Успеху межевой комиссии придавали огромное значение, а потому все необходимые документы разыскали и подготовили очень быстро — уже к 1 июня 1617 г. Кроме того, в Новгороде у послов князя Д. И. Мезецкого и А. И. Зюзина С. И. Жеребцов с товарищами должны были получить «Роспись рубежам и рубежам чертеж»². С. И. Жеребцов должен был особенно настаивать на передаче московской стороне семи погостов Копорского уезда, земли в которых после Тявзинского мира были розданы в по-

¹ Отправление дворян С. И. Жеребцова с товарищами на межевой съезд. 1 мая 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 1–5.

² Роспись дел, данных С. И. Жеребцову для межевания. 1 мая 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 6–8.

местья; отказаться от этого требования допускалось только «по самой конечной мере»¹.

В наказе С. И. Жеребцову с товарищами, составленном 31 мая, межевым комиссиям предписывалось съехаться с шведскими уполномоченными в двух пунктах: прежде всего, «меж Ладоги и Орешка на усть Лавуи реки», в том месте, где эта река впадает в Ладожское озеро. Встретиться с шведскими комиссарами необходимо было на мосту, «которой мост обеих сторон людем через тою реку учинити» (что за идея: строить мост в устье реки!). Вторым местом для съезда определено было пространство у Ладожского озера между Соломенским и Олонецким погостами (т. е. на будущей границе Новгородского уезда и Кексгольмского лена, позднее эта точка будет обозначена как Варачев камень). В том случае, если ко времени прибытия комиссии Жеребцова мост через Лавую не будет сделан, предписывалось его построить, ожидая в Ладоге, уведомив, однако, шведских комиссаров о своем прибытии. Начать переговоры следовало с предложения шведам перейти в шатры на русской стороне реки, если же они откажутся, то съехаться на мосту. Посольские приказные подготовили для Жеребцова аргументы, которые должны были убедить шведов переехать совещаться на «московскую сторону»: так будто бы было при переговорах в 1593 и 1595 гг., перед подписанием Тязвинского мира, когда шведские посланные скрепляли договор подписями на «московской стороне» реки Сестры, в устье Плюссы, на ивангородской стороне Наровы.

Примечательно то место наказа, где говорилось о целях, поставленных перед послами. Проходя трассу будущей границы вместе с шведскими уполномоченными, они должны были стараться как можно больше земли примежевывать «на государеву сторону». Посольские дьяки писали в наказе: «А которые места и урочища сверх росписи придут, и... те места и урочища

¹ Список с росписи рубежам, присланной из Новгорода, и наказ Посольского приказа по ней С. И. Жеребцову. 24 мая 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 100–122.

у себя и в росписи написать, да и на чертеж то все начертить, выпрося себе ж тайно». Отдельно Жеребцову с товарищами предписывалось, как это традиционно записывалось в посольских наказах, рассказывать шведам о взаимоотношениях Московского государства с другими странами и стараться узнать о взаимоотношениях Швеции с другими государствами¹.

Уже после того, как межевые послы двинулись к границе, новгородские власти (а ими продолжали оставаться принявшие Новгород у фельдмаршала Юлленъельма послы князь Д. И. Мезецкий с товарищами) сообщали в Посольский приказ, что при подготовке к росписи будущей границы не удалось быстро найти знатока местности от раздвоения реки Лавуи (в ее верховьях) до Неважского ручья. Новгородская администрация, тем не менее, не оставила этот вопрос, а продолжила исследования: второй воевода Ладоги В. И. Змеев, получив из Новгорода указание активизировать поиски, нашел-таки такого знатока — крестьянина из поместья Юрия Нелединского, и выслал его в Новгород. Там старожильца расспросили и 8 июня его «расспросные речи» отослали в Москву².

5 июля шведские комиссары отправили русским межевым послам грамоту, содержащую упреки в опоздании к межевому съезду³. С. И. Жеребцов получил эту грамоту вдали от Новгорода, в Бежецком Верху, и оттуда писал в ответ своим партнерам, извиняясь, что не может в срок прибыть к назначенному месту встречи, что они «измешкали в дороге за грязи и пере-

¹ Наказ С. И. Жеребцову, И. Доможирову и дьяку И. Львовскому, отправленным на межевание. 31 мая 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 9–77.

² Отписка в Посольский приказ послов князя Д. И. Мезецкого с товарищами из Новгорода о посылке расспросных речей о меже от раздвоения реки Лавуи до Неважского ручья. 8 июня 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 123–124.

³ Грамота шведских дворян к русским дворянам, посланным на межевой съезд с извещением о своем прибытии и с упреком в том, что никаких известий от русских они не имеют. Перевод. 5 июля 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 135–137.

возы», а также сообщая, что на второе место встречи, на Ладожское озеро, между Олонецким и Соломенским погостами послана другая группа межевых послов во главе с Г. И. Писемским¹. Только 18 сентября 1617 г. С. И. Жеребцов с товарищами добрался до Новгорода. Прибывший туда ранее воевода князь И. А. Хованский с трудом входил в дело; его распоряжения выполнялись вяло. Назначенные к межевой службе 20 новгородских помещиков вовремя не прибыли. Пять дней Жеребцов прождал их в Новгороде, однако явилось к нему только 7 новгородцев, остальные помещики оставались в своих деревнях. Отчаявшись, 23 сентября С. И. Жеребцов двинулся из Новгорода к Ладогe, имея в распоряжении 7 детей боярских и 50 стрельцов; при нем, кроме посольских служащих, находились также старожилы, приписанные к комиссии на все время размежевания. У Жеребцова не было даже переводчика; не нашел он его и в Новгороде. Присланную в Новгород и адресованную ему грамоту шведских комиссаров было некому перевести. Находившегося ранее в Новгороде переводчика Тимофея Фанемина еще посол князь Д. И. Мезецкий отпустил в Ладогу сопровождать посольство князя Ф. П. Борятинского².

Отписка Жеребцова попала в Москву только 7 октября и вызвала гнев судей Посольского приказа в адрес новгородского воеводы князя И. А. Хованского. 10 октября ему была послана грамота с выговором за неумение обеспечить посольство служилыми людьми (а по сути — овладеть ситуацией в недавно возвращенном Новгороде): в тексте грамоты утверждалось, что, по словам вернувшегося в Москву князя Д. И. Мезецкого, при нем в Новгороде все служилые люди были налицо и разъ-

¹ Грамота русского межевого посла С. И. Жеребцова шведским посланым из Бежецкого Верха с извинениями за промедление. Не ранее 5 июля 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 141–146.

² Отписка С. И. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ с сообщением о прибытии в Новгород и отправлении к межевому съезду. Около 23 сентября 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 149–150.

ехали по деревням лишь со вступлением в должность князя И. А. Хованского¹.

Уже тогда, осенью 1617 г., видимо, с осенней распутицей возник фактический разрыв коммуникации Новгорода и Посольского приказа; еще хуже обстояло дело с сообщением между Посольским приказом и межевными комиссиями. Пока в Москве думный дьяк Петр Третьяков редактировал грамоту с выговором князю И. А. Хованскому, в Новгороде дьяк Третьяк Копнин, чью жену под Устрекой захватили «литовские люди», писал отписку о том, как были приняты и отправлены к местам службы межевые посольства С. Жеребцова и Г. Писемского. В отписке (отправленной от имени воеводы князя И. А. Хованского 25 сентября) утверждалось, что обе комиссии прибыли в Новгород 20 сентября (Жеребцов писал, что прибыл 18-го), они получили в помощь по 20 детей боярских, по 50 стрельцов, по 2 молодых подьячих и переводчика Тимофея Фанемина (того самого, которого, как утверждал ранее Жеребцов, еще князь Д. И. Мезецкий прикомандировал к посольству князя Ф. П. Борятинского). Кроме того, по словам новгородских властей, всем было выплачено жалованье, и все выехали из Новгорода водой по Волхову 21 сентября (Жеребцов сообщал, что ждал в Новгороде служилых людей до 23-го). Князь И. А. Хованский сообщал также, что отдал распоряжение (думаю, маловыполнимое в тогдашних условиях распада управления) о переписи имеющих у жителей судов по Волхову, по Ладожскому озеру и по малым речкам².

¹ Царская грамота (из Посольского приказа) в Новгород воеводе князю И. А. Хованскому с товарищами о немедленной посылке к С. И. Жеребцову остальных 13 детей боярских, не явившихся вовремя к межевому делу. 10 октября 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 151–152, 154, 159 (листы перепутаны).

² Отписка новгородского воеводы князя И. А. Хованского в Посольский приказ о расходовании денег на межевание и об указании переписать суда по Волхову и Ладожском озеру для межевых дел. Около 25 сентября 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 153, 155–158 (листы перепутаны).

Ратификационное посольство князя Ф. П. Борятинского обогнало всех, кто Посольским приказом и Разрядом в середине лета был отправлен из Москвы на службу в Новгород (и князя И. А. Хованского, и обе межевые комиссии), и первым столкнулось со скучавшими в Нотебурге шведскими послами, комиссаром Йоахимом Берндесом и его коллегами. Важнейшую роль в шведской комиссии играл Эрик Андерссон («Ирик Андреев», Eerikki Antinpoika), происходивший из финляндских пленных, бывший московский подданный, в 1614—1617 гг. служивший в Новгороде, несомненно важный эксперт в московских делах¹. Видимо, между комиссиями состоялась беседа: в своей отписке в Посольский приказ князь Борятинский писал, что необходимо скорее начать межевую работу, «чтоб пора не прошла и снега не запали». 5 ноября отписку князя Борятинского получили в Москве, после чего в межевые посольства были отправлены грамоты об ускорении встречи с шведскими комиссарами². Однако в момент написания в Москве этой грамоты С. И. Жеребцов уже несколько недель вел переговоры со шведскими комиссарами.

С первых дней переговоров шведская сторона выразила неудовольствие тем, как Т. Фанемин переводит содержание речей (думаю, что качество перевода вполне оценил знающий и русский, и шведский, а также, добавлю, — татарский, финский и немецкий языки, Эрик Андерссон). С. И. Жеребцов вынужден был оправдываться тем, что взятый в Москве переводчик с шведского языка в дороге заболел и был оставлен русскими послами в Тихвине, после чего и пришлось привлечь в качестве толмача Т. Фанемина (чьим языком был немецкий).

В эти дни, видя, что переговоры стоят и не сдвигаются с мертвой точки, шведы предложили С. И. Жеребцову сделку.

¹ Korhonen A. Eerikki Antinpoika. Porvoo, 1953.

² Царская грамота (из Посольского приказа) С. И. Жеребцову с товарищами о том, чтобы, сославшись со шведскими межевальщиками, начать скорее межевать линию границы. 5 ноября 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 164–165.

Берндес (и, видимо, Андерссон) повели разговор следующим образом: прежде де говорили «мы с вами многие розговорные речи, а ныне де станем говорити с вами тайно». После такой вводной обе стороны отослали второстепенных участников посольств. Берндес начал «тайный» тур переговоров со следующих слов: когда сношения между двумя странами велись при Карле Сёдерманладском и царе Федоре Ивановиче, тогда (видимо, в 1595 г.) между государствами возникли взаимоотношения дружбы, «и литовскому королю в те ж поры ещо стало нелюбо». Далее шведские комиссары вспоминали все хорошее, что король Карл IX сделал для Московского государства, и то, что все это явно не нравилось Сигизмунду III. Война между Россией и Швецией, собственно, и возникла в результате провала кандидатур Владислава Жигимонтовича и Карла Филиппа на московский престол, а заключение мира в Столбове «литовскому королю [...] стало за великую досаду», вследствие чего Сигизмунд предлагал Густаву Адольфу перемирие на 20 лет. Шведский король, по словам комиссаров, отверг предложения Сигизмунда и даже послал войско в Лифляндию «на недруга своего» и одержал там множество побед. Берндес утверждал, что Густав Адольф хочет жить в мире и союзе с царем Михаилом Федоровичем, а тут Жеребцов с товарищами не хочет сделать шаг навстречу шведам и начать размежевание границы! Заключал свою мысль Берндес важнейшим аргументом: если сейчас межевые комиссии разъедутся, то наш общий недруг, король Сигизмунд, узнает про разрыв «и тому порадуетца». На эти предложения шведов Жеребцов отвечал, что воспринимает сказанное как угрозу, и вспоминал, что совсем недавно Литва и Швеция вместе выступали против Московского государства. Чувствуя неприятие своей позиции, Берндес предложил: раз договориться не удастся, можно обменяться верительными грамотами и начать межевание. С. И. Жеребцов стоял, однако, твердо: «нам то их писом не надобет, а своего письма нам против того вам не дадим же».

Только в начале декабря Посольский приказ выписал новые верительные грамоты для посольства Жеребцова. В указе

из Посольского приказа уточнялся срок, в течение которого Жеребцов с товарищами соглашался ждать новых грамот из Москвы и Стокгольма. Посольский приказ в целом одобрил линию Жеребцова на переговорах. 11 декабря новгородец Василий Философов выехал из Москвы искать, где находятся межевые послы. Он вез с собой новые верительные грамоты. Видимо, осознав неудовлетворительное качество перевода Т. Фанемина, дьяки Посольского приказа велели переводить грамоты самому дьяку Ивану Льговскому¹.

С. И. Жеребцов жаловался в Посольский приказ на те затруднения в службе, которые возникли из-за плохого взаимодействия с новгородским воеводой князем И. А. Хованским. По словам межевальщиков, князь Хованский из 20 новгородцев, которых ему было предписано отправить на посольскую межевую службу, дал детей боярских «с меньших статей, бедных и бесконных, а не тех, которых выбрал было наперед того» посол князь Д. И. Мезецкий (такая апелляция к лучшему управлению Д. И. Мезецкого сквозит во многих отписках Жеребцова). То же писал Жеребцов и о 50 прикомандированных стрельцах: «и те, государь, все голодни и наги, а иные з голоду перепухли, и от голоду бредут розно». Но самое главное, Хованский не дал межевым послам «чертеж Новугороду, Иванюгороду, Яме, Копорью, Орешку, Ладогге, Кореле, и Сумерской волости, и Порхову, и роспись по чертежу». По его словам, отъезжая из Новгорода, князь Д. И. Мезецкий забрал эти ценнейшие документы с собой.

Однако князь И. А. Хованский, получив уже 7 января 1618 г. отповедь из Посольского приказа, нашел себе оправдание. По словам воеводы, прибыв в Новгород, он не застал там тех новгородцев, которые были включены в список назначенных к посольству, — некоторые разъехались в свои деревни, кто-то уехал жить в Тихвинскую округу, другие были отправлены

с воеводскими поручениями в разные места. Поэтому новгородские власти отправили в посольство тех новгородцев, которые оказались «под рукой» — находились в городе или жили близ будущего рубежа (тут князь И. А. Хованский ссылался на предписывавшую так поступать грамоту Посольского приказа, полученную 3 сентября). Объясняли новгородские власти и то, почему не назначили к межевой службе пришедших с князем Д. И. Мезецким из Тихвина ивангородских и копорских стрельцов. Их подозревали в ненадежности, так как в городах, которые отошли к Швеции, жили их жены, дети, родственники, «ис тех же, государь, стрельцов, послано было в то время на твою государеву службу в Порхов пятьдесят человек, а иные для твоего государева хлеба в Ладугу и в пятины. И тех, государь, стрельцов с твоей государевой службы ис Порхова изменили тебе, государю и збежали в Копорью три человека, и к моршалку о тех беглых стрелцах мы, холопы, писали». В целом князь И. А. Хованский отвергал обвинения С. И. Жеребцова, указывая, что всячески ему содействовал, отпустил с ним конных детей боярских, а тех, что бежали со службы, велели разыскать (и не разыскали до сих пор). Более того, князь И. А. Хованский выдвинул встречные обвинения в отношении Жеребцова, уличая его во лжи, когда тот пишет, что часть прикомандированных к посольству дворян разъехалась по деревням.

С. И. Жеребцову в ходе межевания удалось доставить одну из своих грамот в Новгород. Она достигла города 24 ноября (день, когда межевальщики вышли к р. Луга), видимо, будучи отправленной откуда-нибудь из района оз. Велье, в Новгород ее привез подьячий Андрей Коломский¹. Позже, уже из Ложголова, Жеребцов вновь посылал в Новгород с отписками: 14 января — подьячего А. Коломского, 18 января — сына боярского Кирилла Баранова. Но Жеребцов ждал в ответ присыл-

¹ Царская грамота (из Посольского приказа) С. И. Жеребцову с товарищами о посылке к ним новых верящих грамот. 11 декабря 1617 г. // РГА-ДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 211–215.

¹ Отписка новгородских воевод князя И. А. Хованского, М. А. Вельямина и дьяков в Посольский приказ о том, что они дали С. И. Жеребцову людей и корма по государеву указу. Конец января 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 282, 284, 283, 285.

ки новых людей и жаловался в Посольский приказ, что никто из посланных не возвращается к нему, и далее перечислял: 20 ноября уехал в Ладогу с подводами и не вернулся Темир Печенегов¹, 8 декабря уехал в Новгород с отписками Никита Супонев, «и тот Микита из Новагорода взял жену да поехал в Гускую волость к тестю своему ко князю Михайлу Кропоткину»²; 6 января Жеребцов послал в Ладогу на подводах Михаила Рындина для того, чтобы передать отписки, а также взыскать прогоны с не вернувшегося Темира Печенегова: «и тот Михайло, не ездя в Ладогу, поехал к себе в поместье и подводы взял с собою ж»; уже упоминавшийся Кирилл Баранов, отдав отписки в Новгороде, поехал в Ладогу, а не к посольству. Жеребцов жаловался в январе 1618 г., что «вперед... посылати нам детей боярских не мочно, ково куда пошлем, и они назад не ворочаютца». Он опасался, что, по их примеру, и остальные новгородцы разъедутся по домам³. Однако, когда действительно возникла серьезная опасность военного нападения, князь И. А. Хованский тут же сообщил о ней межевым комиссарам.

Писал С. И. Жеребцов и о малой помощи, полученной им от ладожских воевод В. Ф. Неплюева и В. И. Змеева. Существовали и иные многочисленные трудности в обеспечении

¹ Переживший в Ладого все Смутное время (Расспросные речи сына боярского Водской пятины Мамлея Сабурова перед послами князем Д. И. Мезецким с товарищами в Тихвине. Без окончания. Не ранее 10 августа 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 8. Л. 450, 453–455).

² Надо понимать, что «Гусская волость», куда Никита Супонев уехал после того, как привез в Новгород отписки, — это Гусская волость Владимирского уезда, частично розданная в поместья новгородским детям боярским, отличившимся под Тихвином в 1613 г. Ср. например: «Воцкие пятины. Дворяне и дети боярские на Тихвине Гуские помещики. 500 чети. Клементей Романов сын Гурьев» (Десятня беспоместных тихвинских сидельцев. 1615 г. // РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 125. Л. 31).

³ Отписка С. И. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ о том, что дети боярские от них разъезжаются, об известиях о литовских людях в Новгородском уезде и о предложении шведских межевальщиков встретиться на Осиновой Горке. 1 февраля 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 291–293.

посольства. По отписке Жеребцова, шведские комиссары смогли собрать до 40 человек порубежных попов и крестьян. Дети боярские, посланные в окрестные с местом первого межевого съезда деревни, смогли отыскать только пятерых крестьян, да и те вскоре с Лавуи сбежали; подвод же они не нашли вовсе. В результате участники русского межевого посольства поехали вдоль границы на своих «лашаденках», а люди пошли пешком. «А которые дети боярские ноугородцы посланы с нами, да и старожилцы, которые были на Москве, сказывают, что до Сумерские волости порубежных живущих мест на твоей государственой стороне нет, и подвод и на прибавку людей взяти негде».

В ходе первого этапа переговоров вскрылось еще одно обстоятельство, не учтенное во время Столбовских переговоров. Крестьянин князя Ивана Мышецкого Матюшка Комаров, находившийся при послах, сообщил им: «...есть де на озере на Ладожском остров Зеленец, от устья реки Лавуи десеть верст, а имали с того острова оброк на Ладожской на Михайловской порог на реке на Волхове шестую рыбу да с ловцов по два алтына с человека, и тот де остров Зеленец ныне приворачивают немцы к Орешку, а называют ево Орешковским уездом»¹. Жеребцов приказал провести сыск об этом острове в селе Кобона, у крестьян-рыболовов, «которые на том острове рыбу ловят». Крестьяне показали, что «до неметцкого владенья давали тот остров на оброк из Новагорода, а оброк с него имали на ладожской на Михайловской порог, а в старину де того оброку сходилось, коли ловцов было много, бочек по осьми, а иногда и меньши. А Ладожского или Ореховского уезду тот остров, того они не ведают». Тут же возник первый спор русских и шведских межевальщиков, питаемый свидетельствами старожильцев: старожильцы со шведской стороны утвержда-

¹ О спорном острове Зеленец, который московский царь не велел уступать шведам, писал и Ю. Видекинд (*Юхан Видекинд*. Указ. соч. С. 481). Надо сказать, что переводчик шведского текста Видекинда А. М. Александров перевел это место как «ни в коем случае не уступать селения (Selentze) Holmar». Однако несомненно, что «Selentze Holmar» — это именно «Острова Зеленцы».

ли, что остров Зеленец относится к Лопскому погосту. Опираясь на эти сведения, шведские комиссары патетически заявили: если только шведы хотя один остров того погоста уступят — тогда «и Орешка и Соломенского погоста поступятца». Обратившись к тексту договоренностей в Столбове, обе стороны поняли, что в них ничего не говорится о межевании Ладожского озера. Однако данная ситуация создавала еще один важный прецедент: спор старожильцев друг с другом. Шведы предложили в дальнейшем, если такие споры будут возникать вновь, «и наши де и ваши старожильцы меж себя учили б веру, как бывал наперед сего: хто болши между знает, и он возми з земли дерн и положи себе на голову, да и землю отводи». К такому повороту Жеребцов с товарищами оказались не готовы. Они запросили Посольский приказ и о спорном острове в Ладожском озере, и о возможности применять клятву «одернованием» при разрешении споров¹. Посольский приказ и здесь поддержал С. И. Жеребцова, особенно в части отстаивания прав на остров Зеленец, рекомендуя использовать в качестве доказательства новгородские писцовые книги. Остров было разрешено уступить шведам только при угрозе разрыва переговоров, первоначально предложив разделить его пополам. В случае же возникновения противоречий в позициях старожильцев Посольский приказ разрешал оба вида клятвы — и крестоцелование, и одернование. Варианты клятвы специально обсуждались в Посольском приказе, который вынес решение: «...о спорной земле старожильцам давати ве-

¹ Отписка С. И. Жеребцова в Посольский приказ о том, что посланные с ними дети боярские и стрельцы не способны к межевальной службе, в Ладоге им не удалось получить нормальных подвод и о спорном острове Зеленец в Ладожском озере. Около 23 октября 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 223–230. Одернование — обряд, указывающий на архаичность локальных народных представлений о границе, по всей видимости, был подсказан консультантами фильма Аннги-Юсси Аннилы «Сауна» («Sauna», 2005), где карельские (или финские?) крестьяне приносят присягу, неся на голове дерн, но одновременно — целуя православную икону.

Размежевание в районе Ладожского озера

лено на душу з жеребья крест целовати или, дерн положи на голову»¹.

Вопрос об одерновании, как о действительной клятве, идентичной крестному целованию, поднимался не только на «ижорском», но и на «корельском» участке границы. Посольский приказ в 1620 г. указывал межевому послу Н. В. Вышеславцеву: «...а будет спор и сыскать будет не мочно, и в тех местех давати старожильцом жеребьей, а жеребья старожильцем давати веру и отводити земли и угодья с нашей стороны с образом и з дерном по земляному обычаю, а з государя их стороны, будет в их сторону жеребей выйметца, отводити их старожильцам руским людем с образом же и з дерном по земляному обычаю, а немцом с евангельем и с клятвою, а в самых больших спорных землях с нашей стороны целовати нашим старожильцем крест, а с ко-

¹ Выписка из наказа, данного С. И. Жеребцову с товарищами, о семи погостах, в которых были розданы поместья новгородцам при царе Федоре Ивановиче. Около 11 декабря 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 238.

говоров в тех семи погостах Копорского уезда жили новгородские помещики. Но после утверждения князем Д. И. Мезецким и Я. Делагарди текста Столбовского договора «те дети боярские ноугородцы захотели ити ко государю, а королю служить не похотели, и Яков де Пунтосов тот же час велел тех детей боярских ноугородцов ис Копорского уезду ис тех семи погостов из их поместий выслати вон». Таким образом, любые претензии Москвы на эти погосты, по логике шведов, не имели под собой никаких оснований.

Однако это не вполне так. Попытка московской стороны пересмотреть Столбовские договоренности и укрепить за собой еще и семь копорских погостов опиралась на следующую последовательность аргументов. По Плюсскому перемирию 1583 г. Копорье, Ям и Ивангород с уездами удерживались шведами. Известно довольно мало о том, как управлялась эта территория в течение семи лет шведской власти (хотя в коллекции *Baltiska Fogderäkenskaper* есть некоторые не введенные в научный оборот источники, могущие пролить свет на этот вопрос). В любом случае после отвоевания русскими уездов Яма, Копорья и Ивангорода в 1590–1591 гг. их земли пошли в раздачу помещикам без учета прежних владельческих прав, т. е. с нуля, как на новозавоеванной территории. Яков Боборыкин и Федор Витовтов в феврале 1616 г. говорили об этом в Посольском приказе: «А Копорья уездом болши к Орешку и живущее и земля лутче, а к Новугороду Копорской уезд близко помещиковыми землями, а не дворцовыми селы. А дворцовые села от Новагорода далече, верст за сто и болши, то звали Копорским уездом. А помещиковы земли от Копорья приписаны к Новугороду и называют Новгородским уездом, и ведали к Новугороду, а х Копорье помещиковых земель не ведают»¹. Таким образом, по непредвзятому мнению новго-

родцев, эти территории после войны 1590–1593 гг. перешли в Новгородский уезд.

Тут произошел еще один конфликт между старожильцами о принадлежности пустой деревни Кондуи: шведские утверждали, что она относится к Ярвосольскому погосту, а московские (человек Ивана Секирина Олешко Назаров) — «что прямой меже быть выше той деревни», а сама она относится к Ильинскому Тигодскому погосту, написана в нем в писцовых книгах, а размер ее пашни составляет 2 чети с осьминой¹. Назаров сказал, что если Кондуя отойдет шведам, то от Московского государства будет отторгнута земля Ильинского Тигодского погоста «лесу черного пашенного и непашенного, гарей и ржавцов и болот и мхов чистых вдоль и поперег на четыре версты». Жеребцов предложил шведам свериться с писцовыми книгами. Шведы отвергли это предложение, ссылаясь на то, что в записях Столбовского договора было записано «сыскивать меж старожильцов, а не книгами», и впервые предложили: пусть старожильцы либо крест целуют, либо дерн на голову кладут. Московские комиссары, считая обе эти меры крайними и чрезвычайными (ведущими к возможному греху клятвопреступления), отказались. В отписке в Посольский приказ Жеребцов писал, что без специального царского указа не посмел принуждать старожильцев к такой крайней мере, ставя в один ряд и крестоцелование, и одернование.

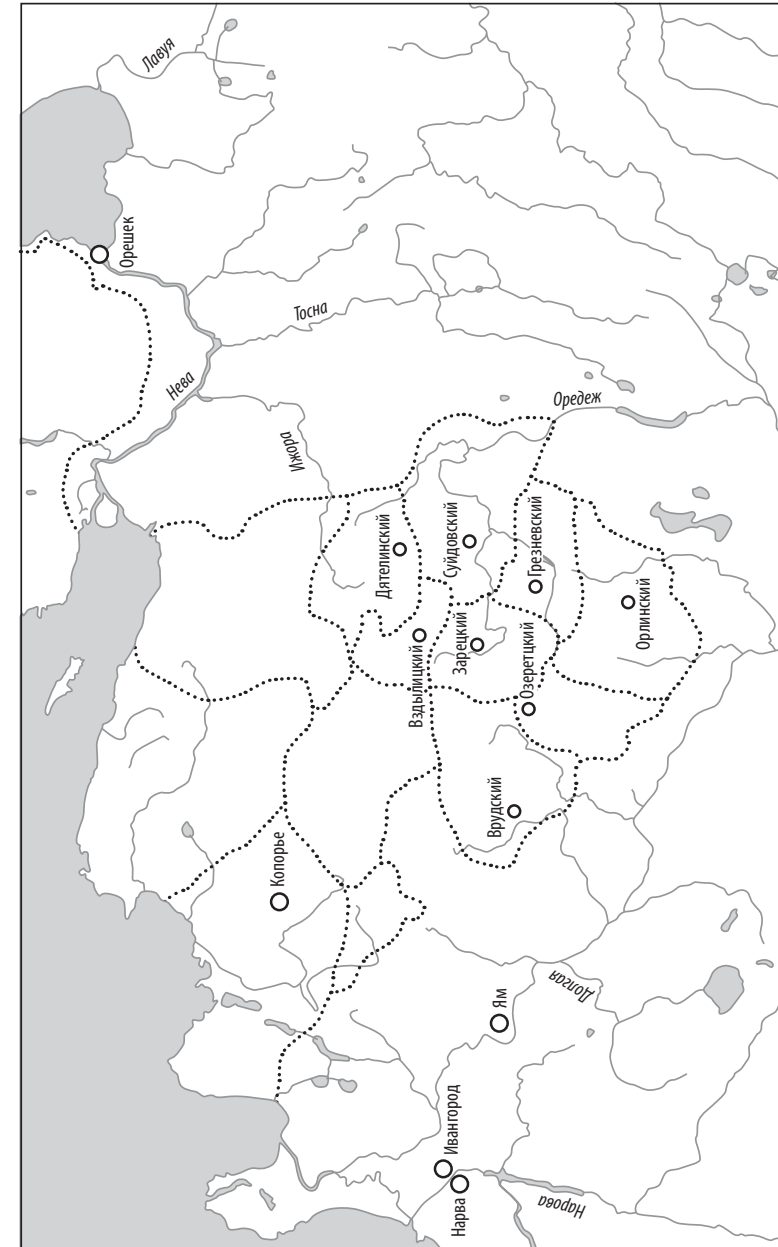
Пройдя спорную пустошь, послы двинулись дальше: «...проходчи то место, пошли прямою старинною межею от Лезенского мху верст с шесть до Ноугородцкой и Орешковской дороги, а от тех мест пошли новою межею по Орешковскому и по Копорскому уезду». И так они шли этими уездами 204 версты до пустоши Липово и, что составляло предмет особенной гордости С. И. Жеребцова с товарищами, «на тех на двусот на четырех верстах захватили Орешковсково и Копорсково уезда

¹ Расспросные речи Якова Боборыкина и Федора Витовтова в Посольском приказе о расстояниях в Новгородской земле. Не ранее 10 — не позднее 21 февраля 1616 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1616. Д. 3. Л. 181, 183, 182, 184 (листы перепутаны).

¹ Об этом случае Видекинд также писал как о следовании русскими межевальщиками конкретной инструкции Посольского приказа (*Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 481*).

к Ноугородцкому уезду в ширину верст на семнатцать, а в ыном месте на десять и на восемь, а инде и менши». Шедшие с межевальщиками русские старожильцы говорили московским послам, что старожильцы шведской стороны «по тому месту меж не знают», и обе комиссии шли по пути, указываемому старожильцами русской стороны. От пустоши Липово до реки Луги, где линия границы начиналась с местности Посестрина Гора, оставалось 20 верст. В этом месте старожильцы шведской стороны «начали обходить Ноугородцкого уезда Дремятцкого погоста две деревни, деревню Бежаны да деревню Муравейно, а в них в обоих деревнях живущих четыре дворы». Жеребцов, с подачи своих «знатцов», указывал на это шведским комиссарам, которые вновь предложили прибегнуть к клятве; в результате, и эти две деревни на время остались спорными. Дальше еще 50 верст обе комиссии шли по реке Луге без спора до приграничной д. Сторонье, расположенной в Сумерской волости. Русское посольство остановилось недалеко от межи в д. Ложголове, а шведы пошли в Ямгород.

До Ложголова межевые комиссии дошли к середине декабря 1617 г. (примерно в то время, когда из Москвы с грамотами выехал Василий Философов). 15 декабря в русский посольский стан приехал Э. Андерссон с предложением встретиться на р. Луге. На съезде шведы напомнили, что перед началом межевания, на Лавуе, комиссии договорились ждать новые грамоты из Москвы шесть недель, до 1 декабря. Этот срок прошел уже двумя неделями ранее, миссия межевых послов близилась к завершению, и у шведских комиссаров возник вопрос: собирается ли русская сторона подписывать с ними договор («докончание») о межах? На это Жеребцов резонно заметил, что шведы также не получили новых верительных грамот от короля Густава Адольфа. Тут Э. Андерссон стал вновь предлагать обменяться старыми грамотами, подписать договор о границах и разъехаться. Жеребцов же твердо стоял на своей позиции: у русских межевальщиков есть полномочия ехать до последней точки границы, но подписывать соглашение они не будут, пока оба посольства не получат новые верительные грамоты (известно,

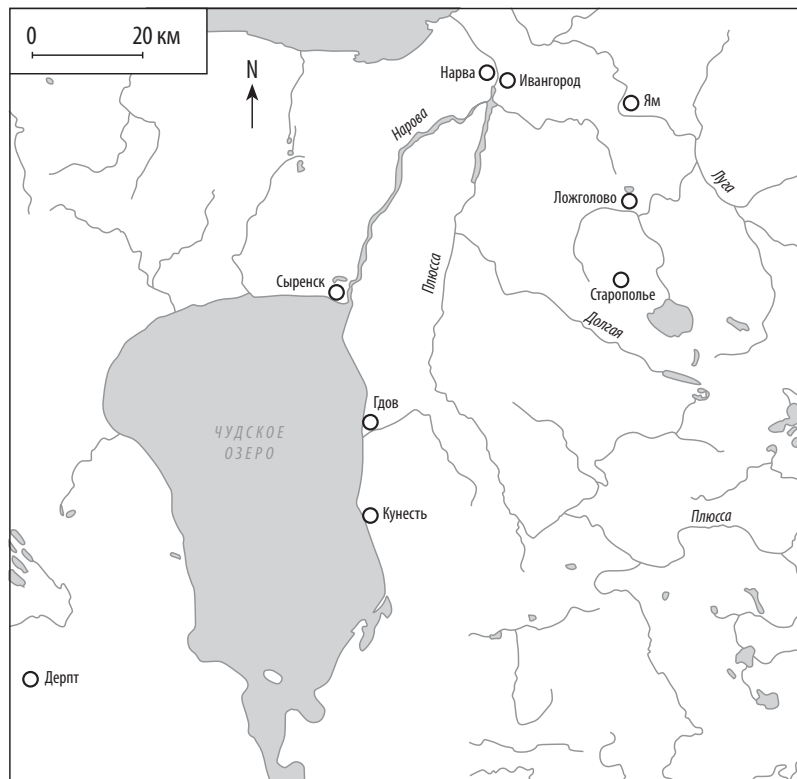
Семь спорных копорских погостов

что к 15 декабря Василий Философов с грамотами уже 4 дня как ехал из Москвы в сторону жеребцовской миссии). Тогда же, 15 декабря, русская комиссия озвучила ориентиры на последнем участке границы, так, как об этом было записано в договорных записях в Столбово (и потом сформулировано в посольском наказе): Крутым ручьем от Луги к Пяте, от Пяты в Плюссу, от Плюсы в Нарову.

Однако Э. Андерссон в очередной раз выступил с секретным предложением. По словам Жеребцова, шведские комиссары «говорили затейные речи и умышленьем: старинная де межа Ямскому и Ивангородскому уезду меж Сумерские волости и Гдовского уезда от Луги реки Долгою рекою вверх, а от Долгие реки на Поля и на Иссад к Петру и Павлу и до Чюцкого озера к их же немецкому городу к Сыренску, а Долгая, государь, река идет из Сумерские волости и захватили тою Долгою рекою треть Сумерской волости з живущими деревнями, а Гдовского уезда захватили от Ъванягорода помесных и монастырских земель живущих мест на тритцать верст, а Нерова река вышла из Чютскова озера и шла до устья Плюсы реки по меже Гдовского и Ругодивского уезда, и рыбная ловля по Нерове реке словет Скамья, а ловят исстари псковские и гдовские рыбные ловцы пополам с ругодивскими да с сыренскими ловцы». Заметно, что в этом случае шведская сторона также начала ловчить и предлагать пересмотреть уже достигнутые в Столбове договоренности. Жеребцов, для которого такие предложения были неприемлемы, апеллировал к прежним разграничениям по Плюсскому перемирию 1583 г. и по Тявзинскому миру 1595 г. Но Э. Андерссон утверждал, что шведские комиссары не помнят досконально условий переговоров на Плюссе и Тявзинских договоренностей, а в договоре в Столбово четко написано: уточнять линию границы у старожильцев, притом что их старожильцы указывают, что «прямая» линия границы именно такая, как они говорят, — по реке Долгой и далее на Иссад. Здесь дело дошло до очной ставки: шведские комиссары представили «русских ямских крестьян», а московские — своих; перед ними положили межевую

роспись и чертеж. Согласно Жеребцову, шведские «знатцы» говорили «по их наученью их речи, блюдяся их, а они сами росписи и чертежи наши смотрели ж и говорили: токо де по вашей росписи и по чертежи меже быти по Плюское устье, и у Ивана де города и уезду не будет и дров сечи негде, и городу де как без уезду?». Однако шведская аргументация от того не усиливалась, и шведы сами отказались от проведения очной ставки — старожильцев было велено «выслать из избы вон». Примечательно, что здесь, в Ложголове, в середине декабря 1617 г. Э. Андерссон с товарищами прибег к тем же самым аргументам, что использовали шведские послы (прежде всего Я. Делагарди) во время переговоров 1615–1617 гг. Без свидетелей (крестьян-старожильцев) он напомнил русским межевальщикам о больших убытках, которые понес король во время длительной войны в Московском государстве и затем, во время долгого достижения мира — через переговоры на Песках и в Столбове и до межевых съездов осени 1617 г. (Жеребцову припомнили и четыре месяца ожидания шведами русских межевых послов на Лавуе). Наконец, Э. Андерссон предложил С. И. Жеребцову комбинацию: если тот согласится подписать договор о границе прямо сейчас, то шведы согласны провести расследование, как действительно проходит граница между Ивангородским и Гдовским уездами (сиречь, соглашаются на тот вариант, который был в наказе у русского посольства). Если же русские предлагают ждать, пока грамота дойдет из Москвы, то шведы будут настаивать на своем варианте границы. Можно предположить, что готовность шведов перенести будущую границу ближе к Чудскому озеру как-то соотносилась с одним из проектов территориальных претензий, высказанных королем Густавом Адольфом еще во время Дедеринских переговоров. Король тогда, в письме из лагеря под Псковом, наказывал своим уполномоченным не настаивать на уступке Гдова, но «назначить границу близ Пейпуса, между Гдовом и Вестер-Нарвою или Нишлотом»¹.

¹ Лыжин Н. П. Столбовский мир. С. 57.

Спорные земли в междуречье Плюсы и Наровы

Выслушав позицию Э. Андерссона, С. И. Жеребцов пообещал, что пошлет немедленно гонца в Москву, дабы поторопить присылку грамот, однако настоял на том, что без получения новых полномочий не может подписать договор. Вероятно, шведы были готовы к такому повороту событий и выставили кратчайшие сроки подписания пограничного соглашения: Рождество или, в крайнем случае, Крещение (т. е. не позднее 6 января 1618 г.). Другим аргументом шведов в пользу скорейшего подписания договора было то, что без соглашения о границе Г. Стенбук не может ратифицировать Столбовский мир в Москве.

Но на этом не завершилась интрига переговорного дня. Э. Андерссон использовал аргументы внешнеполитические. Он обратился к московским послам с такой речью: «Вы де от нас вести, что вас у от Литвы делается, таите, а у нас де из Литвы вести ежечасные, потому что лазутчики наши ходят в Литве и в Польше беспрестанно, и что у литовского короля делается в полате, и то у нас ведомо. Хотя вы что от нас и таите, ино мы вам скажем, литовской де королевич пошел к Москве и Дорогобуж и Вязьму взял¹, и стоит де ныне в Вязьме, только мы тому не радуемся, что королевич ныне у государя вашего города емлет, и слышим, что он идет к Москве одною дорогою, а ещо бы де нам слышети, чтоб ему от Москвы бежати тысячма дорогами, и тому де бы мы стали радоватца». Надо сказать, что это было тонко исполнено: и угроза, и доброжелательность высказывались одновременно. Жеребцов, впрочем, отверг достоверность известий о столь страшной угрозе Москве (а в речи Э. Андерссона, отметим, ничего не прозвучало, к примеру, об известном рейде Сагайдачного через Северские города на Москву). По словам Жеребцова, русские послы ничего не слышали про поход Владислава под Москву, слышали только, что «литовские люди приходили немногие и государевы люди их побили». На том данный тур переговоров завершился².

Вероятно, именно к переговорам в Ложголове относится описанная шведским историком Юханом Видекиндом безуспешная попытка шведов использовать в качестве свидетеля в свою пользу Федора Аминева, уже пожилого «байора»,

¹ Интересно, как этот эпизод переговоров передан у Ю. Видекинда: еще при подходе к Лавуе посольства Г. Стенбука шведы были в курсе того, что Дорогобуж сдался Владиславу 11 октября, а Вязьма — 29 октября. Позднее, 23 ноября, «русский боярин» сообщает шведам эти известия, склоняя их объединиться перед лицом общей угрозы (Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 454, 456).

² Отписка С. И. Жеребцова в Посольский приказ о том, как шло размежевание, о спорных местах и о своем ожидании в Ложголове верительных грамот. 4 января 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 239–249.

с 1609 г. сотрудничавшего с ними и включенного еще в мае 1617 г. в состав шведской межевой комиссии. Тот, как писал Видекинд, однако, утверждал вместе с другими русскими, что «король Юхан III никогда не владел Плюссой, ни в военное время, ни во время перемирий»; что в военное время крестьян иногда принуждали платить налоги и Ивангороду, и Гдову¹. Эти сведения соотносятся с данными шведских мантальных книг, составленных в 1585 г. для Гдовского уезда, который, согласно перемирию 1583 г., должен был быть возвращен Московскому государству².

Только 29 декабря шведы прислали из Ямгорода в Ложголово королевского дворянина Герта фон Унгерна узнать, не доставлен ли русским уполномоченным указ из Посольского приказа. Ожидавший с не меньшим нетерпением грамот из Москвы С. И. Жеребцов довольно нервно отвечал, что думает, будто гонец с грамотами из Москвы отпущен уже давно (вспомним, что В. Философов действительно уже третью неделю ехал к нему из Москвы), «нечто будет на дороге рознемогся или какая над ним поруха учинилася». Фон Унгерн передал ему прежнюю позицию шведских комиссаров: ждать только до Крещения.

Не имевшее известий из Посольского приказа посольство С. И. Жеребцова оказалось в начале января 1618 г. в Ложголове в очень тяжелом положении. Оно не могло часто посылать гонцов в Москву (и в Новгород, соответственно), глава посольства жаловался на недостаток подвод: вся местность вдоль будущей границы была разорена и посольство передвигалось на собственных лошадях. Жеребцов в очередной раз жаловался и на отсутствие поддержки со стороны местной власти: ладожские воеводы В. Ф. Неплюев и В. И. Змеев отказывались давать подводы; они не дали подвод даже посланному в Москву Василию Философову, а посылаемому с новыми отписками стрелецкому

¹ Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 482.

² Подробнее: Селин А. А. Новые источники по истории Гдова и Гдовского уезда кон. XVI — нач. XVII вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли 2001–2002. Псков, 2003. С. 143–150.

пятидесятнику М. Судоплатову послы выделили свои личные деньги для покупки лошади¹. Посольству было очень неудобно в Ложголове: поблизости находились занятые шведами крепости — Ивангород, Ям, Гдов, неподалеку — «литовские города Юрьев Ливонский и иные». В условиях возобновления военных действий с Литвой у послов возникало острое беспокойство о собственной безопасности, в Ложголове «крепости никакой нет... от приходу литовских людей и от черкас укрепиться нечем». При этом из посланных с посольством 50 московских стрельцов 9 человек сбежали «от бедности»². В другой челобитной Жеребцов с товарищами вновь жаловались, что прикомандированные к ним дети боярские «даны из Новагорода с меньших статей, а иные были и в воровских казаках». Все, кого посылали с отписками в Новгород, Псков и Ладогу, назад не возвращались; к 4 января дворян осталось всего 15 человек. Перед началом посольства корм стрельцам был выделен в Ладоге на два месяца — до 27 ноября, и уже больше месяца стрельцы жили без корма. Послы предпринимали усилия для того, чтобы раздобыть провиант. Добравшись к концу ноября до р. Луги, откуда было, видимо, чуть проще снестись с Новгородом, они отправили двух человек к воеводе князю И. А. Хованскому. Тот провианта не прислал, но посоветовал Жеребцову самостоятельно послать за кормом в Сумерскую волость (собственно, Ложголово, где больше месяца стояли послы, находилось в Сумерской волости). Жеребцов так и поступил, вызвав к себе волостных старост и взяв с них корм для посольства и свиты на месяц, с 27 ноября по 27 декабря. Однако, когда возникла необходимость в провианте на следующий месяц (с 27 дека-

¹ Отписка С. И. Жеребцова в Посольский приказ с запросом о титулах на межевых записях и с сообщением об оскудении посланных с ними дворян и стрельцов. 4 января 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 261–265.

² Отписка С. И. Жеребцова в Посольский приказ о том, как шло размежевание, о спорных местах и о своем ожидании в Ложголове верительных грамот. 4 января 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 239–249.

бря по 27 января), в Сумерской волости появились присланные из Старой Руссы (Сумерская волость после возвращения под власть Москвы подчинялась старорусским воеводам) рассыльщики Михаил Лизунов и Петр Корповский с стрельцами и с приказом от старорусского воеводы Якова Боборыкина не давать хлеб. Получив этот приказ, привезшие было послам хлеб сумерские крестьяне разобрали его обратно и «разняли» собранный хлеб между собой. Послы жаловались, что кроме как в Сумерской волости хлеб им взять неоткуда, так как они зажаты между отошедшими шведам Ямским и Ивангородским уездами и оккупированным шведами Гдовским уездом¹.

Январские отписки Жеребцова шли в Москву почти месяц. Только 27 января М. Судоплатов доставил их в Посольский приказ. Там поняли, что В. Философов не доехал до посольства к 29 декабря и, не имея о нем известий, отправили с М. Судоплатовым к Жеребцову еще один экземпляр верительных грамот (в приказе, вероятно, не исключали, что Философов вовсе мог где-то в пути пропасть вместе с грамотами).

В наказе С. И. Жеребцову посольский дьяк П. Третьяков повторял в основном те идеи, которые были сформулированы и в первоначальном посольском наказе: во всех спорных местах старожильцев приводить к присяге — «давать веру» (чего боялся на свою ответственность делать С. И. Жеребцов)². Требовалось настоять на «прямой меже» между Ивангородом и Гдовом, а также

¹ Отписка С. И. Жеребцова в Посольский приказ с запросом о титулах на межевых записях и с сообщением об оскудении посланных с ними дворян и стрельцов. 4 января 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 261–265.

² Апелляция к присяге старожильцев и ее приоритете перед письменными свидетельствами здесь и далее при размежевании в Карелии чрезвычайно важна. Такой принцип существовал и в других областях этого региона Европы. Так, А. Дзярнович пишет, что при проведении границы Витебского повета в 1541 г. присяга рассматривалась как вид доказательства, имевшего большое значение (Метрыка Вялікага Княства Літоўскага (1541–1542). Кніга № 560. Кніга перапісаў № 3 / Под ред. А. Дзярновіч. Менск, 2010. С. 47).

еще раз попробовать сохранить за Московским государством те семь копорских погостов: «однолично б те погосты и иные спорные места у свейских межевальщиков отговаривать в нашу сторону». Однако усердию С. И. Жеребцова отдавалось должное и ему предоставлялась известная свобода: действовать с шведскими комиссарами ему доверялось «смотря по тамошнему делу, и как бы нашему делу было прибыльнее». В случае же возобновления разговоров об опасности со стороны Владислава, от С. И. Жеребцова и его товарищей требовалось отрицать какие бы то ни было имеющиеся известия (впрочем, их в приказной грамоте и не сообщалось; так что межевое посольство оставалось в неведении относительно опасности для Москвы и Новгорода)¹.

Посольский приказ нашел многие требования Жеребцова справедливыми, в частности — непорядок в обеспечении межеевого посольства кормом и переводчиком. Приказ указывал Жеребцову настаивать на немецком языке шведского экземпляра пограничного соглашения. Со своей стороны, дьяки Посольского приказа сообщали Жеребцову, что написали в Старую Руссу грамоту «с опалой» о выдаче межевальщикам стрелецкого хлеба из Сумерской волости². Впрочем, в грамоте к Я. Боборыкину и дьяку И. Дубровскому не говорится об опале, а попросту указывается выдать стрельцам и старожильцам межевых послов хлебное жалованье на месяц (по осьмине ржи человеку)³.

¹ Царская грамота (из Посольского приказа) С. И. Жеребцову с товарищами о посылке еще одного экземпляра верящих грамот с указанием, как вести себя в спорных случаях, и побыстрее заключать межеевой договор со шведами. 31 января 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 251–259.

² Царская грамота (из Посольского приказа) С. И. Жеребцову с товарищами о том, как писать межевальные записи, и о кормах для стрельцов и старожильцев. 31 января 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 273–277.

³ Царская грамота (из Посольского приказа) старорусскому воеводе Я. М. Боборыкину и дьяку И. Дубровскому с указанием давать в Сумерской волости месячный хлеб и подводы для послов, посланных на межевание. 31 января 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 278–280.

В ходе переговоров с шведскими комиссарами обсуждались и технические вопросы написания соглашения о границе. Так, шведы отказывались писать свой экземпляр «харатьи» по-немецки, настаивая на шведском языке. В то же время в посольстве Жеребцова был, как мы помним, только переводчик Т. Фанемин, шведским языком не владевший (к 4 января посольство еще не получило указания дьяку И. Льговскому самостоятельно читать шведские тексты)¹.

31 января 1618 г. пятидесятник М. Судоплатов выехал из Москвы к послам через Новгород. Руководство Посольского приказа, видимо, осознало, что, утрачивая надежную и быструю коммуникацию с посольством, теряет над ним контроль. Судоплатов получил грамоту к воеводам городов, через которые он должен был проезжать, с требованием давать от города до города подводы и людей, чтоб ехал «здорово и бесстрашно»².

Между тем в январе обстановка, окружавшая посольство, стала совсем тревожной. По словам Жеребцова, литовцы воевали уже где-то близ Нарвы (слухи об этом в русский посольский лагерь доставили посланные в окрестности Яма лазутчики). В посольстве считали, что литовцы знают о русской межевой комиссии, стоящей в Ложголове, и вынашивают планы нападения («и посылка у них для нас была отряжена»).

11 января до посольского стана в Ложголове добрался наконец Василий Философов. Он, кроме всего прочего, привез долгожданные верительные грамоты из Посольского приказа. В тот же день состоялся посольский съезд, снова немного спорили о титулах грамот (шведы также предъявили новые, присланные из Стокгольма). Вопрос у русских межевальщиков возник с переводом

¹ Отписка С. И. Жеребцова в Посольский приказ с запросом о титулах на межевых записях и с сообщением об оскудении посланных с ними дворян и стрельцов. 4 января 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 261–265.

² Царская грамота (из Посольского приказа) из Москвы по городам боярам и всяким приказным людям до межевальщиков С. И. Жеребцова с товарищами о даче подвод посланному к межевальщикам М. Судоплатову. 31 января 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 281.

титула Густава Адольфа. В русском тексте было обозначено: «государь в Ижерской земле». Шведские комиссары утверждали, что так писать правильно: «А что на последках написано и государь в Ёжерской земле, и по нашему де по свейскому языку инако нельзя того написать». В результате комиссии разменялись грамотами с короткими титулами своих государей. При обмене грамотами выяснилось, что шведы предъявляют экземпляры, написанные по-шведски. За работу над ними сели два переводчика: с московской стороны — Тимофей Фанемин, а с шведской — Эрик Андерссон, гораздо более квалифицированный знаток языков и, главное, в отличие от Фанемина, неслучайный человек в посольстве. Время и место следующего съезда стороны долго обсуждали, ввиду ставшей реальностью литовской опасности. Фанемин ездил из Ложголова в Ям приглашать шведских комиссаров съехаться в д. Стороннее на Луге; шведы же предлагали вести переговоры в крепости Яма. Только 21 и 22 января состоялись новые посольские встречи на Луге. Шведы при этом всерьез опасались нападения: «...мы внове проведали, что недруги польские люди в Юрьеве Ливонском скопляются и приходу их на нас чаяти».

Наступал новый этап переговоров. Вся трасса границы была уже пройдена. Теперь оставалось снять все накопившиеся спорные вопросы и подписать соглашение о границе. Делать это все приходилось в обстановке военной опасности: нельзя было исключать внезапного рейда крупных сил Литовского государства на Новгород и Псков.

Среди дискуссий о спорных местах первая касалась местности в Ладожском озере — островах Зеленцах. Шведы отказались его уступать. С. И. Жеребцов говорил, что их отказ ведет к вражде, «нелюбью» между государями. Шведы стали клясться, что они об этих островах королю писали еще с р. Лавы, и королевская грамота пришла к ним вместе с новыми верительными грамотами. В этой грамоте король запрещал им поступиться Зеленцами. На это Жеребцов отвечал, что у него — царская грамота с таким же запретом, также полученная вместе с верительными грамотами.

Во время споров о Зеленцах в шведский посольский стан приехал гонец из Нарвы от Юлленгельма, сказавший, что у них

«вести не тихи, и моршалоки вам велел тот час ехать в город». Почти одновременно в русский посольский стан приехали дети боярские, посланные в разведку по гдовской дороге через Сумерскую волость. Они сообщили, что «по вестем и во Гдовской уезд по которой дороге литовских людей чаяти приходу от Юрьева Ливонского... в Сумерской волости в Старопольской сотне по гдовской дороге и во Гдовском уезде во всех деревнях крестьяне з женами и з детьми от приходу литовских людей розбежались, а чают приходу литовских людей от Юрьева Ливонского с часу на час». Везде царил паника.

Позже выяснилось, что у паники имелись основания. В одной из своих последних отписок в Москву С. И. Жеребцов с товарищами писал, что после разъезда с шведскими послами на Луге крестьяне и разные другие люди говорили послам, что действительно был послан отряд «поляков и русских воровских казаков пятьсот человек, а велено было им на нас прийти изгоном на съезд на Лугу реку, и как мы с Луги реки съезду поехали, и тем поляком весть учинилася, что мы с Луги реки поехали к Новугороду, и та де посылка воротилася назад». Тогда же в Гдове шведы поймали литовского лазутчика, который на пытке сказал: «...было той посылке, поляком и русским вором заставить нас на Луге реке на съезде»¹.

Прервав переговоры, шведские комиссары уехали в Ям и прислали в русский лагерь Э. Андерссона, сказавшего, что комиссары будут ночевать одну ночь в крепости, а потом поедут в Зарецкий острог и далее к Осиновой Горке, месту, где большая Ивангородская дорога пересекала будущую границу². Шведы

¹ Две отписки С. И. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ из с. Белая и с Осиновой Горки о ходе переговоров со шведскими посланными. 1 февраля 1618 г.; [не ранее 15 и не позднее 22 февраля 1618 г.] // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 294–312, 314, 318–320, 317, 315, 321–334, 336 (листы перепутаны).

² Отписка С. И. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ о том, что дети боярские от них разъезжаются, об известиях о литовских людях в Новгородском уезде и о предложении шведских межевальщиков встретиться на Осиновой Горке. 1 февраля 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 291–293.

предложили русским ехать туда же и все завершить одной неделей, после чего ехать восвояси.

Вскоре после 22 января Жеребцов со всеми служащими уехал из Ложголова ближе к Новгороду, в Будковский погост. Межевые послы выбрали для временного стана село Белое над Белым озером. Выбор места, несомненно, был связан с тем, что часть села принадлежала одному из самых активных участников посольства — Никите Тыркову. Отправленные 1 февраля в Москву из села Белого с Захарием Долгово-Сабуровым грамоты достигли Посольского приказа уже 19 февраля¹. Послы писали, что вынуждены были за свой счет нанять подводу для него от Будковского погоста до Устюжны².

30 января в Белое приехал Э. Андерссон, сообщивший, что шведские комиссары уже стоят в Зарецком острожке, а на Осиновой Горке «у них станы поделаны ж и избы поставлены». Русские послы выказали готовность также ехать к Осиновой Горке, только подготовив припасы. На следующий день, 31 января, С. И. Жеребцов получил от князя И. А. Хованского из Новгорода известие о том, что литовских людей видели в Лединках в 40 верстах от Новгорода, а оттуда «идти им по Псковской дороге, а та дорога к нам в встречу». Явно желавшие побыстрее где-нибудь укрыться Жеребцов с товарищами писали, однако, в Москву, что «не доверша государева дела, ни в которой город ехать не смеем, а от литовских людей боимся». Тогда же Жеребцов послал в Новгород за провиантом и фуражом: ни того, ни другого на Осиновой Горке найти было нельзя. Обстановка военной опасности внесла в шведский посольский лагерь не меньше нервозности, чем в русский: сравнительно легко соглашаясь в этих случаях на русский вариант границы, шведские комиссары ссылались на недостаток времени, предупреждая,

¹ Там же.

² Две отписки С. И. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ из с. Белая и с Осиновой Горки о ходе переговоров со шведскими посланными. 1 февраля 1618 г.; [не ранее 15 и не позднее 22 февраля 1618 г.] // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 294–312, 314, 318–320, 317, 315, 321–334, 336 (листы перепутаны).

«что польские люди воюют около Ругодива», и им некогда медлить с подписанием¹.

В первых числах февраля военная опасность стала особенно ощутимой. Жеребцов писал, что в один из этих дней к ним, в село Белое, «прибежал [...] Микитин крестьянин Тыркова Трофимко Иванов, а сказал, что он от литовских людей со псковские дороги ушел ис полону, а литовские де люди по псковской дороге от нас, где мы стоим, в тридцати верстах, и детей боярских и торговых людей ноугородцов и пскович многих побили, да и того де села, где мы стоим, крестьян побили ж, а иных в полон поимали, а спрашивают де литовские люди про воевод, где стоят воеводы». Таким образом, стало ясно, что и здесь целью литовских войск было захватить межевых послов, и русских и шведских. После этих известий С. И. Жеребцов начал движение под защиту стен Новгорода и дошел до Вяжицкого монастыря. Здесь от монастырских служек посольство узнало, что воевода князь И. А. Хованский выслал отряд против литовских людей, и те отступили к Старой Руссе. Тогда посольство приняло решение возвращаться в с. Белое, вынужденно отпустив в Новгород детей боярских, а также стрельцов, у которых закончился провиант. 8 февраля шведские комиссары прислали в Вяжицкий монастырь служилого татарина Ивана Исупова с грамотой «с пенми и з грозами», что русские комиссары уклоняются от переговоров. Шведы призывали к 10 февраля встретиться на Осиновой Горке².

Собираясь ехать на очередной тур переговоров, Жеребцов с товарищами отписали, однако, в Москву о том, что шведские комиссары торопят их с заключением договора о границе. При этом в соглашении от 11 января было прописано, что в верительных грамотах обеих сторон титулы государей должны совпадать слово в слово, на практике же этого не происходит. 5 февраля шведские комиссары прислали в русский посольский стан с грамотой служащего у них копорского сына боярского Григо-

¹ Там же.

² Там же.

рия Опалева. Комиссары писали, что русские уполномоченные медлят с межеванием, и звали их на съезд, грозя, что если те не приедут через четыре дня (видимо, 7–8 февраля), то Берндес с товарищами едут к королю. Жеребцов с товарищами послали в Зарецкий острог Никиту Тыркова сообщить шведским комиссарам, что русские межевые послы придут на Осиновую Горку к 10 февраля, но не могут подписать соглашения о границах, так как титулы государей в верительных грамотах не совпадают¹.

Князь И. А. Хованский действительно сумел отогнать от Новгорода врагов: «...послал на литовских людей дворян, детей боярских и казаков, и литовские люди, про то прослыша, побежали». На пути послов к селу Белому к ним вернулось 10 человек детей боярских, привезли стрельцам провиант на месяц, и 13 февраля С. И. Жеребцов со всей своей свитой двинулся назад, к Осиновой Горке. Не доходя трех верст до места съезда, послы послали Петра Судакова узнать, вернулись ли к Осиновой Горке шведы. 15 февраля состоялся новый съезд со шведами на рубеже на конях².

Призывая русских межевых послов на Осиновую Горку, шведы сообщали о предпринятых ими мерах безопасности: «А до съезду велели мы на своей стороне зделати острог и около острогу велели ров копати и крепости поделати, чтоб тут стоять нам от польских людей бесстрашно». В новопостроенный острог шведы намеревались, по их словам, привести до 300 солдат «с пушечными и другими запасами»³.

¹ Отписка С. И. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ из с. Белая о намеченной со шведами встрече на Осиновой Горке 10 февраля. 5 февраля 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 313, 316 (листы перепутаны).

² Две отписки С. И. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ из с. Белая и с Осиновой Горки о ходе переговоров со шведскими посланными. 1 февраля 1618 г.; [не ранее 15 и не позднее 22 февраля 1618 г.] // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 294–312, 314, 318–320, 317, 315, 321–334, 336 (листы перепутаны).

³ Там же.

На возобновившихся переговорах первым вновь встал вопрос о спорных островах Зеленцах. Шведские комиссары снова привели на посольский стан своих свидетелей — дьячка Лопского погоста¹ и крестьян. Те показали, что острова Зеленцы исстари, при царе Иване Васильевиче, были в поместье за князем Данилом Мышецким² — помещиком Лопского погоста, следовательно, относился к Орешковскому уезду и должен отойти к Швеции. Однако С. И. Жеребцов с товарищами резонно возразили, что спорный остров был не в поместье, «а имал тот остров князь Данило в дворцовом приказе на оброк», следовательно, указания на его уездную принадлежность отсутствуют. В качестве доказательства послы предъявили выписку новгородских дворцовых платежных книг, присланную на посольский стан воеводой князем И. А. Хованским: «Лета 7052-го году Ладож-

*Осиновая Горка.
Современная фотография*

¹ Это был дьячок Иван Борисов, начавший служить не позднее 1612 г. (Дозорная книга Корельской половины Водской пятины дозора М. З. Аничкова с товарищами. Без начала. 1612 // RA. NOA. Serie 1:39. С. 109) и продолжавший по крайней мере до февраля 1620 г. (Допросные речи В. А. Шамшева и дьячка Казарина Васильева в Новгородской съезжей избе о перебежчиках Иванке Дементьеве и Ивашке Казаринове. [Не ранее 17 — не позднее 20 февраля 1620 г.] // НИА СПбИИ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 58). По данным, любезно сообщенным А. И. Пересветовым-Муратом, в это время он был одновременно дьячком Лопского и Ярвосоляского погостов; Иван Борисов сопровождал комиссию в течение 7 месяцев. Он скончался к 1634 г.

² Вероятно, имеется в виду князь Данило Тимофеевич Мышецкий, помещик Лопского погоста с 1572/73 г. (Дело по челобитной о поместье князя Андрея Мышецкого. 6 июля 1613 г. // RA. NOA. Serie 2: 314. Л. 4–12).

ского присуду на Ладожском озере остров Марфинской Исаковы да остров Зеленец Казимеровской, а порожские прикащики емлют в осень рыбу осеннее ловли с лодки по дватцати сигов и отсылают в Новгород в дворцовой приказ». Но шведские свидетели отказались признавать такие свидетельства в достаточно резкой форме: мы де «книг не знаем», «шлемся из виноватых на крестьян Данила Мышецкого да на лавуйских крестьян». Они назвали имена возможных свидетелей, после чего послы договорились об очной ставке. Тут же С. И. Жеребцов с товарищами послал за перечисленными крестьянами детей боярских Андрея Сиверицына и Михаила Рындина с проезжей грамотой от шведских комиссаров¹.

На следующий день переговоров стороны договорились обсуждать спорную пустую деревню Кондую (на границе Ярвосоляского и Ильинского Тигодского погостов). В данном случае дело дошло до приведения свидетелей к крестоцелованию. Шведы представили 12 человек старожильцев Ярвосоляского погоста, которых представители комиссий повели к спорному месту. 16 февраля все они дошли до Кондуи, но когда речь зашла о принесении присяги, русские комиссары опротестовали представленных шведами свидетелей: произошла якобы их подмена. Это вызвало конфликт, шведы отказались дальше вести переговоры, «да рассердяся, почали прощатца»².

Другим важным спорным местом в переговорах выступали упомянутые деревни Бежаны и Муравейно, расположенные на правом берегу Луги, в среднем ее течении; они относились к Дремяцкому погосту Шелонской пятины, таким образом, по букве Столбовских договоренностей, должны были остаться в Московском государстве. Шведы достаточно легко отказались от претензий на эти деревни, не прибегая даже к приведению

¹ Две отписки С. И. Жеребцова с товарищами в Посольский приказ из с. Белая и с Осиновой Горки о ходе переговоров со шведскими посланными. 1 февраля 1618 г.; [не ранее 15 и не позднее 22 февраля 1618 г.] // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 294–312, 314, 318–320, 317, 315, 321–334, 336 (листы перепутаны).

² Там же.

старожильцев к крестному целованию. Русским межевым послам удалось настоять и на установлении границы Сумерской волости и Гдовского уезда с Ямским и Ивангородским уездами по своему варианту. Еще не окончилось посольство, а граница в этом месте была размежевана. Жеребцов писал в Москву, что сын боярский Семен Агапитов и «немчин Григорей» «по реке Пяте ходили, ямы копали, угольем засыпали, грани клали опчие бес спору»¹.

19 февраля 1618 г. сын боярский Никита Тырков, вернулся в с. Белое из Зарецкого острожка и сообщил московским межевым послам о согласии шведов на продолжение переговоров. В тот же день из Москвы со вторым экземпляром верительных грамот приехал стрелецкий пятидесятник М. Судоплатов. Тогда же, 19 февраля, произошел съезд межевых послов. На нем договорились о новом сроке на подготовку последних документов — с 22 февраля по 17 марта. Шведские комиссары заявили, что идут на это время в Копорье². Видимо, в эти последние дни продолжалась совместная работа переводчиков Т. Фанемина и Э. Андерссона над переводом шведских верительных грамот (они были составлены еще 1 мая 1617 г.), а также образцовой записи о границе, составленной в феврале 1617 г. в Столбове³. Примечательно, что именно в эти же дни в Посольском приказе был составлен указ послам заключить со шведскими уполномоченными договор о границах и с особым вниманием отнестись к написанию в нем царских и королевских титулов (этот договор повез к послам тот же З. Долгово-Сабуров)⁴.

¹ Там же.

² Там же.

³ Верительная грамота короля Густава Адольфа межевым комиссарам Й. Берендсу с товарищами. Перевод. 1 мая 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 337, 335, 338–342 (листы перепутаны); Шведская образцовая записка о межевании. Перевод. Февраль 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 343–348.

⁴ Царская грамота (из Посольского приказа) С. И. Жеребцову с товарищами о заключении межевого договора со шведскими уполномоченными и особом внимании к написанию в нем царских и королевских титулов. 20 февраля 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1617. Д. 9. Л. 349–354.

Демаркация границы в Карелии

Размежевание границы в Карелии проходило с очень большим трудом. Удаленность от центров (Москвы, Стокгольма, Новгорода, Або, Выборга) и, вследствие этого, трудность в коммуникации, неговорчивость основных участников межевых комиссий, намеренное затягивание переговоров — все это сопровождало размежевание в Карелии все четыре долгих года (1617–1621). Только проявленная центральными шведской и московской властями воля к завершению длительного процесса размежевания смогла привести комиссаров обеих сторон к долгожданному соглашению.

По договоренностям в Столбово размежевание в Карелии должно было начаться синхронно размежеванию в Ижорской земле: межевые посольства С. И. Жеребцова и Г. И. Писемского отправились из Москвы одновременно. Карельским межевальщикам требовалось провести линию границы от Ладожского озера, в том месте, где сходились Олонецкий погост с Соломенским погостом Корельского уезда, до Белого моря. Большие расстояния, малочисленность жителей — эти факторы, разумеется, не способствовали скорости подписания окончательного соглашения о размежевании.

25 октября 1617 г. у Варачева камня (Вариксенкиви¹) на берегу Ладожского озера начался процесс проведения границы. Русскую комиссию возглавлял дворянин Г. И. Писемский; шведскую — воевавший в Карелии в 1613–1614 гг. Ханс Мунк; в составе шведского межевого посольства находился также секретарь Андреас Буреус², известный впоследствии картограф.

В течение зимы 1617/18 г. комиссиям удалось провести межевание в южной Карелии. В своем отчете в Посольский приказ Г. И. Писемский писал, что русским межевым послам удалось отстоять многие спорные места, добавляя, что в ходе переговоров сам он понес большие личные убытки, потчюя шведских межевых

¹ *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648 гг.). Т. 2. СПб., 1894. С. 144.

² *Юхан Видекинд.* Указ. соч. С. 482.

Варачев камень. Современная фотография

комиссаров: «на свейских межевальных послов делали столы и их потчевали и соболи и лисицы черными покупаючи собою»¹.

В феврале 1619 г. Посольский приказ принял решение вновь отправить на Карельский рубеж Г. И. Писемского, Н. В. Вышеславцева и дьяка Ш. Копнина. 17 февраля об этом посольстве был издан царский указ с боярским приговором². Одновременно была послана грамота новгородскому воеводе князю И. А. Хованскому с требованием выдать жалованье участникам посольства и обеспечить их детьми боярскими и стрельцами³.

20 февраля межевые послы выехали из Москвы в Новгород. Шведская комиссия в это время уже находилась неподалеку от места межевого съезда. Послы ехали в Новгород по зимнему пути — через Ярославль, Углич, Устюжну и Тихвин. Путь к месту

съезда занял всю весну. 17 марта Г. И. Писемский с товарищами получил в Ярославле грамоту от шведских межевых послов. Руководитель шведской межевой комиссии Ханс Мунк прислал в Ярославль трубача с грамотой, в которой содержались очередные упреки русской комиссии в затягивании размежевания. Х. Мунк угрожал тем, что уже успел написать Густаву Адольфу жалобу, в которой обвинял русскую комиссию в намерении не передавать шведам спорные Порозерскую волостку и Реболы¹. Король приказал Мунку снестись с русскими межевыми послами и выяснить, предполагают ли русские отдать эти спорные территории Швеции; без такой отдачи дальнейшие переговоры о размежевании, как пересказывал Мунк указания короля, не имели смысла. Вместе с тем в письме русским межевальщикам Х. Мунк указывал, что как только граница будет проведена, ему приказано писать фельдмаршалу К. К. Юлленгельму, и тот распорядится отдать русской стороне Гдов. Лишь при соблюдении вышеизложенных предварительных условий шведские комиссары готовы были начать новый тур размежевания. Однако из Ярославля Г. И. Писемский с товарищами отвечал шведам, что результат обыска показал: Порозеро относится к Лопским погостам, а Ребольская волость — к Кольскому уезду. Русские межевые послы писали шведам, что двигаются в сторону межевого съезда и предложили произвести на месте совместный обыск.

Видимо, именно об упомянутом выше трубаче более чем через полгода вспоминали шведские комиссары: «...и притчею несчастьем, как наш гонец приехал блиско Устюжны и встретили его литовские люди, от которых он одва, сказал, ушел в Ладогу и тамо стоял, пока литовские люди мимо проехали, и опять поехал против его царского величества к межевальным послом, и встретил их в Переславле и кабы они тотчас ево туто ис Переславля отпустили бы назад к нам с отповедью и нам ведомо учинить про свой

¹ Выписка по челобитной дворянина Г. И. Писемского с товарищами в Посольский приказ о возмещении понесенных ими в посольстве расходов. Февраль 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 2. Л. 5–8, 13–16.

² Царский указ с боярским приговором о посылке Г. И. Писемского с товарищами на размежевание Новгородского и Корельского уездов. 17 февраля 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 2. Л. 1–3.

³ Царская грамота (из Посольского приказа) новгородскому воеводе князю И. А. Хованскому с товарищами о посылке на межевую службу подьячего В. Ф. Частого и 18 новгородских дворян. 20 февраля 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 2. Л. 9–12.

¹ Подробно об истории Порозера и претензий на нее шведской стороны см.: Жуков А. Ю. Волостной и церковно-приходской ландшафт центральной Карелии: Спасский Селецкий погост в XVI–XVIII вв. [Электронный ресурс:] URL: <http://www.pandia.ru/text/77/473/24906.php> (Дата обращения: 25.01.2018).

приезд и они то добро учинили, только они задержали нашего гонца у себя до тех мест, как они приехали по сей стороны Бела озера, и прежде как он от них к нам доехал, стало уже водополье, что нам до половоды нельзя было никуда ехать»¹.

Примерно через месяц, 20 апреля, комиссия Г. И. Писемского приехала в Лопские погосты. Остановившись в Семчезерском погосте, они писали Х. Мунку о своем прибытии на место и предложили встретиться 9 мая. Однако ответ русская комиссия получила только 23 мая, когда в посольский стан приехал переводчик Эрик Андерссон, завершивший к этому времени свою миссию в Ингрии. Вероятно насилу нашедший русскую комиссию, он передал межевым послам письмо Х. Мунка с просьбой дать знать, в какую именно пограничную деревню они пришли. Миссия Э. Андерссона также была направлена на выяснение точного места будущего межевого съезда. По словам русских послов, спорная Порозерская волость для такого съезда в летнее время не подходила, «потому что по рекам порогов много». Шведы же отказывались идти к Вепсручью (место, предложенное русской стороной), потому что туда невозможно доставить провиант и фураж. В тот же день в русский посольский стан прибыл ранее посланный к Х. Мунку Семен Мордвинов, сообщивший, что сам Мунк стоит в Шавенском городке (Нюшлот, Савонлинна), однако он там один, а других шведских комиссаров с ним нет. В ответе Г. И. Писемского содержался обычный для тех межевых переговоров упрек в неточности титула царя Михаила Федоровича (в грамоте Х. Мунка было только «Государя... послам»), а также претензия к шведским комиссарам, что их давно предупреждали о приходе русских межевых послов, им много писали с дороги, однако 9 мая никто не явился на съезд, да и 23 мая к размежеванию шведская комиссия оказалась не готова. Г. И. Писемский в очередной раз настаивал на Вепсручье как о месте съезда. Доставить же туда припасы в принципе, по письму русских послов,

¹ Грамота шведских межевых комиссаров Ханса Мунка с товарищами новгородскому воеводе князю Д. И. Мезецкому с подробным изложением хода межевых переговоров. Перевод. Не позднее 5 января 1620 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1620. Д. 2. Л. 69–104.

было вполне возможно, если везти их не напрямую от Нюшлота, а другой дорогой, к примеру через Шуозерскую волость (Суоярви), «а только б мирной договор исполняли и держали б накрепко и стоятельно, и запасы свои мочно было прислати им и по зимнему пути, зимней путь был долгое время».

Эрик Андерссон, видимо, обладал полномочиями на уточнение места переговоров. В тот же день он вернулся в русский посольский стан и устно предложил русской межевой комиссии все же съехаться в каком-нибудь другом месте, «а к Вепсью ручью им до зимы нейти». В качестве таких мест Э. Андерссон предлагал озеро Пилес в Иломанском погосте или где-нибудь в спорной Ребольской волости. Однако русские послы настаивали, что они идут на съезд «на рубеж к Вепсью ручью». Э. Андерссон с этим не соглашался. По его словам, шведские комиссары не могут подойти к этому месту ранее, чем зимой. От Вепсручья до спорной деревни Ребольской волости (д. Лендеры, где шведы предлагали съезжаться) около 200 верст, а до Порозерской волости — около 50. Сами шведы стояли в этой Порозерской волости. В своей отписке в Посольский приказ Г. И. Писемский так обосновывал свое упорство в выборе места для межевого съезда: местные старожилы утверждали, что предлагаемый русской стороной Вепсручей вполне подходит для межевого съезда, в отличие от других возможных пунктов он находится на границе и является действительно ничьей, не спорной землей (как Реболы или Порозерская волость, к примеру).

После переговоров с Э. Андерссоном русское межевое посольство 26 мая двинулось к Вепсручью, отправив в Москву об этом известие с сыном боярским Никитой Корсаковым, который прибыл в столицу только 18 июня 1619 г.¹ Через четыре дня Корсаков поехал в обратный путь с грамотой из Посольского приказа. В ней Г. И. Писемскому с товарищами указывалось не торопиться

¹ Отписка межевых послов Г. И. Писемского с товарищами в Посольский приказ о ходе переговоров со шведскими межевыми послами в апреле — мае 1619 г. Около 26 мая 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 2. Л. 85–90.

с переговорами. Спорные места межевальщики бы «отговаривали не торопясь, гладостью, чтоб с ними в межевом деле вершенье учинить, а торопости б не показати и говорить смело». Посольский приказ сообщал межевым послам о Деулинском перемирии с Польшей и Литвой на 14 лет, а также о том, что отец царя митрополит Филарет и другие пленные отпущены в Москву¹.

Видимо, приехав в Семечезерский погост, Г. И. Писемский запросил новгородские власти о возможных документах, подтверждающих принадлежность спорных участков в Карелии Новгородскому уезду. У самих межевых послов имелась полученная ими выпись из приходных книг новгородских Лопских погостов, в которой было написано: «Дикие Лопи погост Спаской Селецкой да к тому Селецкому погосту приписана по платежным книгам 96-го году Корельского уезду Валамского монастыря вотчины волостка Порозеро, и тое... Порозерскую волостку немцы хотят отмежевать х Корельскому уезду по Валамскому монастырю». Данный аргумент был схож с тем, который власти Посольского приказа рекомендовали применить в споре за семь погостов Копорского уезда, апеллируя к владельческой, а не административной принадлежности волостей. Видимо, неуверенные в таком аргументе послы просили у новгородских властей писцовые и дозорные книги Лопских погостов, «а для Ребольские волости прислати с писцовых книг Корельского уезду список» (в связи с тем, что шведские уполномоченные именovali эту волость частью Корельского уезда). Все, что смогли новгородские власти найти в архиве Новгородской приказной избы по Лопским погостам, — это подлинные платежные книги денежного сбора подьячих Неждана Луговского и Одинца Иванова 1587/88 г.² и дозорные книги подьячего Григорья Кобелева

¹ Царская грамота (из Посольского приказа) межевым послам Г. И. Писемскому с товарищами с указанием вести переговоры обстоятельно и с сообщением о перемирии с Речью Посполитой. 22 июня 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 2. Л. 91–94.

² Опубликовано: Книга сбора данных и оброчных денег с тяглою населения Лопских погостов. 1587/88 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. 1. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. С. 179–185.

1596/97 г.¹ Для Корельского уезда в Новгороде хранился только список с писцовой книги Дмитрия Китаева 1499/1500 г. 10 июня подьячий Иван Великосельский повез их из Новгорода в Семечезерский погост. Кроме документов он вез также 25 фунтов пороха и 25 фунтов свинца для стрельцов, сопровождавших межевальщиков².

Накануне начала межевых съездов 1619 г. возник конфликт по поводу состава межевых комиссий. В русскую межевую комиссию был включен новгородский подьячий Василий Частый, вероятно, сразу активно включившийся в работу комиссии и заявивший претензию на особенное место в ее составе. Это встретило серьезные возражения у шведских комиссаров. Василий Частый в 1611–1617 гг. служил в Новгороде, составлял многие документы, был, по всей вероятности, допущен к недрам приказной работы, возможно — принес присягу Густаву Адольфу³; и в любом случае сталкивался по приказной службе с Эриком Андерссоном. Ханс Мунк, апеллируя к тексту Столбовского договора, настаивал, что с обеих сторон должно быть по два дворянина и по секретарю (дьяку); таким образом, при наличии

¹ Опубликовано: Дозорная книга Лопских погостов. 1596/97 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Т. 1. С. 186–233.

² Отписка новгородских воевод князя И. А. Хованского с товарищами в Посольский приказ с сообщением о посылке межевым послам Г. И. Писемскому с товарищами платежных и дозорных книг, зелья и свинца. Около 10 июня 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 2. Л. 95–96.

³ Во всяком случае, он не ушел со службы после проведения процедуры присяги летом 1615 г. и сегрегации новгородского общества на тех, кто присягнул королю, и тех, кто отказался это сделать; нет В. Ф. Частого и среди тех, кто платил чрезвычайные платежи в 1615–1617 гг. Примечательно, что негативное отношение шведских комиссаров к В. Частому заметно и в «Истории» Ю. Видекинда. При составлении окончательного акта о размежевании в Карелии, велся, по словам шведского историка, «утомительный спор о форме», продолжавшийся до дня подписания, причем «русские представители, особенно хитрый подьячий, все время вставляли многочисленные оговорки и двусмысленные фразы, как будто бы им было велено при помощи подобных уловок тянуть дело как можно дольше» (Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 490).

дьяка Шестого Копнина вакансии В. Ф. Частому в официальном составе комиссии не находилось. Но Василий Частый тут же запросил Посольский приказ, настаивая на своем месте в межевом посольстве (что подразумевало, в частности, прописывание его имени в официальной корреспонденции между сторонами, что и вызывало протест шведской стороны). Г. И. Писемский, споря с Х. Мунком по этому поводу, утверждал, что текст Столбовского договора не следует здесь понимать буквально и наличие двух секретарей (дьяка и подьячего) не противоречит духу мирных соглашений. Он велел В. Частому быть на службе в посольстве, в чем «нарушенья мирному договору нет»¹.

Но шведская сторона пошла на скандал. 26 июня 1619 г. они вернули русскому посольству грамоту, не распечатав, потому как заметили там печать подьячего В. Частого, будто бы «для того, что видят... печать, и болши де того не надобно». Г. И. Писемский настойчиво повторил все вышеизложенные аргументы касательно участия В. Частого и снова вернул им грамоту, а В. Ф. Частый изложил все произошедшее в своей челобитной в Посольский приказ, прося специально определить свой статус в межевой комиссии². Грамота, посланная 13 июля в шведский межевой стан, где стояло имя подьячего В. Ф. Частого, была возвращена толмачом Бенгтом Матссоном, который, отсылая ее в русский стан через крестьянина, передал приказ Х. Мунка: «...приказано де, государь, ему того смотрети, в которых листех написано будет мое, холопа твоего, Васкино имя, и тех де листов приимати не велено»³. В царской грамоте, которая пришла на русский межевой стан 27 августа, было

¹ Отписка межевых послов Г. И. Писемского с товарищами в Посольский приказ о переговорах со шведскими уполномоченными в конце июля — первой половине августа 1619 г. Около 15 августа 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 2. Л. 133–137.

² Челобитная новгородского подьячего Василия Частого царю Михаилу Федоровичу с просьбой об указе о своем месте в посольстве и посольской переписке. Июль 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 2. Л. 103–104.

³ Отписка межевых послов Г. И. Писемского с товарищами в Посольский приказ о переговорах со шведскими уполномоченными в конце июля — первой половине августа 1619 г. Около 15 августа 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 2. Л. 133–137.

указано написать имя Василия Частого в составе официальной русской делегации. Шведы, однако, этому воспротивились: 7 сентября они отказались взять грамоту с именем Василия Частого, а 12 сентября толмач Матссон потребовал верительной грамоты Посольского приказа на имя Василия Частого¹.

13 июля Ханс Мунк прислал в русский межевой стан своих полномочных представителей — Йорана Ларссона («Юрья Лаврионова») и переводчика Бенгта Матссона («Вендю Матвеева»). Шведская сторона продолжала настаивать на том, что встреча посольств на Вепсручье невозможна. Г. И. Писемский в разговоре с представителями Мунка утверждал, что предложение русской стороны не является прихотью: граница от Ладожского озера до Вепсручья уже размежевана (кроме урочища Красные Сельги), и межевым комиссиям надо идти к Вепсручью или к Лембоярви; если же послушать шведских уполномоченных, то придется идти по меже дальше, оставив участок не размежеванным. Ларсен, впрочем, стойко отвечал, что Мунк ни в коем случае ранее зимы к Вепсручью не придет, и просит все же предложить какое-то иное место. Взаимное упрямство сторон привело к тому, что стороны договорились съезжаться на границе в ноябре или декабре, взаимно обвинив друг друга в затягивании размежевания. Г. И. Писемский сообщал в конце июля в Посольский приказ, что Старожилы Селецкого погоста сказали, что Савонная Тайбола, которую шведы считают частью Корельского (Кексгольмского) уезда, на самом деле — «государева земля», «Лопского Селецкого погоста Вонгорская волость», расположенная в 12 верстах от Воногоры, а Корельский уезд начинается оттуда в 5 верстах, волость же Корельского уезда Воткозеро находится в 4 верстах от границы. Однако от Вепсручья до этого места, по словам старожильцев, было еще 100 верст и даже больше².

¹ Отписка межевых послов Н. В. Вышеславцева с товарищами в Посольский приказ об отказе шведов допустить к межеванию Василия Частого. Не ранее 12 сентября 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 2. Л. 171.

² Отписка межевых послов Г. И. Писемского с товарищами в Посольский приказ с известиями о переговорах со шведами в первой половине июля 1619 г. Не ранее 13 июля 1619 г. // РГАДА. Ф. Оп. 1. Реестр 2. 96. 1619. Д. 2. Л. 128–129.

Посольский приказ, получив сообщение о том, что в середине июля стороны устно договорились начать межевой съезд в ноябре, указал русским комиссарам получить от шведов письменное заверение в согласии на ноябрьский съезд либо на Вепсручье, либо по крайней мере на Лембоярви¹. Эти указания дошли до межевальщиков только 27 августа 1619 г., когда русскую межевую комиссию уже возглавил второй дворянин посольства Никита Вышеславцев, который тут же послал в Иломанский погост к Хансу Мунку сына боярского Богдана Палицына. Вернувшийся 7 сентября Палицын сообщил, что Мунк из Иломанского погоста уехал. Он также высказал одному из шведских комиссаров² и секретарю Андреасу Буреусу прежнюю позицию русских межевых послов о возможных местах съезда. Те, в свою очередь, отказались ехать на предложенные два места ранее зимы и не взяли грамоту, в которой содержалось имя подьячего Василия Частого. Письменное обязательство прибыть на Вепсручей шведские межевые комиссары также не дали, обещав, однако, что придут туда, когда замерзнут дороги. Мунк же, по словам шведов, ненадолго уехал в Выборг и вскоре должен вернуться в шведский посольский стан.

Когда Богдан Палицын находился в шведском посольском стане, ему удалось поговорить со старостой Иломанского погоста Степанком-Краском Нестеровым, который (видимо, втайне от шведов) приходил к нему на подворье. Староста просил передать русским межевым послам, чтобы те не назначали съезд шведам «ниже Порозерские волостки», потому как шведы специально предлагают съезжаться на земле Лопских погостов «Вонгозерские волости на Савинную Тайболу», «умысля то, что им межа потори, в прошлом во 126-м году положили немцы без твоих государевых людей, оставя назад тем съездом утвердити, и то, государь, слышел он от немец». Действительно, шведы

¹ Отписка межевых послов Н. В. Вышеславцева с товарищами в Посольский приказ о переговорах со шведами в декабре 1619 г. Не ранее 21 декабря 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 2. Л. 199.

² Русские источники именуют его «Горгоньесом»; видимо, это — Георгониус Хенрикссон, один из подписавших 3 августа 1621 г. соглашение у Варачева камня.

предлагали встречаться либо между Кудималакшей и Колезмой, либо между Воногорой и Воткозером.

12 сентября посольство получило от шведов предложения провести переговоры именно в этих местах. Х. Мунк с другими комиссарами в это время уже выехали в деревню Колезму и запросили через своего толмача Бенгта Матссона о сроках прибытия туда русской комиссии. Толмач, уполномоченный говорить с русской межевой комиссией, также предлагал как возможные места посольского съезда Колезму или Вонгоры, аргументируя это тем, что упомянутые местности находятся между спорных волостей Порозеро и Реболы. По словам крестьян Лопских погостов, предлагавшиеся шведами места посольских съездов располагались примерно в 15 верстах от Вепсручья. Однако Н. В. Вышеславцев по-прежнему упорно настаивал на Вепсручье. Шведы отказались и дать письменное обязательство прийти к Вепсручью зимой, отговариваясь тем, что никто точно не знает, когда дороги замерзнут. Подводя итог своему отчету, русские межевальщики писали, что осталось примерно 100 верст неразмежеванной границы¹.

В специальной царской грамоте, посланной 15 сентября из царского «похода» на богомолье², в Кострому, кроме общего одобрения деятельности межевальщиков, в частности, их твердой позиции по Порозерской волости, указывалось, что необходимо отвечать шведам касательно Василия Частого, упирая на то, что тот послан по царскому указу и его имя вписано в царский наказ межевому посольству: «И Василью как у дела не быть и имяни не писать, то они говорят не за делом»³.

¹ Отписка межевых послов Н. В. Вышеславцева с товарищами в Посольский приказ о переговорах со шведскими межевыми послами в первой половине сентября 1619 г. Не ранее 12 сентября 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 2. Л. 153–154.

² О походе царя Михаила Федоровича на богомолье в Макариев Желтоводский монастырь см.: Дворцовые разряды. Т. 1. 1612–1628 гг. СПб., 1850. Ст. 431–432.

³ Царская грамота (из Посольского приказа) межевым послам Г. И. Писемскому с товарищами о следовании прежним посольским наказам в переговорах. 15 сентября 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 2. Л. 139–142.

В царский походный стан, в котором, видимо, находился дьяк Посольского приказа (возможно, сам И. Т. Грамотин) в начале сентября 1619 г. поступили примечательные документы из Москвы, формально, от царского отца, патриарха Филарета, сообщавшие о переговорах шведских и русских уполномоченных в Карелии. Эти документы исходили от английских посланников и от англичанина «Фабина Ульянова» (Фабиан Смит¹). В царском стане, узнав из этих (английских по происхождению) документов «про неправды свейских межевальных послов Анц Мунка с товарищи», было принято решение «отписать» от имени новгородских властей (воеводы князя Д. И. Мезецкого) к Якобу Делагарди и в Нарву к фельдмаршалу К. К. Юлленъельму, что шведский межевой посол Ханс Мунк намеренно хочет сорвать переговоры под надуманным предлогом участия в них подьячего Василия Частого, «и то знатно, что все делают в отволоку». Новгородские власти должны были писать Делагарди и Юлленъельму, что царь вправе назначить в посольство того, кого посчитает нужным, «а им в том указывати непригоже и бездельем заминать непристойно, а Василей Частой искони вечной наш подданной, а не свеянин, а с их стороны² переводчики хотя и прямые наши изменники, а ныне служат свейскому королю, и наши послы тех дел не отсылают. И ныне с ними на съезде толмач Ирик был московской немчин, а на Москве с послы их был толмач Анца Брякилев, бывал московской же немчин»³.

8 ноября Посольский приказ выслал на русский межевой стан верительную грамоту Василию Частому. Вместе с ней

¹ О Фабиане Смите подробно см.: Скобелкин О. В. «Распросы» выезжих иноземцев в Посольском приказе в 10-х — 20-х годах XVII века // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 6. С. 122–127.

² В тексте грамоты ошибочно: «сторону».

³ Грамота царя Михаила Федоровича своему отцу патриарху Филарету о грамотах в Новгород с указанием воеводе князю Д. И. Мезецкому написать письма К. К. Юлленъельму и Я. Делагарди о промедлениях шведских межевальщиков и об английских посланниках в Холмогорах. Не ранее 5 сентября 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 2. Л. 143–147.

русские межевальщики получили указание настаивать на своем: отстаивать Вепсручей как место встречи, получить в этом письменные заверения шведской стороны и добиваться от нее, чтобы шведы «свои затейки отставили». При этом верительную грамоту Василию Частому можно было показать только в том случае, если шведская сторона вовсе откажется от дальнейшего диалога (видимо, здесь следовало «держатъ лицо» — послы не должны были без острой необходимости выказывать слабость и давать шведам понять, что те могут у них чего-то — напоподобие особенных грамот Василию Частому — добиться)¹. Эти грамоты пришли на русский посольский стан только 14 декабря.

Но еще 19 ноября 1619 г. князь Д. И. Мезецкий обратился к Делагарди (стоявшему с войсками в Ливонии) и к Юлленъельму с просьбой ускорить подписание соглашения о границе в Карелии. В конце декабря грамоты князя Мезецкого достигли Ревеля и Нарвы².

Всю позднюю осень, когда в Карелии стал устанавливаться лед, вялые обмены гонцами и посланными, утрясавшими отдельные обстоятельства будущего размежевания, продолжались. Было уже ясно, что позиция русских комиссаров в выборе места взяла верх и размежевание начнется с Вепсручья, однако лишь в то время, на котором настаивала шведская сторона, — после установления зимнего пути.

28 октября в русский межевой стан снова прибыл посланный от шведских комиссаров Йоран Ларссон, вновь попытавшийся убедить Н. В. Вышеславцева с товарищами все же начать размежевание в спорной Порозерской волости (в отписке в Посольский приказ Вышеславцев именуется волостку «государевой землей»). Шведский посланный не смог добиться согласия русских межевальщиков и убыл, пообещав, что межевые съезды начнутся 19 ноября, однако не дав в этом письменного обязательства,

¹ Царская грамота (из Посольского приказа) межевым послам Н. В. Вышеславцеву с товарищами о посылке верительной грамоты на имя подьячего Василия Частого. 6 ноября 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 2. Л. 172–177.

² Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 484.

как требовали русские посланники¹. Вышеславцев писал, что фактически зимний путь установился в этих краях уже к концу октября, и шведские комиссары вполне могли бы подвезти провиант и фураж к месту межевого съезда, потому как в «здешних местех озера и реки вымерзли». Русские межевальщики писали в Посольский приказ, что согласились на компромисс и дальнейшее промедление лишь потому, что не хотели удлинять споры со шведами, «ради немешкоты и гдовской отдачи». Тогда же в шведский межевой стан был послан сын боярский Обонежской пятины Андрей Вындомский для дальнейших устных переговоров. Позднее шведы жаловались новгородским властям, что все лето межевые посольства съехаться не могли, шведам пришлось стоять в Иломанском погосте. Только 20 декабря, «как зимний путь настал», они приехали к Вепсручью².

Однако А. Вындомский задержался у шведов дольше, чем предполагали обе стороны. Через две недели после времени, на которое было назначено уже начало размежевания, 2 декабря, он вернулся в русский стан с сообщением от шведских комиссаров, что те не могли в установленное время прибыть на место съезда из-за плохой дороги. Десятью днями позже, 12 декабря, крестьяне спорной Порозерской волости сообщили русской стороне, что 20 шведских военных во главе с переводчиком Эриком Андерссоном заняли их волостку. В тот же день в русский стан прибыли посланные от шведов, вновь предлагавшие встречаться в спорной волостке, но Вышеславцев опять отказал, настаивая, что шведские посланные должны, по имеющимся договоренностям, ехать в то место, откуда продолжится размежевание. Одновременно русские комиссары потребовали выхода шведских военных из Порозерской волостки.

¹ Отписка Н. В. Вышеславцева, дьяка Ш. Копнина и подьячего В. Ф. Частого в Посольский приказ о межевых съездах. 26 декабря 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1620. Д. 2. Л. 1–4.

² Грамота шведских межевых послов Ханса Мунка с товарищами к новгородскому воеводе князю Д. И. Мезецкому с подробным изложением хода межевых переговоров. Перевод. Не ранее 5 января 1620 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1620. Д. 2. Л. 69–104.

Вновь посланный в шведский стан Андрей Вындомский вернулся с полпути, сообщив, что встретил на дороге в лопском Селецком погосте за Кудамолакшской волостью, в 30 верстах от Порозерской волостки, главу шведской межевой комиссии Ханса Мунка. При встрече А. Вындомский изложил Мунку требования русской стороны, однако тот отказался что-либо слушать, утверждая, что спорная волость — земля шведского короля. Еще через два дня, 16 декабря, крестьянин Ямчозерской волости того же Селецкого погоста сообщил, что и на их волость, на покосы по реке Суне, приезжают шведы, между тем как, по словам крестьянина, это — «их исстари угодьа», причем по московскую сторону уже проложенной в 1618 г. границы. Новый посланный к шведам сын боярский Александр Качалов, вернувшись, сообщил, что Мунк вновь настаивает на встрече либо в Порозерской волости (которую считает шведской), либо между ней и Пялдозерской волостью (которую признает русской), т. е. на будущей границе. С очередной миссией договориться об этом месте встречи в русский стан снова был отправлен Эрик Андерссон¹.

И все же межевой съезд состоялся 21 декабря в устье Вепсручья на реке Ирсте. При съезде со шведскими комиссарами Н. В. Вышеславцев вручил им верительную грамоту Василия Частого, присланную из Москвы неделей ранее². На съезде стороны договорились о маршруте межевания: размежевывать Линдозерский погост (Лопские погосты) с Сердобольским погостом (Корельский/Кексгольмский уезд) от устья Вепсручья по реке Ирсте (Истере) и далее. На следующий день, 22 декабря, стороны пришли на разные места — шведы стали ставить «признаки» на устье реки Истеры, а не в конце Унус-озера (Унисъярви), куда пришли русские межевальщики. Видимо, все

¹ Отписка Н. В. Вышеславцева, дьяка Ш. М. Копнина и подьячего В. Ф. Частого в Посольский приказ о межевых съездах. 26 декабря 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1620. Д. 2. Л. 1–4.

² Отписка межевых послов Н. В. Вышеславцева с товарищами в Посольский приказ о том, что на межевом съезде они показали шведам верительную грамоту В. Ф. Частого. Не ранее 21 декабря 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 2. Л. 198.

это делалось практически в прямой видимости: шведы в тот же день прислали в русский стан своих людей с претензией на неправильный выбор места, на что русские межевальщики отвечали строгим отказом: в конце Унус-озера им делать было нечего. Крестьяне-старожильцы Линдозерского погоста сообщили послам, что корельские старожильцы собираются вести их по реке Истере от устья, что неправильно, потому что таким образом шведы займут землю их Линдозерского погоста. Эту позицию линдозерские крестьяне изложили в челобитной, поданной Н. В. Вышеславцеву 23 декабря. До 25 декабря шведы взяли паузу в межевании¹.

В Посольский приказ этот отчет Н. В. Вышеславцева попал только через месяц, в конце января — начале февраля 1620 г. В Москве подготовили документы, которые должны были помочь русским межевальщикам в споре: подлинную межевую запись, подписанную обеими сторонами в 1618 г., и несколько грамот, сообщающих о том же. Послы получили указания самим войти в Порозерскую волость и вытеснить оттуда шведов. В спорных случаях Посольский приказ указывал русским комиссарам настаивать, что они прибыли на межевую съезд, исполняя Столбовские договоренности, и предъявлять грамоту «для уличенья за их собственными руками»².

Между тем шведские комиссары, столкнувшись с затруднениями в общении с Н. В. Вышеславцевым и его товарищами, пытались воздействовать на них через новгородские власти. 29 января 1620 г.³ в Новгород из Нарвы от фельдмаршала К. К. Юлленгельма прибыл лейтенант Эрнст Крейц «да со швейской межи

от швейских межевальных послов» Эрик Андерссон. Они были определены на двор, в приставы им был назначен сын боярский Водской пятины Роман Неелов, однако шведские посланцы отказались передать с Нееловым документы, настаивая на личной встрече с воеводой князем Д. И. Мезецким — у Э. Андерссона имелись полномочия на устные переговоры с воеводой. На аудиенции он высказал претензии к русским послам, доказывая, что те из упрямства затягивают межевое дело и пытаются отнять у шведов деревню Пороярви (Порозерскую/Поросозерскую волость по русским документам), тогда как шведская сторона способна уличить русских межевальщиков как свидетелями-старожильцами, так и документами, притом что эти документы — списки с жалованных грамот прежних московских царей и с писцовых книг — ранее были переданы шведской стороне прежним главой русской межевой комиссии Г. И. Писемским.

Новгородские власти оказались в ситуации серьезного конфуза: служивший тогда в Новгороде единственный переводчик Тимофей Фанемин не знал шведского языка и переводить на русский язык грамоты, привезенные шведами, ему пришлось вместе с Эриком Андерссоном. Среди документов, которые предъявили шведы, находились выписки из писцовых книг 1559/60 г. (письма Федора Салтыкова и Семена Молвянинова), писцовых книг 1573/74 г. (письма Ивана Плещеева и Юрия Дмитриева «с товарищи»). В Новгороде признали (правда, в отписке в Посольский приказ), что действительно, согласно этим писцовым книгам, Порозеро относится к Сердобольскому погосту Корельского (к тому времени уже — Кексгольмского) уезда; в середине XVI в. деревня находилась в вотчине Валаамского монастыря. В Новгороде не было возможности проверить подлинность этих документов: списков с указанных писцовых книг в архиве приказной избы не было. Кроме того, в грамоте от Ханса Мунка утверждалось, что Ребольская волость, на которую претендует русская сторона, является частью («выставкой») Иломанского погоста Корельского уезда.

Видимо, в русском межевом стане знали (или предполагали) о миссии Эрика Андерссона. Так или иначе, но всего через 5

¹ Отписка Н. В. Вышеславцева, дьяка Ш. Копнина и подьячего В. Частого в Посольский приказ о межевых съездах. 26 декабря 1619 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1620. Д. 2. Л. 1–4.

² Царская грамота (из Посольского приказа) к межевым послам Н. Вышеславцеву с товарищами с новыми инструкциями о переговорах. 2 февраля 1620 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1620. Д. 2. Л. 29–45.

³ Видекинд именует его обер-лейтенантом Эрнстом Крейцом; он выехал из Нарвы 12 января (Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 486), русские посольские документы — «поручиком Эрнстом Кругом».

дней после приезда того в Новгород, 4 февраля, князь Д. И. Мезецкий получил отписку Н. В. Вышеславцева, к которой была приложена «роспись свейских послов неправдам в межевальном деле». Важнейшей «неправдой» отмечалась претензия шведов на Унус-озеро (Унусъярви). Вышеславцев (точнее, видимо, дьяк Ш. Копнин или подьячий В. Частой) счел необходимым и в отписке в Новгород привести доказательства принадлежности спорного Порозера русской стороне (видимо, для усиления позиции князя Д. И. Мезецкого, которому предстояло ответить что-то Э. Андерссону): в платежных книгах Неждана Луговского и Одинца Иванова 1587/88 г. и в дозорных книгах подьячего Григория Кобелева 1596/97 г. Порозерская волость значилась в Селецком погосте, относящемся к Лопским. Сложнее дело обстояло с Ребольской волостью. Согласно утверждению Н. В. Вышеславцева и его товарищей, тамошние крестьяне «при царе Иване Васильевиче» платили дань в Москву (то есть не в Корелу, и даже не в Новгород).

Только после получения отписки из русского межевого стана князь Д. И. Мезецкий дал новую аудиенцию Э. Крейцу и Э. Андерссону. На аудиенции новгородский воевода высказал шведским посланным претензии русских межевых послов, обвиняя именно шведскую сторону в нарушении договоренностей и затягивании межевания. На письменные доказательства, представленные шведской стороной, — выписки из писцовых книг — новгородские власти отвечали, что даже если Порозерская волостка была в вотчине за Валаамским монастырем, «и то не диво, твоего царского величества жалованье у монастырей вотчины живут в разных городех и в уездех». Э. Андерссон не оставил спора. Он настаивал на том, что шведские уполномоченные в 1618 г. не подписывали росписи межам или, во всяком случае, не давали ее русским уполномоченным, и запросил подлинный документ. Не сменил он и позиции по принадлежности Порозера и Унусъярви шведской короне. Здесь аргументация Э. Андерссона основывалась на знании им принципов и терминологии московского делопроизводства, в частности — писцовых книг. В книгах Дмитрия Китаева 1500 г. была записана «деревня Пуорьярва, а по-

русски слово Пурозеро»; тут же спор велся не о деревне, а о Порозерской волости. Платежным книгам Луговского и дозорным книгам Кобелева шведы верить отказались, настаивая на том, что они — новые (видимо, это действительно так, скорее всего, Лопские погосты в начале — середине XVI века относились к Корельскому уезду Водской пятины). Однако на этом переговоры завершились: Э. Андерссон уехал в Карелию, к Хансу Мунку, а Крейц — в Нарву, к фельдмаршалу Юлленгельму. С собой они увозили грамоты новгородского воеводы, где перечислялись «неправды» шведских межевальщиков¹.

В Москве в середине февраля оказались два отчета: Н. В. Вышеславцева о ходе переговоров в Карелии и князя Д. И. Мезецкого о приезде в Новгород Э. Крейца и Э. Андерссона. 28 февраля в Посольском приказе выработали новые указания русским межевым комиссарам. Н. В. Вышеславцев с товарищами должен был снова ехать на межевой съезд и уличать шведских уполномоченных в несправедливом примезевывании местностей к шведской короне. Особо подчеркивалось, что послы не должны торопиться и за спорные места стоять. Если шведские комиссары заупрямятся и откажутся верить присяге крестьян-старожильцев, то в таких случаях русским уполномоченным следовало настаивать на письменном отказе с подписями, в силу действия мирного Столбовского договора и ратификационных грамот. В тех же спорных случаях, когда показания крестьян-старожильцев получить будет невозможно, дело должен был решить жребий, «а жеребья старожильцем давати веру и отводить земли и угодыя с нашей стороны с образом и з

¹ Отписка в Посольский приказ новгородского воеводы князя Д. И. Мезецкого и дьяков М. И. Милославского и Н. Спиридонова о переговорах в Новгороде с Эриком Андерссоном и о посылке ответов к Юлленгельму и Мунку. Около 4 февраля 1620 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1620. Д. 2. Л. 46–64. Видекинд описывает эту аудиенцию как требование Андерссона и Крейца от князя Д. И. Мезецкого дать, наконец, ответ, кто является подлинным виновником затягивания переговоров. Однако, согласно Видекинду, новгородские власти ответа не дали (Юхан Видекинд. Указ. соч. С. 486).

дерном по земляному обычаю, а з государя их стороны, будет в их сторону жеребей выйметца, отводити их старожильцам руским людем с образом же и з дерном по земляному обычаю, а немцом с евангельем и с клятвою, а в самых больших спорных землях с нашей стороны целовати нашим старожильцем крест, а с королевские стороны королевским старожильцам руским людем целовати крест же, а немцом евангилье с клятвою»¹.

29 февраля из Новгорода на русский межевой стан прибыли известия о миссии Эрика Андерссона. Шведы торопили русских комиссаров. 6 марта 1620 г. они вновь затребовали документы, на основании которых Порозерская волость должна отойти к Лопским погостам. Во время произошедшего на следующий день съезда русские межевые комиссары смогли только вновь повторить свое требование вывести военных из Порозерской волости. Н. В. Вышеславцев писал в Москву, что сами шведы теперь в переговорах изменяют названия рек и урочищ: раньше писали «река Сунна», теперь — «Шуня», раньше писали «Пороярви», теперь «Пуорярви» и т. д.²

Н. В. Вышеславцев с товарищами обо всех этих затруднениях сообщал в Москву, куда эти документы попали 18 марта, но только 3 мая в Посольском приказе был составлен ответный наказ. Дьяки велели межевым послам постараться по сыску, без крестного целованья отговорить у шведов все спорные места. При сопротивлении шведских комиссаров надо было настаивать на том, чтобы крестьяне не давали присяги. В крайнем случае требовалось взять со шведов письменное обязательство, что они дали решение на совесть и «душу» старожильцам московской стороны. Только в самом крайнем случае сопротивления шведов следовало приводить крестьян к кресту, т. е. к присяге.

¹ Царская грамота (из Посольского приказа) межевым послам Н. В. Вышеславцеву с товарищами с указанием завершать межевание. 28 февраля 1620 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1620. Д. 2. Л. 233–255.

² Отписка Н. В. Вышеславцева с товарищами в Посольский приказ о ходе переговоров в феврале и марте 1620 г. с изложением расспросных речей разных старожильцев. Март 1620 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1620. Д. 2. Л. 269–275.

При составлении белой «большой» записи о границе межевые послы должны были поименно указать все спорные пустоши¹. Еще в одной грамоте межевым послам указывалось накрепко стоять за спорные места, в первую очередь, за Порозерскую и Ребольскую волости. Москва заверяла послов в поддержке, в том числе военной, которая могла бы быть оказана из Новгорода. Между тем послам запрещалось задирать («не чинить задоров») шведов; в случае же каких-либо силовых провокаций со шведской стороны новгородский воевода должен был обратиться к фельдмаршалу Юлленгельму².

Тем временем в Карелии в ожидании инструкций из Москвы переговоры шли своим чередом. До 10 апреля шведы отказывались идти размежевывать границу. Однако 6 апреля они прислали в русский межевой стан письмо о намерении продолжать межевание³. Съезд 10 апреля состоялся на Унус-озере (Унусъярви). Он начался со взаимных упреков: русская сторона обвинила шведов в «мешкоте», шведы в ответ предложили прямо тут же идти смотреть границу между пашнями и принести присягу. Однако Н. В. Вышеславцев с товарищами был (следуя наказу Посольского приказа) непреклонен: время для присяги еще не наступило, клятву следует приносить только после составления договора о границе.

Шведские уполномоченные конкретизировали свою эскападу: они потребовали, чтобы русские свидетели-старожильцы

¹ Царская грамота (из Посольского приказа) межевым послам Н. В. Вышеславцеву с товарищами о том, в каком случае приносить присягу и целовать крест в спорных межевых ситуациях. 3 мая 1620 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1620. Д. 2. Л. 274–277.

² Царская грамота (из Посольского приказа) межевым послам Н. В. Вышеславцеву с товарищами с указанием упорно отстаивать прежнюю позицию. 15 мая 1620 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1620. Д. 2. Л. 388–393.

³ Русские уполномоченные поначалу отказались принимать письмо, так как в нем не было полного царского титула, а шведские послы были названы «королевского величества послами». Однако шведы подчеркнули, что составили письмо таким образом «не для унижения».

Артюшка Лопатин и Семейка Шолтуев под присягой показали свои «печища, где их отцы жили». Н. В. Вышеславцев с товарищами выступили в защиту своих свидетелей. Они сказали, что готовы ехать по меже там, где она справедливо описана. При этом они аккуратно высказали свою позицию — прибегать к присяге в безвыходных случаях: «в ьных местех, где нечем будет сыскать, крестному целованью, мы, холопи твои, и не отказываем». Шведы же настаивали на присяге во всех случаях, когда для установления границы потребуются показания старожильцев. В результате 13 апреля шведская делегация покинула Унусъярви, уйдя в Порозерскую волость. Комиссары забрали с собой все имущество и не сказали, когда намереваются вернуться, русские уполномоченные не смогли их уговорить¹.

Трудное дело размежевания после перерыва возобновилось в мае 1620 г. и продолжалось в июне. 21 июня шведы прислали в русский межевой стан новую грамоту. Шведской стороне удалось узнать, что русские уполномоченные посылают лазутчиков «в Суоярву волость» (Шуезерская волость Корельского уезда, отошедшая к Швеции) и в другие места. Лазутчики должны были говорить местным жителям, «чтоб оне терпели ныне малое время, х которому их вырученье скоро будет, что тем быть под российским государством», обнадеживая их. Причем эти обвинения были направлены не на всех участников русской межевой комиссии, но только на Василия Частого. Шведские уполномоченные упрекали его в том, что 12 апреля он, находясь на льду «на Унус ярве, сказал старому старосте Сердобольского погоста Лучке Васильеву и иным государя их крестьяном, которые с ним стояли, чтоб оне терпели меньшее, к чему их опростанье будет, тем де недолго дожидатца, что им быть опростанным от короля свейского владенья»².

¹ Отписка Н. В. Вышеславцева с товарищами в Посольский приказ о переговорах в первой половине апреля. Не ранее 13 апреля 1620 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1620. Д. 2. Л. 394–404.

² Грамота шведских межевых комиссаров Х. Мунка с товарищами русским межевым послам Н. В. Вышеславцеву с товарищами с изложением претензий русской стороне. Перевод. 21 июня 1620 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1.

В отписке в Посольский приказ русские межевальщики оправдывались, что они не просто не посылали в Суоярви своих лазутчиков агитировать за верность московскому царю, но и сами крестьяне из Суоярви относятся к москвичам недружелюбно, «радеют немцом и ныне сверх своих прежних речей вступаютца с немцы в твою государеву землю. А тот, государь, корельской крестьянин старой Сердобольской староста Лучка, во 12 числе апреля, как говорили свейские межевальщики о крестном целованье о пустоши линдозерской, в которую вступились сверх своих росписей, так же радея немцам, учал о крестном целованье говорить наперед всех корельских крестьян и свейских межевальщиков, нынешнюю неправду говоря про книги и про старожильцев и про крестное целованье с ними ж вместе в дело ставил»¹.

Тогда же Н. В. Вышеславцев отправил грамоту Х. Мунку с отповедью на шведские претензии к русским послам. Грамота получилась остро полемической. Вышеславцев с товарищами резко отметал угрозы шведских комиссаров и упреки в затягивании переговоров. На упоминание шведами того, что надо побыстрее закончить размежевание, так как залогом этого окончания является остающийся у шведов город Гдов, он резко отвечал: нам надо закончить во имя мирного договора, на котором оба государя крест целовали и клялись, а город Гдов у шведского короля — лишь на время. Межевые уполномоченные писали шведам, что угрозы и шантаж на них не подействуют, торопиться и отдавать шведам части Новгородского уезда ради быстрого возвращения Гдова русские посланные не намерены.

Резко высказались они и по поводу обвинений в нечестном завоевании симпатий у крестьян Корельского уезда: «...написали есте вы такое порожнее припоминанье ложно, что буттос говорил я, Василей, старому старосте Лучке и иным, которые с ним стояли и на то наше припоминаем вам, опроче того времени, в которое с обе стороны о том в письмах и в ссылках немцом годно такое

Реестр 2. 1620. Д. 2. Л. 524–527.

¹ Отписка межевых послов Н. В. Вышеславцева с товарищами в Посольский приказ о переговорах со шведами в июне и июле. Около 29 июля 1620 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1620. Д. 2. Л. 518–523.

ни к чему, без имочно тот поклеп лживому себе держать, потому что от него и не отбудет, только безо всякого плодословия, что к тому и довелось выговорить. Припоминаем вам, не можем ложные от Бога добра приобретения получить и будет от неправды кривой с товарищи своими возданную от Господа Бога начало приобред и учинился косен не одними глазами и про свою ложь и товарищей своих, что оне после своих первых речей о пустоши линдозерской по вашему велению ныне лгут, говорят вам, и вам с ними о том надлежаще вместе имети б, а инако того не превращати». Крестьяне же Суоярви (Шуезерского погоста) не только не симпатизируют Москве, но, по словам русских межевальщиков, лжесвидетельствуют в пользу шведских комиссаров, стараясь отобрать в шведскую сторону часть земель Лопских погостов¹.

Видимо, именно тогда шведские уполномоченные стали предпринимать новые усилия, чтобы оказать давление на русских комиссаров. Во всяком случае, в конце лета 1620 г. новый нарвский наместник Хенрик Флеминг получил указание снестись с новгородскими властями, чтобы через них ускорить процесс размежевания. 1 сентября 1620 г. в Новгороде получили документы на шведском и русском языках (последний, несомненно, был составлен Э. Андерссоном), с подписями и печатями Х. Мунка и его товарищей. Кроме того, Э. Андерссон передал новгородским властям список с грамоты шведских комиссаров, отправленной 9 мая Н. В. Вышеславцеву. Флеминг сам писал новгородскому воеводе князю Д. И. Мезецкому, что русские межевальщики не занимаются собственно размежеванием границы, а только жалуются на шведских комиссаров. Вновь шведская сторона упоминала о том, что город Гдов является залогом размежевания границы и будет немедленно возвращен Московскому государству после подписания межевого соглашения. Новгородские приказные составили выписку «из всяких отписок неправды

¹ Грамота русских межевых послов Н. В. Вышеславцева с товарищами шведским межевым послам Х. Мунку с товарищами с изложением претензий шведской стороне и отводом шведских претензий. Список. Ранее 29 июля 1620 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1620. Д. 2. Л. 528–555.

свейских межевальщиков». На основании этой выписки князь Д. И. Мезецкий написал Флемингу ответ с обычным обвинением шведских комиссаров в затягивании переговоров¹.

Кроме Хенрика Флеминга шведы пытались воздействовать и через Якоба Делагарди, бывшего в 1620 г. губернатором шведской Ливонии. В начале сентября новгородские власти писали ему в Ригу, излагая претензии русских межевальщиков к шведским комиссарам о некорректном написании последними титула царя Михаила Федоровича, что те «всякие задоры в межевальных делах чинят», с просьбой повлиять на позицию шведов и ускорить возвращение Гдова. Делагарди предложил писать равный («малый») титул и царя, и короля, а на упреки новгородского воеводы ответил общими словами, оправдывая шведских комиссаров: «вскладывают русские послы на свейских все неправды». Новгородские власти писали на русский стан в Карелии, извещая их о переписке с Якобом Делагарди, с указанием умалять титул Густава Адольфа, если шведские межевальщики будут умалять титул Михаила Федоровича².

В конце сентября 1620 г. шведы пошли на небольшие уступки. 20 сентября они сообщили русским межевальщикам, что король приказал им местность «у Кимаозера Нижнего... по старожильцевым сказкам и расспросам отмежевать в цареву сторону»³.

¹ Отписка новгородского воеводы князя Д. И. Мезецкого и дьяков М. И. Милославского и Д. Семенова Н. В. Вышеславцеву и дьяку Ш. М. Копнину с сообщением о шведских претензиях к русским межевальщикам и о том, что в Москву едет гонец с грамотой шведского короля, в частности, касающейся межевального дела. 24 сентября 1620 г. // НИА СПбИИ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 285.

² Отписка новгородских воевод князя Д. И. Мезецкого с товарищами межевым послам Н. В. Вышеславцеву, Ш. М. Копнину и В. Ф. Частому с сообщением о переписке с Якобом Делагарди и с указанием умалять титул Густава Адольфа, если шведские межевальщики будут умалять титул Михаила Федоровича. 19 октября 1620 г. // НИА СПбИИ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 290.

³ Отписка новгородского воеводы князя Д. И. Мезецкого в Посольский приказ с изложением известий о ходе межевания в Карелии и конфликта между межевальщиками Н. В. Вышеславцевым и Ш. М. Копниным. 3 декабря 1620 г. // НИА СПбИИ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 298.

Осенью 1620 г. Юлленгельм послал в Карелию ямгородского своеземца — «к свейским межевальным послам в старожильцы русского дьячка Степанка Рышкова, а тот де Степан корельскую между как наперед сего было знает». Это было странным решением: несмотря на то, что Степан Рыжков был компетентным свидетелем по разным вопросам ингерманландской жизни, в карельской границе он разбирался слабо¹.

В феврале 1621 г. сорванные были переговоры возобновились при активном участии Э. Андерссона. 13 февраля 1621 г. он передал русским согласие шведской делегации на уступку Московскому государству Ребольской и Порозерской волостей. На этом настаивал сам король, стремившийся к завершению переговоров².

На переговорах в марте чуть было не дошло до разрыва: шведы были готовы прервать переговоры, но угрожали продолжать силой удерживать спорные волости³. Московская делегация, сдерживаемая наказом Посольского приказа, в ответ доверилась Э. Андерссону: окончательное размежевание произошло с помощью крестьян-старожильцев. Унусъярви осталось за Швецией. Наконец, после расстановки межевых знаков, 3 августа 1621 г. соглашение о границе близ Варачева камня было подписано⁴.

¹ Расспросные речи в Новгородской съезжей избе Никиты Секирина, ездившего с грамотами в Ревель к Якобу Деллагарди. 12 октября 1620 г. // НИА СПбИИ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 742.

² *Tarkiainen K.* Faran från öst i Svensk säkerhetspolitisk discussion inför Stolbovafreden // *Scandia: Tidskrift för historisk forskning.* 1974. Bd. 40. N. 1. S. 52.

³ Сходная ситуация произошла на смоленско-велижском рубеже после Ям-Запольского перемирия, где соглашение о границе не было достигнуто вплоть до войны, начавшейся в 1609 г. (*Шеламанова Н. Б.* К вопросу об изучении источников по истории внешней политики России в конце XVI в. // *Новое о прошлом нашей страны. Памяти М. Н. Тихомирова.* М., 1967. С. 180–198).

⁴ *Юхан Видекинд.* Указ. соч. С. 489–490.

Передача Гдова

После размежевания Ивангородского и Ямского уездов с Новгородским линия границы в Ижорской земле не была полностью установлена. Гдовский уезд, оставшийся в залоге у шведов (по договоренностям в Столбово — вплоть до окончания размежевания), не перешел автоматически под власть Москвы, так как проведение границы в Карелии затянулось на годы. Но еще летом 1617 г. псковский воевода И. Д. Плещеев послал грамоту к шведскому наместнику Гдова и одновременно отправил в Гдов и Гдовский и Кобыльский уезды дворянина Андрея Окунева, подьячего Григория Бегуницкого и целовальника Ивашку Солодова с тем, чтобы те собрали «государевы оброчные денги со Гдова с посаду с лавок и с клетей и с нив и с огородов и с там[ожен] и с мельниц и с варниц на прошлые годы и на нынешней [на] 125-й год», гдовский же наместник, по грамоте, должен был оказать им в этом содействие. Такой акт вызвал резкую отповедь фельдмаршала Юлленгельма, в то время наместника новоприсоединенных территорий, и стал одной из причин активной полемики приграничных властей¹.

Вопрос о возвращении Гдова под власть Москвы встал сразу после завершения размежевания С. И. Жеребцовым и Й. Берндесом осенью 1618 г. 15 августа псковские власти получили указание снести с Юлленгельмом об отдаче Гдова. В грамоте Посольского приказа требовалось послать из Пскова для приема Гдова «лутчих дворян, Ондreja Квашнина или Ивана Воинова сына Нащокина² да подьячего лутчего от места», с ними 20 детей боярских и 200 стрельцов с двумя сотниками³. В начале ноября псковские власти отправили

¹ Допросный список псковского таможенного головы Немецкого двора Данила Резанова и целовальников об имуществе ивангородцев Ивана Коныхина с товарищами. Без окончания. 26 сентября 1617 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1618. Д. 1. Л. 59.

² Родной дядя А. Л. Ордина-Нащокина.

³ Отписка псковских воевод князя И. Ф. Троекурова с товарищами в Посольский приказ о переговорах с Юлленгельмом об отдаче Гдова. 30 ноября 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 1. Л. 52–58.

к Юлленгельму требование вернуть на «государеву сторону» город Гдов с Гдовским и Кобыльским уездами. Юлленгельм приказал отдать Гдов в течение двух недель после подписания межевых соглашений. При этом он вспоминал также об артиллерии, которая была оставлена им еще в дни безуспешной осады Пскова в полевых укреплениях и которую московская сторона пообещала ему вернуть. Возврат, однако, затягивался, так как были выдвинуты встречные московские претензии в вывозе лично Юлленгельмом колоколов и артиллерии из Новгорода, Ладоги и Порхова¹. Еще 12 августа 1617 г. князь Д. И. Мезецкий предупреждал И. Д. Плещеева о том, чтобы тот не торопился возвращать нарвскому генерал-губернатору брошенные под Псковом орудия².

В течение ноября 1618 г. воевода князь И. Ф. Троекуров неоднократно писал Юлленгельму в Нарву, что вскоре пошлет дворянина, который должен будет принять от шведской администрации Гдов, а также Гдовский и Кобыльский уезды. Видимо, обе стороны все же не ожидали, что межевание в Карелии затянется на такой долгий срок. Тогда же в Нарву для устных переговоров с К. К. Юлленгельмом был отправлен стрелецкий голова Богдан Дубровский³. В отписке в Посольский приказ псковские власти обращали внимание на прямое указание, полученное еще 15 августа из этого ведомства, со ссылкой на Столбовский договор, что Гдов и Гдовский уезд продолжают оставаться под шведской властью до того момента, как произойдут размежевание и обмен ратификационными грамотами. 15 ноября

¹ Об этом: *Арне Т.* Русские колокола в шведских церквях // Новгородский исторический сборник. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 293–302.

² Отписка псковских воевод князя И. Ф. Троекурова с товарищами в Посольский приказ о переговорах с Юлленгельмом об отдаче Гдова. 30 ноября 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 1. Л. 52–58.

³ Отписка псковских воевод князя И. Ф. Троекурова с товарищами в Посольский приказ о переговорах с Юлленгельмом об отдаче Гдова и о запросе последнего о возможной службе уволенных из шведской армии ратных людей Московскому государству. Не ранее 18 декабря 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 1. Л. 46–48.

псковские власти получили от приехавшего из Швеции в Ладогу князя Ф. П. Борятинского известие о том, что 14 октября произошел обмен ратификационными списками Столбовского договора. При этом князь Борятинский и Г. Стенбук обсуждали вопрос о «гдовской отдаче», шведы настаивали на окончании размежевания в Карелии. Князю Борятинскому в момент написания грамоты не было известно, приказал ли Густав Адольф фельдмаршалу Юлленгельму отдать Гдов, и он указывал псковским властям непосредственно снести с ним.

Посольский приказ упрекал князя Ф. П. Борятинского в том, что тот не смог добиться от Густава Адольфа грамоты «о гдовской отдаче». Ему предписывалось требовать передачи Гдова при размене на Лаве от Г. Стенбука (который вряд ли обладал необходимыми полномочиями). Князю Борятинскому предписывалось в ответ на возможное возражение Стенбука, что до сих пор не размежеваны Новгородский и Корельский уезды, отвечать, что вина на этом лежит только на шведском уполномоченном Х. Мунке¹. Однако добиться этого князю Борятинскому не удалось.

К. К. Юлленгельм писал псковским властям, что готов отдать Гдов сразу же, как будет получен королевский указ об этом. В середине декабря псковские власти писали в Посольский приказ, что не смеют на свой страх и риск отдавать шведам трофейные пушки, поскольку, уходя из Новгорода, Ладоги и Порхова, шведы вывезли оттуда артиллерию и колокола, и им было неизвестно, возвратили ли шведы требуемое в Новгород².

Переговоры об отдаче Гдова возобновились в начале августа 1621 г., когда стало ясно, что межевание в Карелии подходит

¹ Царская грамота (из Посольского приказа) послан князю Ф. П. Борятинскому с товарищами с упреком в недостаточном рдении в отдаче Гдова и с указанием переговорить о немедленной отдаче Гдова со шведским послом Г. Стейнбоком. 11 октября 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1618. Д. 1. Л. 185–203.

² Отписка псковских воевод князя И. Ф. Троекурова с товарищами в Посольский приказ о переговорах с Юлленгельмом об отдаче Гдова. 30 ноября 1618 г. // РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619. Д. 1. Л. 52–58.

к концу. 11 августа 1621 г. князь Д. И. Мезецкий написал письмо в Нарву к губернатору Флемингу с призывом ускорить отдачу Гдова, не увязывая этот вопрос с возвращением трофеев, взятых под Псковом в начале 1617 г.¹ 14 августа губернатор Хенрик Флеминг получил это письмо новгородского воеводы князя Д. И. Мезецкого, в котором тот «кручинился», что межевание в Карелии до сих пор не завершено. Имевший четкие указания от короля (и знавший, что межевание в Карелии завершено) Флеминг предложил отдать Гдов с уездом 25 августа 1621 г.² Князь Д. И. Мезецкий писал об этом в Посольский приказ, сообщая, что Флеминг уже получил указ от Густава Адольфа вернуть Гдов вместе с уездом и со всей крепостной артиллерией в течение двух недель по получении королевского указа. В своем письме Флеминг просил вернуть удерживаемых в Новгороде и Пскове пленных и уже появившихся перебежчиков. Среди воевод городов от «немецкой украины» у князя Д. И. Мезецкого было первенство, и он сообщал псковскому воеводе князю И. И. Одоевскому о своих переговорах со шведами, держа его в курсе относительно скорой передачи Гдова — псковского пригорода³.

¹ Отписка новгородского воеводы князя Д. И. Мезецкого в Посольский приказ с пересказом переписки со шведскими властями об отдаче Гдова. Не ранее 11 августа 1621 г. // НИА СПбИИ. Ф. 109. Оп. Д. 967. Ст. 67.

² Грамота губернатора Хенрика Флеминга новгородскому воеводе князю Д. И. Мезецкому о межевых делах и передаче Гдова. Перевод. Ранее 14 августа 1621 г. // НИА СПбИИ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 967. Ст. 41–44.

³ Отписка новгородского воеводы князя Д. И. Мезецкого в Посольский приказ с изложением переписки с губернатором Хенриком Флемингом. Не ранее 16 августа 1621 г. // НИА СПбИИ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 967. Ст. 45–48.

Несмотря на длительное изучение Столбовского мирного договора, в историографии, а в большей степени — в исторической политике, медиа, в политике памяти снова и снова поднимается вопрос о том, чья это была победа и чье поражение. Кроме того, существует и направление в оценках Столбовского мира, связанное с выходом за пределы противопоставления Россия/Московское государство — Швеция: обращается серьезное внимание на мир как фактор появления новой политической/этнополитической субъектности (Ингерманландия).

Столбовский мир 1617 года подвел серьезные итоги политического развития Северо-Запада Московского царства — Новгородской и Псковской земель. Он окончательно закрепил Новгород в составе Московского государства.

Это был второй важный дипломатический акт царствования Густава Адольфа после Кнередского мира с Данией, завершившего Кальмарскую войну, переориентировавший внешнюю политику на возобновление военного противостояния с Речью Посполитой в Ливонии и поддержку протестантских князей в Германии. После ратификации Столбовского мира в 1618 г. последовало политическое сближение Стокгольма с Москвой и особое положение шведов в Московском царстве.

Это сближение было необычно близким; вторым, за без малого сто лет сосуществования на Балтике двух раннемодерных государств (после краткого «романа» в годы царствования Эрика XIV). Статьи Столбовского мира, касающиеся экономики, в целом подтверждали основные положения Тявзинского мира 1595 г. Да, Московское государство отныне не имело в своих владениях побережья Балтики, но портов на Балтике оно не контролировало после утраты Нарвы в 1580 г., а тявзинские договоренности лишней раз подчеркнули особый статус Нарвы как центра притяжения русского экспорта. Еще в инструкциях Э. Горну, Й. А. Крузе и М. М. Пальму 1614 г. король Густав Адольф упоминал, что основанием будущих договоренностей должны стать положения Тявзинского мира¹.

Однако для Швеции борьба за Балтику еще только предстояла: в последующие 9 лет, вплоть до Альтмаркского перемирия 1629 г., с Речью Посполитой в Ливонии велась крайне напряженная борьба. Столбовский мир и дружественный настрой Московии позволяли королю Густаву Адольфу сосредоточиться на этой борьбе и в конце концов взять реванш за поражение под Кирхгольмом. Московское царство после венчания на царство Михаила Романова в 1613 г. пережило множество острых моментов. Это был и приход польского короля под стены столицы, когда даже служившие в Москве смоленские дворяне ждали, что король отпустит принца Владислава и прирожденный государь сядет на престол в Кремле. В 1614 г. произошло военное фиаско, как под Смоленском, так и под Новгородом в 1614 г. Только-только, после «чудесного» захвата Тихвинского монастыря, неуверенное закрепление на Северо-Западе. Теперь же, подписав Столбовский мир, Москва получила нового надежного союзника на Северо-Западе.

В то же время переход части бывших земель Новгорода Великого под власть инославного государя вызывал в части московского общества онтологический конфликт. Прежде такое помыслить было невозможно. Почти одновременная уступка

Смоленска и уезда Речи Посполитой сопровождалась эвакуацией населения (пусть и декларативной). Таким образом, не территориальные потери, но отказ от целой группы населения — вот то, что толкало некоторые круги Московского царства к реваншу. Идеология «возвращения земли» с православными подданными, изнывающими от религиозного гнета, была использована как в середине XVII века, при авантюрном развязывании войны против Шведского королевства, так и при идеологическом обосновании начала Северной войны. В этом смысле использование «прошлого» идеологами XVII века (как патриархом Никоном¹, так и князем А. Я. Хилковым в «Ядре Российской истории», подканцлера П. П. Шафирова в «Рассуждении о войне со шведами»²) было достаточно близким.

В школьном историческом нарративе середины XX века этот мотив «отвоевания земель» нашел свое отражение в обосновании Великой Северной войны (как, впрочем, и «Ливонской») как «борьба за необходимый выход к морю». Этот тезис, применительно к Балтийским войнам XVI века, был рассмотрен и подвергнут убедительной аналитической критике в монографии А. И. Филюшкина³. Однако он продолжает использоваться

¹ Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010. С. 67–68.

² [Хилков А. Я.] Ядро Российской истории. М., 1770. С. 291–295; Шафиров П. П. Рассуждение, какие законные причины Петр I, царь и повелитель всероссийский, к начатию войны против Карла XII, короля шведского, в 1700 году имел. М., 1717; Каменский А. Б.: 1) Россия в XVIII столетии. История и память. Исследования по социальной истории и исторической памяти. М., 2017. С. 288; 2) «Отторженная возвратих»: разделы Польши и концепция собирания русских земель // Труды по российской истории. Вып. 6. 2015–2016. М., 2016. С. 220–261, особенно 234.

³ Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 235, 274–275, 601, 608, 609. Попытка подвергнуть это опровержение критике и реабилитировать «борьбу России за выход к морю», предпринятая П. А. Кротовым, не может считаться научной. (См.: Кротов П. А. Мистификация Балтийского вопроса // Вестник СПбГУ. История. 2017. Т. 62. Вып. 2. С. 400–410).

¹ Юхан Видекинд. История десятилетней шведско-московской войны. М., 2000. С. 328.

ся в исторической политике и имеет серьезный общественный резонанс.

Предпринятые во время работы юбилейной конференции «Столбовский мир. Доброе дело» в Санкт-Петербурге в мае 2017 г. полевые изыскания в среде культурной общественности Ленинградской области (руководители музеев, директора библиотек, представители общественных движений) в целом оценивают юбилейные события в оптике территориального присоединения / отвоевания; конфессиональный аспект латентно также присутствует, но не имеет решающего характера. При слабом знании исторического контента и полном незнании современных тенденций в историографии сама постановка вопроса, сформулированного организаторами конференции в ее названии (в гуманистическом ключе), скорее отталкивала, нежели притягивала участников. Другими словами, кроме констатации того факта, что Столбовский мирный договор 1617 г. в современном российском обществе латентно травмируется (как и другие дипломатические акции, чьим результатом были территориальные потери), следует отметить тот факт, что собственно идея мира как блага для людей воспринимается сегодня в конфликте с идеей территориального роста. Такой тип исторической памяти соответствует, как показал А. Б. Каменский в уже упоминавшейся работе, той рамке, которая была создана в Российской империи к концу XVIII века, накануне разделов Речи Посполитой.

АИ	Акты исторические, собранные и изданные императорской Археографической экспедицией.
НИА СПбИИ РАН	Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории РАН.
РГАДА	Российский государственный архив древних актов.
СГД	Сборник государственных грамот и договоров.
NOA	Ockupationsarkivetfrån Novgorod.
RA	Svenska Riksarkiv.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Або, г. 39, 298
Англия 28, 31, 51, 55, 67, 112, 113, 123, 124, 201, 202, 203
Антониев монастырь 142
Архангельск, г. 48, 75, 76, 202
Астрахань, г. 74, 169
Балтика, Балтийское море 9, 35, 47, 62, 63, 67, 68, 72, 77, 79, 80, 198, 212, 360, 361
Бардовщина, д. 98
Бежаны, д. 258, 264, 296
Бежецкий Верх 236, 237
Белое, с. 258, 286–289, 291, 296
Белое море 299
Белозерск, г. 12
Борки, д. 108
Бронницы, погост 21, 26, 54, 114
Будковский погост 286, 287
Валаамский монастырь 332, 334
Варачев камень (Вариксенкиви) 233, 299, 300, 317, 351
Великобритания 123, 128, 129, 163
Вепсручей, местность 306–308, 315–319, 323, 324, 326, 328, 329
Взвяд, погост 120
Водская пятина 134, 136, 144, 171, 176–179, 210, 248, 249, 293, 331, 335
Волхов, р. 98, 120, 140, 240, 251, 254
Вонгозерская волость 318
Вонгора, местность 316, 319
Воткозеро, волость 316, 319
Выборг, г. 12, 14–16, 18, 19, 21, 55, 56, 203, 210, 298, 318
Вяжищский монастырь 258, 289
Вяземский уезд 184
Вязьма, г. 271
Гамбург, г. 41, 84
Гдов, г. 14, 54, 125, 163, 166, 171, 172, 194, 195, 230, 258, 269, 270, 273, 275, 278, 285, 303, 344, 345, 347, 348, 351–358
Гдовский уезд 230, 266, 268, 273, 277, 284, 296, 351, 353–355
Гевль (Евле), г. 210
Гельсингфорс, г. 36, 87
Глебово, д. 38
Грузино, местность 140, 189, 190
Даниловщина, острожек 108, 109, 129
Дания 55, 123, 165, 203, 360
Дедерино, д. 29, 31–33, 49, 57, 66, 74, 97, 110, 118, 120, 121, 142, 151, 156
Долгая р. 258, 260, 266, 267, 269
Дорогобуж, г. 271
Дорогобужский уезд 184
Дремянцкий погост 263, 296
Дудоровский погост 126
Европа 51, 53, 59, 71, 79, 196, 278, 364
Заонежские погосты (Заонежье) 98, 100, 101, 103, 131, 133
Зарецкий острог 260, 286, 287, 291, 296
Зеленцы, острова 251–254, 283, 284, 293
Ивангород, г. 8, 9, 30, 62, 131, 139, 147, 169, 171, 172, 180, 209, 217, 221–224, 245–246, 258–260, 267, 269, 273, 275, 278
Ивангородский уезд 230, 266, 269, 277, 296, 351
Ивановский монастырь с Малышевой горы в Ладого 93, 95, 97
Ижерский погост 126, 171, 172
Ижора, р. 260
Иломанский погост 133, 307, 317, 318, 325, 333
Ильинский Тигодский погост (Тигода) 140, 256, 261, 262, 295
Империя (Священная Римская империя) 68
Ингерманландия (Ижорская/Ижерская земля, Ижора, Ижера, Ингрия) 58, 61, 62, 74, 75, 126, 170–172, 176–179, 194, 209, 210, 230, 231, 282, 299, 305, 351, 359
Индия 129
Ирста (Истера), р. 328, 329
Иссад, с. 266, 267
Казань, г. 17, 74, 169
Каргополь, г. 12
Карелия 58, 73, 87, 133, 137, 230, 232, 278, 298, 299, 301, 303, 309, 310, 312, 321, 324–326, 340, 348, 349, 351, 354, 355, 357
Каспийское море 198
Кетский острог 199
Кирхгольм, местность 361
Кобона, р. 228, 254, 258
Кобона, с. 251
Кобильский уезд 351, 353, 354
Кола, г. 58
Колезма, местность 319
Кольский уезд 304
Кондуя, пустошь 258, 261, 262, 295
Копорский уезд 138, 211, 230, 232, 256, 257, 261, 263, 310
Копорье, г. 8, 9, 30, 36, 138, 139, 142, 147, 160, 161, 171, 174, 177, 180, 192, 209, 221, 222, 224, 246, 247, 257–261, 297
Корела (Кексгольм), г. 8, 30, 101, 131, 133–135, 138, 144, 151, 152, 167, 169, 177, 210, 221, 246, 334
Корельский/Кексгольмский уезд/лен 132, 134–137, 230, 233, 299, 302, 309, 310, 316, 328, 332, 333, 335, 342, 345, 356
Кострома, г. 320
Крутой ручей 265
Кудималакша (Кудамолакша), волость 319, 327
Лава (Лавуя), р. 204, 205, 207, 209, 213, 229, 230, 233, 235, 236, 250, 251, 256, 258, 261, 264, 268, 271, 284, 355
Ладога, г. 8, 25, 32, 38, 39, 57, 64, 66, 69, 77, 78, 92–98, 100–103, 105, 107, 109, 114, 121–123, 125, 127, 130–132, 138, 147, 150, 163, 166, 171, 175, 193, 204, 213, 215, 217–219, 221, 228–230, 233, 235, 237, 238, 246–249, 254, 258, 275, 304, 353, 355, 356
Ладожский уезд (присуд) 134, 229, 230, 231, 252, 294
Ладожское озеро 103, 133, 198, 229, 233, 236, 240, 251–254, 283, 294, 299, 315
Лезенский мох, болото 263
Лембоярви, местность 315, 317
Лендеры, д. 307
Ливония 9, 62, 323, 348, 360, 361
Линдозерский погост 328, 329
Липово, пустошь 263
Литва (Литовское государство) 31, 244, 271, 275, 283, 309
Лифляндия 34, 243
Ложголово, д. 248, 256, 264, 268, 272–276, 281–283, 286
Лондон, г. 60
Лопские погосты 131–137, 154, 252, 304, 305, 309, 310, 318, 319, 328, 334, 335, 338, 346
Лопский погост 126, 256, 293
Луга, р. 248, 258, 263–266, 269, 276, 283, 285, 296
Малая Лопца 256
Михайловский Ладожский порог 251
Москва 10, 13–17, 22, 24, 26–29, 31, 33, 34, 39, 43, 48, 49, 61, 68, 78, 93, 95, 97, 99, 107, 109, 110, 114–116, 118, 120, 121, 123–126, 129, 130–132, 134, 138, 148, 149, 153, 154, 167, 169, 170, 172, 174, 175, 177, 180–182, 188, 195, 197, 199, 200, 202, 204, 207, 210, 212–214, 216, 222, 226, 236, 239–242, 244, 250, 256, 257, 264,

- 265, 268, 270–274, 276, 277, 279, 281, 285–287, 290, 296–299, 302, 308, 309, 321, 322, 328, 330, 334, 336, 338–340, 346, 347, 351, 352, 360–362,
- Московское царство (Москва, Московская Русь) 6, 7, 10–12, 14, 15, 18, 23, 28, 49, 55, 58, 60, 67, 68, 73, 74, 76–79, 81, 111, 112, 124, 126, 129, 146, 165, 179, 212, 216–218, 220, 221, 235, 243, 246, 257, 262, 268, 273, 278, 296, 347, 350, 354, 359–362
- Мста, р. 252
- Муравейно, д. 264, 296
- Нарва (Ругодив), г. 32, 51, 75, 97, 114, 119, 149, 187, 188, 192, 194, 195, 217, 270, 281, 284, 288, 321, 324, 331, 335, 354, 357, 360, 361
- Нарова, р. 234, 258, 260, 265, 269
- Неважский ручей 235, 236
- Невское устье 62, 94
- Нидерланды 49, 55, 67, 68, 121, 168, 203
- Ниен (Ниеншанц), г. 75, 78, 254
- Никольский погост на Сяси 123
- Новгород Великий, г. 6–8, 10–14, 17, 18, 20–22, 24–27, 30, 35, 36, 38, 39, 43, 44, 54, 56, 60, 61, 64, 67, 77–79, 91, 98, 106, 110, 114, 117–120, 122, 130, 134, 135, 139, 141, 142, 144–153, 156–158, 166, 167, 174, 176, 177, 180, 181, 188–192, 194–197, 199, 200, 204, 207, 212, 213, 215–218, 221, 222, 225, 228, 232, 233, 235–241, 246–249, 258, 261, 274–276, 279, 281, 283, 286–289, 291, 294, 298, 302, 311, 322, 331–334, 336, 338, 339, 346, 352, 356, 358, 360, 362
- Новгородская земля 8, 9, 15, 18, 30, 47, 59, 75, 77, 136, 137, 152, 219–221, 257, 261, 359
- Новгородский уезд 135, 137, 230, 231, 233, 249, 256, 257, 261, 286, 302, 309, 345, 351, 356
- Нутная улица 36, 141
- Обонежская пятина 325
- Олонекский погост 131, 133, 233, 236, 299
- Онего, Онежское озеро 103, 133
- Орешек (Нотебург), г. 6, 65, 124–126, 131, 134, 138, 139, 142, 171, 174, 177, 193–195, 204, 210, 221, 222, 228–230, 233, 240, 246, 251, 252, 254, 256, 259, 260,
- Орешковский уезд 65, 138, 171, 172, 229, 230, 251, 263, 293
- Осиновая Горка, местность 249, 258, 265, 266, 286–288, 290–292, 295
- Осташков, посад 31, 98, 118, 119, 207
- Пейпус (Чудское) озеро 198, 269, 276
- Переславль, г. 121, 304
- Пермь, г. 17
- Пернов (Пернау, Пярну), г. 63
- Пески, местность 33, 38, 44, 69, 118, 120, 268
- Пилес, озеро 307
- Плюсса, р. 234, 258, 265–267, 269, 272
- Пола, р. 120
- Польша 63, 271, 309, 363
- Порозерская волостка (Поросозеро, Пороярви) 303–305, 307–309, 318–320, 324, 326–328, 330–335, 338, 341, 350
- Порхов, г. 34, 64, 147, 166, 171, 172, 193–195, 221, 228, 246, 247, 352, 356
- Посестрина Гора, местность 263
- Приневье 125
- Псков, г. 12, 17, 26–29, 31, 36, 38, 47, 59, 97, 109, 110, 118, 119, 122, 127, 153, 161, 181, 188, 194, 207, 213, 216–218, 270, 273, 275, 283, 352–354, 357, 358
- Псковская земля 15, 360
- Пялдозерская волость 328
- Пята, р. 258, 265, 296
- Ребола, волость 133, 303, 304, 307, 308, 310, 319, 333, 334, 339, 350
- Речь Посполитая 16, 55, 67, 68, 122, 206, 303, 360–362, 365
- Рига, г. 348
- Рождественский погост на Паше 99
- Рождественский погост на Сяси 105, 107
- Россия 15, 20, 30–32, 45–47, 57, 64, 69, 76, 80, 81, 96, 99, 102, 109, 112, 113, 126, 135, 137, 152, 198, 199, 201, 202, 213, 230, 243, 350, 359, 363, 364
- Савонная Тайбола, местность 316, 318
- Свирский острог 103
- Свирь, р. 103
- Северное море 198
- Северские города 272

- Семчезерский погост 133, 305, 309, 311
- Сердобольский погост 133, 328, 332, 342, 343
- Сермакса, д. 104
- Сестра, р. 125, 234
- Сибирь 180, 109
- Скамья, иссад 258, 266
- Славенский конец 153
- Славенский сад 141
- Смоленск, г. 16, 17, 31, 362
- Солецкий погост с Волхова 130, 256
- Соломенский погост (Salmi) 133, 230, 233, 236, 252, 299
- Сольвычегодск, г. 17
- Софийская сторона в Великом Новгороде 190
- Спаский Селецкий погост 133, 136, 303, 309, 316, 327, 334
- Старая Русса, г. 26, 31, 54, 64, 98, 118, 119, 120, 166, 171, 172, 194, 195, 221, 228, 276, 279, 289
- Старополье, Старопольская сотня 269, 284
- Стокгольм, г. 13, 16, 39, 46, 54, 55, 57, 60, 61, 86, 88, 121, 195, 197, 204, 210, 244, 252, 298, 360
- Столбово, д. 33, 41, 57, 64, 72, 88, 96, 103, 104, 107, 108, 115, 123, 126, 128, 130–132, 138, 142, 144, 145, 147, 151, 155, 162–164, 169–172, 176, 178, 180, 185, 190, 199, 219, 222, 223, 227, 242, 252, 265–268, 297, 299, 351
- Сумерская волость 125, 126, 230, 246, 250, 264, 266, 276, 277, 279, 280, 284, 296
- Сыренск (Нюшлот, Вестер-Нарва) 266, 269
- Сясь, р. 52, 97–103, 105, 107, 122
- Сясьский острог 99, 101, 102
- Сясьское устье 99, 101–103
- Татария 74
- Теребужский погост 256
- Тесово, местность 52, 172, 193
- Тигода, р. 140
- Тихвинский монастырь (Тихвин) 14, 16, 25, 32, 38, 44, 91–96, 98–109, 116, 121, 129, 130, 139–142, 144, 145, 150–152, 189, 222, 242, 246, 248, 249, 302, 362
- Торговая сторона в Великом Новгороде 189, 190, 191
- Торжок, г. 14, 23, 25
- Торопец, г. 109
- Торопецкий уезд 137
- Тявзино, д. 170
- Углич, г. 121, 213
- Удинсваль (Сундсваль), г. 210
- Ульский городок (Оулу) 210
- Унус-озеро (Унусъярви, Унистьярви), местность 329, 333, 335, 340, 341, 342, 350
- Упсаль (Упсала), г. 210
- Устрека, местность 239
- Устрецкие волости 152
- Устьянский острожек 127, 194
- Устюжна, г. 12, 121, 212, 222, 287, 302, 304
- Финляндия 9, 93, 179
- Хутынский монастырь 149, 190, 192
- Церковь Знамени Богородицы в Новгороде 142
- Церковь св. вмч Дмитрия в Новгороде 142
- Церковь св. Софии в Новгороде 142
- Церковь свв. Петра и Павла в Иссаде 266
- Черное море 198
- Шавенский городок (Савонлинна, Нюшлот) 210, 306
- Швеция 7, 10, 14, 15, 17, 28, 30, 33, 43, 44, 46, 48, 49, 54, 56, 57, 59, 63–65, 67, 68, 71, 74, 75, 77, 79, 80, 86, 89, 102, 109–111, 114, 119, 123–126, 132, 134, 135, 142, 146, 152, 165, 166, 173, 175, 182, 195, 197, 198, 201, 203, 210–212, 220–222, 232, 235, 243, 244, 247, 294, 303, 342, 350, 355, 359, 361
- Шелонская пятина 172, 296
- Штральзунд, г. 75
- Шуезерская волость (Суоярви) 342, 343, 346
- Эребро, г. 19, 55, 63
- Эстляндия 9, 195
- Юрьев Ливонский (Дерпт, ныне Тарту) 34, 35, 275, 283–285
- Ям (Ямгород), г. 8, 9, 30, 131, 138, 139, 142, 171, 177, 180, 192, 193, 209, 221, 222, 224, 246, 258–260, 264, 269, 273, 275, 281, 283, 286
- Ямской уезд 138, 211, 266, 277, 296, 351
- Ямчозерская волость 327
- Ярвосольский погост 126, 256, 261, 293, 295
- Ярославль, г. 121, 213, 302, 304

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Attman A. (Аттман А.) 62, 63
 Dumont J. (Дюмон) 85
 Dunning Ch. 112
 Geier E. G. 198
 Hallendorff C. 82
 Harlafis G. 72
 Herbst S. (Хербст Стефан) 72
 Jönsson A. 60
 Katsiardi-Hering O. 72
 Kepsu K. (Кенсу К.) 74, 75
 Korhonen A. 241
 Kotilaine J. T.
 (Котилэйн Дж. Т.) 75
 Phipps G. M. (Фиппс Дж.) 77, 111
 Rydberg O. S. 82
 Soom A. (Соом Арнольд) 62
 Tarkiainen K. (Таркяйнен Кару) 73, 74, 350
 Torke H.-J. (ТоркеХ.-Й.) 73
 Zakharov V. N. 72
 Агапитов Семен 296
 Акуандер М. 87
 Александров А. М. 251
 Аминев Федор Григорьев сын 209, 272
 Андерссон Эрик («Ирик Андреев»,
 Eerikki Antinpoika) 75, 240, 242, 264,
 265, 267, 268, 270, 272, 282, 286, 287,
 297, 305, 307, 308, 312, 326, 328, 331–
 336, 338, 346, 350
 Аничков Михаил Злобин сын 293
 Арне Т. 353
 Арцыбашев Матвей 103, 190
 Арцыбашев Филипп Матвеев сын 108
 Бабин Алеша, купец 209
 Бажен Иванов (Бенджамин Барон)
 толмач 160, 161
 Баклановский Иван Иванов сын 98,
 100–102, 140
 Банер Юхан 162
 Баннер Сванте 194
 Баранов Кирилл 248, 249
 Бас-Бакер Петер В. А. (Peter W. A. Bas-
 Backer) 32
 Басс Дирк, амстердамский бургомистр
 32
 Бегуницкий Григорий, подьячий 351

Белосельский Михаил Васильевич,
 князь 14
 Берндес Йоахим, комиссар 240, 242–244,
 291, 352
 Берх В, Н. 86
 Блом Ф. Р. Е. (Frans R. E. Blom) 32
 Боборыкин Яков Михайлов сын 95, 259,
 261, 276, 280
 Бобровник Степан, пятиконецкий
 староста 146
 Бойе Ханс («Анц Бой») 36
 Большаков Нечай, пятиконецкий
 староста 146
 Борисов Иван, дьячок Лопского погоста
 293
 Боровиков Юшка Офониев сын,
 старорушанин 152, 153
 Борятинский Федор Петрович, князь 44,
 204, 206, 209–211, 213, 224, 225, 238,
 239, 240, 241, 355, 356
 Бот Яков Яковссон,
 ассессор 204
 Бракель Ханс (Анца Брякилев) 131, 209,
 224, 322
 Бредероде Рейнголдт ван, президент
 провинциального совета Голландии
 32, 39
 Буреус Андреас, секретарь 301, 317
 Бутаков Григорий, голова 189, 190, 192
 Вагнер Лоренц, ротмистр 97, 123, 162
 Ваза Владислав, принц, позднее король
 Речи Посполитой Владислав IV 18,
 166, 182, 202, 213, 243, 271, 272, 279,
 362
 Вареев Андрей, дьяк 199
 Варсонофий, строитель ладожского
 Ивановского монастыря с
 Малышевой горы 92–97
 Василий Шуйский, царь 10, 17, 55, 168,
 176
 Васильев Андрей, посадский человек,
 пятиконецкий староста 146, 155
 Васильев Иван, старорусский подьячий
 152, 153
 Васильев Казарин, дьячок 292
 Васильев Лучка, староста
 Сердобольского погоста 343

Ведынов Первой, посадский человек 146
 Великосельский Иван, подьячий 311
 Вернадский Г. В. 57, 58
 Ветушко-Калевич А. 46
 Видекинд Юхан 19–21, 26, 36, 39, 45, 46,
 49, 51, 85, 86, 93, 103, 114, 118, 119,
 121, 122, 124–127, 163, 165, 168, 172,
 194, 195, 204, 251, 262, 271–273, 301,
 312, 324, 331, 336, 351, 361
 Викентьев Михаил 116
 Вильдман Арвид Тенниссон 30, 33, 39,
 92, 94, 119, 125
 Витовтов Федор Иванов сын, подьячий
 259, 261
 Волков Василий Иванов сын, подьячий
 108, 163
 Володимеров Г. , подьячий 156
 Володимеров Ларка, тихвинский
 стрелец 107
 Воронин Василий, посадский человек
 142
 Воскобойников Иван Вязмитин,
 посадский человек 159
 Вындомский Андрей 325–327
 Вышеславцев Василий Павлов сын,
 посадский человек 146
 Вышеславцев Никита Васильев сын
 255, 301, 315, 317, 319, 320, 323–326,
 328–330, 333, 334, 336–344, 346–349
 Габсбурги, династия 67
 Голицын Андрей Васильевич, князь,
 боярин 95
 Голицын Василий Васильевич, князь,
 боярин 95
 Гонсевский Александр Корвин 184
 Горн Арвид, ротмистр 162
 Горн Хенрик 21, 119
 Горн Эверт, фельдмаршал 27, 29, 54, 114,
 118, 119, 180
 Грамотин Иван Тарасьевич, дьяк 17, 213
 Григорьев Иван, пятиконецкий староста
 95, 146
 Григорьев Пятый, дьяк 130, 191, 192
 Григорьев Родька (Нехорошка),
 лазутчик 142
 Гурьев Клементей Романов сын 249
 Густав Адольф, король Швеции 13, 15,
 20, 26, 27, 33, 35, 36, 37, 46, 49, 51,
 53–55, 59, 60, 62, 63, 68, 76, 79, 80, 85,
 86, 114, 118, 124, 142, 145, 146, 148,
 151, 175, 182, 197, 204, 209, 210, 213,

243, 265, 270, 282, 297, 303, 311, 348,
 355, 360, 361
 Густав Ваза, король
 Швеции 73
 Данилов Петрушка, посадский человек
 130
 Деллагарди Якоб, генерал, граф 16, 18, 20,
 26, 27, 30, 33, 34, 38, 39, 47, 50, 51, 65,
 96–98, 103, 117, 118, 119, 122, 125, 127,
 130, 147, 149, 188, 193–195, 224, 322,
 347–349
 Дементьев Иванко, перебежчик 293
 Демидов Истома, гость 146
 Джеймс (Яков) I, король Англии и
 Шотландии (Джеймс VI) 28, 51, 60,
 115, 124, 178, 182, 203
 Дзярнович А. 278
 Дигтс Дадли 202
 Дмитриев Постник, дьяк 179
 Дмитриев Юрий, писец 332
 Дмитриев Юрий, писец 332
 Долгово-Сабуров Захарий 286, 298
 Доможиров Иван Борисов сын,
 дворянин московский 231, 235
 Дубровский Богдан Минин сын,
 стрелецкий голова 13, 92, 174, 354
 Дубровский Илья, дьяк 280
 Дунилов Семен, стрелецкий сотник
 104, 105
 Елецкий Федор Андреевич, князь 71,
 199
 Жеребцов Семен Иванов сын, дворянин
 московский 231–245, 247–256, 262–
 268, 270–281, 284–292, 294–296, 298,
 299, 352
 Жуков А. Ю. 302
 Замятин Г. А. 19, 20, 32, 39, 62, 64–66,
 102, 109–111, 127, 128, 130, 152, 162,
 182
 Зиновьев Никита Матвеев сын 144
 Змеев Василий Иванов сын 225, 250, 274
 Зорин А. В. 29
 Зюзин Алексей Иванович, дворянин
 московский 32, 44, 109, 115, 156, 173,
 232
 Иван Васильевич, царь 10, 11, 293, 324
 Иван, ладожский посадский поп церкви
 св. Климента 95
 Иванов Одинец, подьячий 310, 333
 Иванов Трофимко, крестьянин Никиты
 Тыркова 388

Игумнов Семен, торговый человек 149
 Иосиф, старец Деревяницкого
 монастыря 139, 140
 Исидор, митрополит новгородский
 и великолукский 95, 117, 143, 145–148,
 157, 192, 200
 Йоахими Альберт, рыцарь 32
 Казаков Г. М. 84
 Казанцов Михалко, посадский человек
 95
 Казаринов Ивашко, перебежчик 293
 Калитин Никита Иванов сын 181, 209
 Каменский А. Б. 363, 365
 Карл Сёдерманландский (Карл IX),
 герцог; позднее король Швеции 9, 97,
 117, 168, 176, 242, 243
 Карл Филипп, принц («Карлус Филип
 Кпрлусович») 13–15, 18, 21, 24, 55, 56,
 64, 203, 242
 Качалов Александр 327
 Качалов Воин Елизарьев сын 106
 Кашкин Борис, дьяк 204
 Киприан, архимандрит Хутынского
 монастыря 14, 21, 26, 28, 43–45, 95,
 142, 148–150, 203
 Кистерев С. Н. 213
 Китаев Дмитрий, писец 130, 137–139,
 311, 335
 Кlementьев Первой, пятиконецкий
 староста 146
 Кобелев Григорий, подьячий 137, 310,
 334, 335
 Кобзарева Е. И. 80
 Коброн Самуил, полковник 25, 93
 Коваленко Г. М. 10, 11, 78, 79
 Козляков В. Н. 76, 77, 195
 Коломский Андрей, подьячий 248
 Комаров Матюшка, крестьянин князя
 Ивана Мышецкого 251
 Конахин Иван, ивангородец 352
 Кононов Третьяк, пятиконецкий
 староста 146
 Копнин Третьяк (Мина), дьяк 199, 239
 Копнин Шестой Минин сын, дьяк 301,
 312, 325, 328, 329, 333, 347–349
 Корзухин Максим, посадский человек
 146
 Корповский Петр, рассылщик 276
 Костомаров Н. И. 48
 Коттон Р. 112
 Крейц Эрнст, лейтенант 331, 334–336
 Кропоткин Михайло, князь 249

Кротов П. А. 364
 Крузе Йеспер Андерссон 20, 194, 361
 Кузминский Иван Матвеев сын 171
 Кузнец Якушко, староста Нутной улицы
 26, 141
 Куракин Иван Семенович, князь,
 боярин 24, 95, 115
 Курбатов О. А. 16
 Кушников Неустрой, дворянин
 московский 108, 163
 Ланг Симон, капитан 194
 Ларссон Йоран («Юрий Лаврионов»)
 315
 Лебедь (Лебедев) Филипп,
 ивангородский посадский человек
 224
 Леонтьев Федор 116
 Лесовик Офоня, посадский человек 159
 Лизунов Михаил, рассылщик 276
 Лисейцев Д. В. 112, 114, 202
 Лисовский Александр
 Юзеф 29
 Лопатин Аргюшка, старожилец 341
 Луговской Неждан, подьячий 310, 333,
 335
 Лутохин Семен Гневашев сын, дьяк 95,
 141, 191
 Лыжин Н. П. 24, 34, 48, 49, 51, 52, 69,
 84–88, 197–200, 203, 270
 Лыков Борис Михайлович, князь,
 боярин 92, 93, 95
 Лысцов Мокей, посадский человек 146
 Лыговский Иван, дьяк 231, 235, 245, 280
 Майоров А. В. 112
 Максимиан, римский император
 («царь») 168
 Марфа Ивановна, царица-инокиня 145
 Матссон Бенгт («Вендя Матвеев»),
 толмач 314, 315, 319
 Мезецкий Данило Иванович, князь
 17, 32, 34, 36, 38, 44, 65, 95–97, 102,
 103, 106–110, 115, 116, 120–122, 128,
 129, 130, 132, 135, 137, 138, 141–144,
 149–152, 155–157, 169, 171, 172, 174–
 178, 181, 184, 185, 188–190, 193, 200,
 219, 221–223, 225, 227, 229, 232, 235,
 236, 238, 239, 245, 246, 248, 257, 305,
 321–324, 326, 331–334, 336, 347–349,
 352, 357, 358
 Меррик Джон («Иван Ульянов») 28,
 30–32, 41, 44, 47, 49, 52, 59, 77, 78,
 108, 109, 111, 112, 114–116, 118–129,

145–148, 154, 156, 160, 163, 166, 172,
 175, 176, 185, 189–192, 194, 200–202,
 209, 221, 222, 223
 Мещерский Никифор Яковлевич, князь
 43, 130, 134, 156
 Милославский Михаил Иванов сын,
 дьяк 152, 336, 347
 Михаил Романов, царь 12, 13, 16, 20, 22,
 24, 26, 27, 63, 67, 76, 77, 79, 86, 91, 93,
 95, 112, 115, 117, 148, 151, 166, 169,
 184, 195, 199, 204, 214, 220, 221, 223,
 243, 306, 314, 320, 322, 348, 361
 Моклоков Никита Губа 139
 Молвянинов Семен 332
 Мордвинов Семен 306
 Мунк Ханс 94, 301–303, 305, 306, 312,
 314–319, 321, 326, 327, 333, 335, 336,
 343, 344, 346, 356
 Муравьев Матвей Шавруков сын 95,
 130, 134, 144, 156
 Мутрих Андерс, секретарь 162
 Мышецкий Андрей, князь 293
 Мышецкий Данило Тимофеев сын,
 князь 293, 294
 Мышецкий Иван, князь 251
 Мякинин Курап Дмитриев сын 25
 Назаров В. Д. 112
 Назаров Олешко, человек Ивана
 Секирина 261, 262
 Нарымов Федор, князь 140
 Насонов Ждан, купец 209
 Неелов Роман Иванов
 сын 331
 Нелединский Юрий 235–236
 Неплюев Василий Федоров сын 98, 100,
 101, 103, 131, 140, 250, 274
 Нестеров Степанко-Краско, староста
 Иломанского погоста 318
 Никандр, архимандрит Юрьева
 монастыря 212
 Никифоров Андрей, дьячок Солецкого
 погоста с Волхова 130
 Никон, патриарх 363
 Новокщенин Николай, дьяк 44, 109,
 154, 155
 Оболянинов Федор Жданов сын 144
 Оботуров Чета, дьяк 110
 Одоевская Агафья Игнатьевна, княгиня
 143, 150
 Одоевский Иван Иванович Большого,
 князь 145

Одоевский Иван Иванович Меньшого,
 князь 358
 Одоевский Иван Никитич Большой,
 князь, боярин 95, 117, 144
 Оксеншерна Аксель 19, 30, 33–35, 60,
 74, 211
 Окунев Андрей 351
 Олаф I Святой (Skottkonung) 203
 Опалев Григорий, копорский сын
 боярский 291
 Оранский Мориц, принц 51
 Ордин-Нащокин Афанасий
 Лаврентьевич 352
 Палицын Богдан 317, 318
 Пальм Монс Мортенсон 20, 33, 34, 39,
 66, 67, 97, 122, 123, 125, 130, 180, 201,
 209, 261
 Пауль Андерс 195
 Пересветов-Мурат А. И. 293
 Петр Первый, царь, позднее император
 58, 363
 Петр Петрей (Пер Перссон де
 Ерлезунда; Petri Petrejide Erlesunda)
 40–42, 73, 81, 85, 213, 214
 Печенегов Темир 248, 249
 Писемский Гаврило Иванов сын,
 дворянин московский 237, 239, 299,
 301, 302, 304–306, 309, 311. 313–316,
 320, 332
 Плещеев Иван Дмитриевич, псковский
 воевода 110, 351, 353
 Плещеев Иван, писец 332
 Полева Степан, посадский человек 146
 Поршнев Б. Ф. 66–68
 Поссевино Антоний, легат 122
 Пристальцов Томило Михайлов сын,
 пятиконецкий староста 146, 148, 215
 Прокофьев Первой, гость 146
 Прончищев Иван 45
 Прончищев Осип Иванович 44, 204
 Протасьев Соловой, дворянин
 московский 108, 121, 150, 162
 Пуффендорф Самуэль фон 51
 Рабинович Я. Н. 77, 78, 114, 120
 Раков Данило, подьячий 130
 Резанов Данило, псковский
 таможенный голова Немецкого двора
 352
 Ременников Андрей, пятиконецкий
 староста 141, 156
 Реткин Семен, подьячий 185
 Розенкранц Риккерт Исакссон 92

- Роули, купцы 75
 Рыжков Степан, дьячок 349
 Рынди́н Михаил 95, 249, 295
Саблер Г. 193
 Сагайдачный Петр, гетман
 Запорожский 272
 Салтыков Михаил Глебович, боярин 179
 Салтыков Федор, писец 332
Сведелиус 53
 Секирин Иван Борисов
 сын 261
 Секирин Никита 349
Селин А. А. (Selin A. A.) 21, 92, 105, 126,
 134, 143, 213, 272
 Семенов Добрыня, дьяк 44, 109, 152, 163,
 192, 347
 Семенов Меньшик, пятиконецкий
 староста 146
 Семенов Савва 192
 Сергиев Ивантей, посадский человек
 159
 Сиверицын Андрей 295
 Сигизмунд III, король Речи Посполитой
 9, 16, 63, 170, 243
Скобелкин О. В. 321
 Сласницын Докучай, посадский человек
 146
 Смит Томас, секретарь 119, 121, 122, 129,
 163, 222
 Смит Фабиан («Фабин Ульянов») 321
 Собакин Григорий, подьячий 35, 143,
 160
 Собакин Семен 110
 Соболев Степанко, посадский человек
 159
Соловьев С. М. 46, 47, 95
 Солодов Ивашка, целовальник 351
 Спенс Джеймс, шведский посол в
 Лондоне 60
 Спешнев Чегодай, атаман 96, 101–103
 Споре Хенрик Монссон 151, 152
 Стеблев Андрей Кузмин сын,
 старорушанин 152, 153
 Стенбук Густав, государственный
 советник 204, 209, 210, 213, 270, 271,
 355, 356
 Степанов Андрей, дьяк 116
 Судоплатов Матвей, стрелецкий
 пятидесятник 274, 277, 281, 297
 Супонев Никита 171, 248, 249
 Тетерин Дмитрий, посадский человек
 146
Толстиков А. В. 41
 Третьяков Петр Алексеевич, думный
 дьяк 110, 212, 213, 239, 277
 Троекуров Иван Федорович, князь,
 боярин 218, 253, 254, 256
 Трубецкой Дмитрий Тимофеевич, князь,
 боярин 21, 22, 24–26, 117, 118
 Тушинский Самозванец («Тушинский
 Вор», Лжедмитрий II) 10, 95
 Тырков Иван Яковлев сын 171
 Тырков Никита Яковлев сын 134, 138,
 286, 288, 291, 296
 Уваров Агиш Дичков
 сын 105
 Уваров Петр, стрелецкий сотник 99
 Унгерн Герт фон, королевский дворянин
 273, 274
 Урбансон Ларс 95
 Фанемин Тимофей, переводчик 238, 239,
 241, 242, 244, 280, 282, 283, 297, 332
 Федор Иванович, царь 242, 254
 Федоров Иван, подьячий 134
 Федотьев Ларка, крестьянин 94
 Филарет Никитич, митрополит
 ростовский, позднее патриарх 145,
 309, 321, 322
 Философов Василий Григорьев сын 244,
 264, 265, 273, 277, 282
Филюшкин А. И. 364
 Флеминг Клас 33, 179
 Флеминг Хенрик 346, 347, 357, 358
Флоря Б. Н. 18, 362
Фомина Ю. Б. 126
Форстен Г. В. 27, 52–56, 58, 116, 123, 299
Халленберг 21, 85
 Хамов Григорий, посадский человек 146
 Харламов Иван Жданов
 сын 131
 Харламов Иван, купец (Иван Харламов
 сын Брянцов) 211–213
 Хахин Тимофей, торговый человек,
 корелянин, переводчик 149, 150–152,
 215
 Хворостинин Иван Дмитриевич, князь
 95
Хилков А. Я. 363
 Хмелевик Томило, пятиконецкий
 староста 146
 Хованский Иван Андреевич, князь,
 боярин 71, 116, 197, 199, 215, 217, 218,
 237–240, 245–248, 250, 276, 287, 289,
 291, 294, 302, 311

- Христиан IV, король Дании 60, 123
 Хутеерис Антонис, секретарь 32, 33, 223
 Чаплин Несмеян 185, 192
 Частый Василий Федоров сын,
 подьячий 302, 311–315, 318, 320, 322,
 323, 325, 328, 329, 333, 342, 348
 Челгоков Казарин, приказчик
 дворцовых Устрецких волостей 153
 Челищев Чеботай 199
 Черемисинов Деменша Иванович 179
 Черного Оболенский Федор
 Тимофеевич, князь 25
 Шамшев Василий Афанасьев сын 293
Шаскольский И. П. 15, 65, 69–72, 198,
 199, 216, 217
Шафиров П. П. 363
 Шединг Филипп 34
Шеламанова Н. Б. 350
 Шепелев Владимир, дворянин
 московский 108, 162–163
 Шереметев Федор Иванович, боярин 29,
 31, 34, 200
 Шипилов Иван Измайлов сын 92
 Шолтуев Семейка, старожилец 341
 Шорин Богдан, торговый человек 149
 Шютте Юхан 68, 202, 203, 211
 Эрик XIV, король Швеции 360
 Этельред II, король Англии («Ельред»)
 203
 Юлленгельм Карл Карлссон,
 фельдмаршал 97, 109, 127, 190–197,
 207, 215, 235, 284, 303, 321–323, 331,
 335, 336, 340, 349, 352–356
 Юхан III, король Швеции 179, 180, 272
 Якобссон Рейнгольт 195
 Яковлев Куземка, хутынский служка
 142–144, 149
 Яковлев Мокейко, посадский человек
 38, 141
Якубов К. И. 56, 57, 135, 165, 168, 170,
 181, 182, 201, 205, 206, 208–210, 212,
 215
 Янссон Пер (Petrus Jansonius) 203

А. А. Селин

СТОЛБОВСКИЙ МИР 1617 ГОДА

Редактор — М. В. Друзин

Корректор — А. К. Райчхин

Дизайн, верстка — А. А. Зайцев

Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ»
Генеральный директор издательства — К. А. Кормановская
191024, Санкт-Петербург, Полтавская ул., 14
Тел.: +7 (921) 413-06-55 и +7 (950) 015-53-92
E-mail: kiak5@mail.ru и info@blitz-store.ru
www.blitz-store.ru

Подписано в печать 12.07.2017 г.
Формат 60 × 90 / 16. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 13.

Отпечатано в типографии «РОСБАЛТ»
197347, Санкт-Петербург, ул. Оптиков, 4